

Francesca Fici Giusti,
Simonetta Signorini (Hrsg.)

Категория сказуемого
в славянских языках:
МОДАЛЬНОСТЬ И АКТУАЛИЗАЦИЯ

Акты международной конференции
Certosa di Pontignano (Siena) 26.-29.3.1992

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den
Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen,
insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages
unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

Begründet von
Alois Schmaus

Herausgegeben von
Peter Rehder

Beirat:

Tilman Berger · Walter Breu · Johanna Renate Döring-Smirnov
Wilfried Fiedler · Walter Koschmal · Miloš Sedmidubský · Klaus Steinke

BAND 305

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN

КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОГО
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ:

МОДАЛЬНОСТЬ И АКТУАЛИЗАЦИЯ

Акты международной конференции

Certosa di Pontignano (Siena)

26.-29.3.1992

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 1993

A cura di
Francesca Fici Giusti e Simonetta Signorini

Per la pubblicazione degli Atti ci siamo avvalsi di un contributo del CNR

ISBN 3-87690-559-1

© Verlag Otto Sagner, München 1993

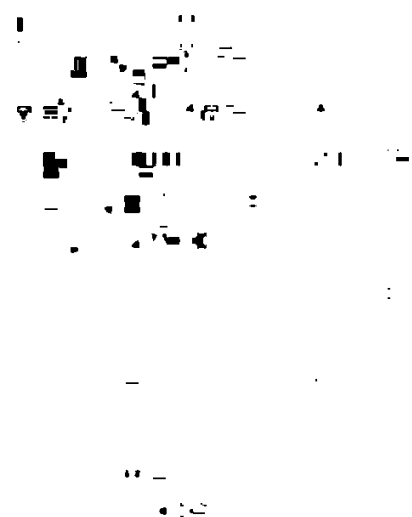
Abteilung der Firma Kubon & Sagner, München

С 26-го по 29-ое марта 1992 г. в Чертоза ди Понтиньяно (около Сьены) состоялась Международная конференция «Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация». Данная тема давно интересует славистов из разных стран, которые исследуют различные аспекты категории сказуемого. В силу общей тематики дискуссии после каждого выступления оказались весьма плодотворными и способствовали углублению отдельных проблем.

Сказуемое, будучи категорией логической и одновременно лингвистической, может подвергаться разным толкованиям в зависимости от анализа реализаций в отдельных языках или от определения его конкретных границ. Как известно, в славянских языках категория сказуемого тесно связана с категорией вида, хотя это является только одной из его характеристик. Отношение между сказанным и несказанным, толкование модальности, общее стремление к отождествлению сказуемого с предложением и с высказыванием составляют лишь некоторые темы, вокруг которых шли дискуссии во время конференции. Хотя большее внимание было уделено русскому языку, сравнивались некоторые выражения сказуемого в других славянских языках, однако же теоретический подход выходил за рамки характеристик сказуемого отдельных языков.

Мы выражаем свою благодарность коллегам, активно принявшим участие в конференции и коллегам, выступившим во время дискуссий, и надеемся, что такие конференции еще состоятся. Мы выражаем свою благодарность и Сьенскому Университету за предоставленную возможность провести конференцию среди прекрасных Сьенских холмов, а также администрации Лингвистического Отделения Флорентийского Университета за оказанную помощь в организации конференции.

Редакторы Актов Конференции
Флоренция, 6-го сентября 1993 г.

Il convegno internazionale svoltosi alla Certosa di Pontignano (Siena) tra il 26 e il 29 marzo 1992 è stato un importante momento di confronto tra slavisti di var paesi che da tempo lavorano su diversi aspetti della categoria del predicato. Proprio grazie a questa tematica comune le discussioni seguite ad ogni intervento sono state molto proficue e hanno senz'altro costituito un'occasione per approfondire gli argomenti trattati.

Come categoria logica e linguistica al tempo stesso, il predicato si presta alle interpretazioni più diverse, che vanno dalle sue realizzazioni nelle lingue specifiche a quella di una definizione più generale dei suoi limiti. È cosa nota che nelle lingue slave l'espressione del predicato è dominata dalla categoria verbale dell'aspetto; tuttavia questo costituisce solo una delle sue caratteristiche. Il rapporto tra il detto e il non detto, l'interpretazione della modalità, la tendenza ad identificare sempre più il predicato con la frase e con l'enunciato sono soltanto alcuni temi su quali si è discusso nel corso dell'incontro. Anche se il russo è stato indubbiamente privilegiato rispetto alle altre lingue slave, ciò nondimeno alcune realizzazioni di predicato sono state confrontate tra le diverse lingue dell'area slava e l'impostazione teorica ha comunque travalicato i limiti delle lingue specifiche.

Ringraziamo tutti i colleghi, sia quelli che hanno partecipato direttamente all'incontro sia quelli che sono intervenuti nelle discussioni e auspichiamo che convegni di questo tipo non restino un fatto isolato. Ringraziamo inoltre l'Università di Siena che ci ha dato la possibilità di lavorare nella splendida cornice dei colli senesi e anche il personale amministrativo del Dipartimento di Linguistica dell'Università di Firenze per l'aiuto prestato all'organizzazione del convegno.

I Curatori degli Att
Firenze, 6 settembre 1992

|| -
- -

.

∴

.

.

.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	v
Н.Д.Арутюнова (N.D.Arutjunova, Москва), Предикаты квазиистинной оценки в русском языке.....	1
Р.Бенаккьо (R.Benacchio, Padova), «Формы вежливости» и «вежливые формы» в русском императиве.....	15
А. Богуславски (A.Bogusławski, Warszawa), Об «удивительном» может в вопросительных предложениях.....	29
И. М.Богуславский (I.M.Boguslavskij, Москва), О соотношении исходной и производной пропозиций.....	41
Т.Б.Булыгина, А.Д.Шмелев (T.V.Bulygina, A.D.Šmelev, Москва), Коммуникативная модальность: констатация возможности, гипотезы и квази-сообщения.....	55
Д. Вайс (D.Weiss, München), Двойные глаголы в современном русском языке.....	67
Л.Геберт (L.Gebert, Roma), Ambiguous aspect forms and grounding.....	99
Ф.Данеш (F.Daneš, Praha), Об актуализации пропозиции.....	115
С.Каролак (S.Karolak, Kraków), Категория предикатов (понятий) и временная актуализация.....	123
М.Леинонен (M.Leinonen, Tampere), When meaning does not make sense: the Russian construction "X достаточно Y, чтобы Z".....	139
А.Мустайоки (A.Mustajoki, Helsinki), Выражение модальности в модели функционального синтаксиса.....	149
С.Е.Никитина (S.E.Nikitina, Москва), Фольклорные жанры и глагольная модальность.....	157
Р.Ратмайр (R.Rathmayr, Wien), Предикаты изменения количества в русских текстах сферы экономики.....	167

П.Серио (P.Seriot, Lausanne), От имени до пропозиции: прерывный или непрерывный переход?	185
С.Синьорини (S.Signorini, Firenze), Инфинитивные предложения в русском языке XVIII века	195
А. Тимберлейк (A.Timberlake, Berkeley), Предикат как текст (модальность как квантификация)	209
Ф.Фичи Джусты (F.Fici Giusti, Firenze), Об устранении агенса при глаголах действия и о степени референтности	217
К.Чвани (С.Chvany, MIT), Парадигма как разбиение грамматического пространства (К типологии предложений с глаголами <i>быть</i> и <i>мочь</i>)	231

Нина Д. Арутюнова (N. D. Arutjunova, Москва)

ПРЕДИКАТЫ КВАЗИИСТИННОСТНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Модальность - это оценка того, соответствует ли содержание высказывания (пропозиция) действительности. Она характеризует отношение между двумя принципиально различными мирами - идеальным и реальным, из которых первый детерминирован вторым, но в то же время допускает варьирование, второй же, входя с ним в отношение истинности, напротив утрачивает изменчивость, «застывает». Соотношение этих двух миров может оцениваться положительно - как соответствие первого второму, или отрицательно - как несоответствие. В первом случае высказывание является истинным, во втором - ложным. (Модальности возможности мы касаться не будем). Таким образом, свойство отношения интерпретируется как свойство одного из терминов отношения - идеального (знакового) представления реальности: говорят не об истинности и ложности отношения к действительности, а об истинных или ложных суждениях (высказываниях) о мире.

В ходе обсуждений и в повседневных разговорах одна и та же пропозиция оценивается неоднократно и по-разному. В инициальном высказывании дается истинностная оценка первой степени. Она обычно выражается грамматическими средствами языка - наклоном, уточняемым вводными модальными словами. В ответной реплике или последующем тексте содержится вторичная истинностная оценка. Она передается лексическими ресурсами языка. Например: - *Кажется, Америка была открыта в 1492 г. - Совершенно верно / Правильно / Так точно.*

Положительная оценка выражается в русском языке предикатами *правда, истина, истинно, верно, достоверно, точно, правильно, определено, справедливо, факт, несомненно* и др.

Еще более многочисленна категория слов со значением отрицательной истинностной оценки: *неправда, неверно, неправильно, ложно, ложь, ошибка, заблуждение, выдумка, вымысел, фантазия, клевета, сплетня, навет, поклеп, инсинуация, фальсификация, дезинформация, бред, вздор, чушь, чепуха, ерунда, абсурд* и много других. Отрицательная истинностная оценка регулярно развивается

на основе значения «абсурдности» (смысловой несовместимости или онтологической невозможности).

Обе категории истинностных оценок проходят по разным частям речи (*лгать - ложь - ложно - ложный - ложность*). Они распределены по разным синтаксическим позициям: *То, что он сообщил, правда; Он сообщил правду; Правда, что ты уезжаешь? - Это совершенно верно; Это верное суждение; Я не сомневаюсь в верности этого суждения.* Эти различия не будут нами приниматься во внимание. Для нас существенно лишь положение истинностной оценки в реме относительно пропозитивной темы, представленной в анализируемом высказывании или в предтексте.

С чем связана насыщенность лексики истинностной оценкой и высокая частотность употребления соответствующих слов?

Начнем со второго вопроса. Распространенность истинностной оценки в повседневной речи вызвана более всего расширенностью круга ее приложения. Она применяется к заведомо неverified высказываниям-мнениям, ценностным суждениям, прогнозам и программам, общим суждениям о жизни, высказываниям о будущем. Речь идет в этих случаях о *квазиистине*.

В русском языке в таких контекстах особенно употребительно слово *правда*. В обыденной речи на нем базируются реплики самого разнообразного содержания и назначения. Усомнившись в достоверности или искренности сообщения, спрашивают «Правда?», «Ты правду говоришь?», «Ты, правда, как думаешь?». Подтверждая истинность или искренность своих слов, заверяют «Правда». Опровергая сообщение или ему не веря, говорят «Неправда». Делая признание, предупреждают: «Я скажу тебе всю правду» или «Выслушай мою правду». Возражение часто начинают словами «Правда, но...». Апеллируя к согласию, спрашивают «Не правда ли?». Удивление выражают восклицанием «неужто правда!». Отвечая на напоминание, тоже пользуются словом *правда*: «Да, правда, а я и забыл».

Реплики сомнения, подтверждения, опровержения и оправдания, признания, согласия и апелляции к согласию, уступки, удивления и многие другие легко и естественным образом оперируют словом *правда*, отвлекая его от значения истинности. В следующем примере из «Бориса Годунова» словом *правда* выражена оценка совета по его адекватности сложившейся ситуации Пушкин *Не гневайте ж царя и бойтесь Бога / Целуйте крест законному владыке, Народ. Что толковать? Боярин правду молвил. Да здравствует Димитрий, наш*

отец.

Квазиистинностные оценки, постоянно встречающиеся в речевом общении людей, имеют целью взаимоориентацию говорящих с одной стороны и их общую ориентацию в жизни - с другой. На основе квазиистин достигается согласие и взаимопонимание, принимаются решения о действии и об отношении к действию. Они характерны для практического рассуждения. За квазиистинностными утверждениями могут следовать мнения, выражающие «взгляд с другой стороны». Квазиистины нередко противоречат друг другу; ср.: *Кто правдой живет, тот добро наживет и На правде не разживешься.*

Мы показали распространенность в повседневной речи истинностной оценки на примере лишь одного предиката - слова *правда*, выполняющего очень разные функции. Чем же вызвано обилие лексических ресурсов, выражающих значение истинности? Тому есть две основные причины - внешняя и внутренняя. Первая относится к прагматике речевого поведения, вторая - к структуре самого истинностного значения.

В ходе речевого взаимодействия говорящие нарушают правила обращения с истиной: ее утверждают без достаточных оснований, иногда по недоразумению, чаще ею сознательно манипулируют, усекая, искажая или внося в нее инородные тела. Эти механизмы хорошо известны психологам, социологам и лингвистам. Их действие связывает понятие истинности высказывания с речевым поведением. Объектом оценки становится не только, а иногда и не столько пропозиция, сколько речеповеденческий акт. Высказывание «Это ложь (клевета, поклеп)» соединяет истинностную оценку пропозиции с характеристикой и этической оценкой речевого действия, придающей всему высказыванию иллокутивную цель обвинения или оправдания.

Когда этическая оценка выдвигается на первый план, происходит мена субъекта высказывания *Это неправда* и *Он сказал неправду (Ты говоришь неправду)*. В последних примерах соединены два ценностных суждения в одном имя *правда* дает истинностную оценку выводимой из предтекста пропозиции (*То, что ты ничего не знал, неправда*), в другом вся перифраза *говорить неправду* содержит этическую оценку речеповеденческого акта, поступка. Оценка поступка «бьет» по человеку, его совершившему, принося ему награду или наказание. Поэтому естественно, что субъектом предикатов, совмещающих два вида оценки, обычно является лицо:

лгать, налгать, прилгнуть, врать, привирать, завираться, клеветать, нести вздор (околесину, чушь, ерунду), погибать, плести, наплести, выдумать, нафантазировать и множество других выражений, бытующих в повседневной, особенно фамильярной и детской, речи.

Обилие и разнообразие в русском языке предикатов, характеризующих речеповеденческие акты по степени их истинности, возможно, связано со спецификой русской фатической коммуникации. В ее контексте не считается обязательным сообщать достоверные сведения и точные данные. Само представление о точности очень ослаблено. Под действием эмоций и воображения говорящий в той или другой степени отклоняется от истины. Городничий говорит о Хлестакове: «Конечно, прилгнул немного, да не прилгнувши, не говорится никакая речь» (Гоголь). Ложь бывает неотделима от вымысла. (Это особенно характерно для детской речи). Русское национальное сознание любит фантазии. В Кюхельбекер имел некоторые основания, когда писал: «У нас все мечта и призрак, все мнится, и кажется, и чудится, все только *будто бы, нечто, что-то*». Любопытно отметить, что И. П. Павлов в лекции, прочитанной им в 1918 г., также указал на эту склонность русского менталитета «Русская мысль, сказал он, не любит смотреть на подлинную действительность» Вымысел способен приобрести эстетическую значимость, и тогда он уже не квалифицируется как ложь «От сего, что поэт есть творитель, не следует, что он лживец ложь есть слово против разума и совести, но поэтическое вымышление бывает по разуму, так как вещь молга и долженствовала быть», - писал Тредьяковский. Ложь вымысла превращается в художественную правду. Отход от истины амбивалентен. Он может открыть путь к правде.

В цитированной уже лекции акад Павлова (она называлась «Об уме вообще и русском в частности») отмечена также известная свобода в обращении с точными данными «Мы оперируем насквозь общими положениями, мы не хотим знаться ни с мерой, ни с числом» Действительно, когда в русскую фатическую коммуникацию вовлечены количественные данные, они могут оказаться существенно сдвинутыми, причем сдвиг, пусть и невольный, все же зависит от иллокутивной направленности высказывания. Это видно уже потому, что количественная оценка может либо преувеличиваться, либо преуменьшаться. Проиллюстрируем это двумя примерами из «Мертвых душ». Пример на преувеличение: *Ноздрев сообщил, что «товарищи, в том числе и он, несколько его (Чичикова) поизмяли, так что*

нужно было потом приставить к одним вискам 240 пьявок», т. е. он хотел было сказать 40, но 200 сказалось как-то само собой (Гоголь); преувеличение в этом примере включено в ложное сообщение. Пример на преуменьшение: Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за 15 верст, это значит, что к ней есть верных 30 (Гоголь).

Таким образом, мы могли убедиться, что обилие предикатов, в значение которых входит истинностная оценка речеповеденческого акта, является следствием множественности способов, мотивов, целей и условий манипулирования истиной, т. е. вызвано прагматикой общения.

Не меньший интерес представляет варьирование значения истинности, стимулированное факторами, относящимися к внутренней структуре самого этого понятия. Истинностная оценка выражает отношение между объектом или фрагментом реальности и его знаковой (словесной или образной репрезентацией). Однако сама реальность и способы ее отображения разнородны. Соответственно, может по-разному осмысляться и обозначаться понятие истинности. Эти различия имеют скорее философские, чем прагматические, основания. Их суть коренится в разном восприятии мира. Ниже мы попытаемся подтвердить этот тезис анализом трех предикатов квазиистинностной оценки: *правда, правильно (правильный) и верно (верный).*

Слово ПРАВДА, как отмечалось, употребляется в разных контекстах и функциях. Сейчас нас будет интересовать его использование по прямому назначению, т. е. в качестве предиката истинностной оценки уже введенной в рассмотрение пропозиции. *То, что ты сказал, правда; Он сказал тебе правду; То, что Пушкин и Лермонтов были убиты на дуэли, правда* В чем же состоит особенность употребления предиката *правда*, отличающая его от его ближайших партнеров - *истина* и *истинно*? Хотя оба слова - *истина* и *истинно* - редко используются в повседневной речи для выражения истинностной оценки, сравнение с ними хорошо выявляет специфику предиката *правда*: *То, что Пушкин никогда не покидал пределов России, правда* (но не *истина* или *истинно*). *То, что Земля вращается вокруг Солнца, истина* (но не *правда*). *То, что Галилей отрекся от этой истины, правда* (но не *истина*). *То, что все люди смертны, истина*. Однако ребенок, впервые понявший, что эта истина непосредственно касается и его жизни, мог бы спросить «Правда, что все люди смертны?» и получить ответ «Да, это правда» Прикосновение к

человеческой жизни - первый шаг к превращению истины в правду. Действительно, говорят о *правде жизни и жизненной правде*, но не об *истине жизни или жизненной истине*.

Итак, предикат *правда* дает истинностную оценку конкретным утверждениям о жизни людей, истина - общим суждениям о мире и религиозным представлениям о его сущности. О них мы здесь говорить не будем. Противопоставление *правды* и *истины* связано с очень существенным для русского менталитета разграничением мира жизни и мира как некоторой объективной (физической) реальности. Связь правды с жизнью человека сохраняется даже в парентетических употреблениях. Едва ли уместно сказать «По правде говоря, вселенная расширяется».

Мир жизни противоречив, и истинностная оценка выносимых о нем суждений не бывает абсолютной. Особенно ненадежна правда, обобщающая фактическую сторону событий с психологическими мотивами, чувствами и мыслями вовлеченных в них лиц. Не случайно говорят «У всякого Павла своя правда»

Правда - это истина человека и о человеке. Она неотделима от этических коннотаций. Поэтому не все сообщения «из жизни» оцениваются в терминах правды. Предикат *правда* не применяется к собственно информационным сообщениям. Истинность информации оценивается в терминах достоверности. Говорят о *достоверных* или *проверенных сведениях (данных)*, *достоверных сообщениях (известиях)*. Информация обычно получается из вторых рук. Поэтому ее истинность подтверждается отсылкой к источнику, также квалифицируемому как *достоверный* или *надежный*.

Информация должна обеспечить практическую деятельность людей, правда нужна для справедливого суда. Именно это имеют в виду, когда говорят «Бог правду видит, да не скоро скажет». Не случайно имя *правда* переплетается с судебскими понятиями *права*, *оправдания* и *справедливости*, *правого* и *неправого дела*, *судя по правде*.

Судейская направленность правды особенно ясно выступает в текстах о человеческой жизни. Текст как целое оценивается только в терминах правды. В информационных текстах оценка дается каждому отдельному сообщению. Объем правды текста задается ее темой - фрагментом жизни. И при малом и при большом объеме тема правды в принципе неисчерпаема, как неисчерпаема действительность. Хотя говорят «Правду не ситом сеять», ее именно отсевают тем или другим ситом. В то же время правда, чтобы быть правдой,

должна быть полной. Неполная информация сохраняет истинность, половинчатая правда ее утрачивает. В этом состоит парадокс правды текста: она должна быть полной, но она не может ею быть. Правда производит отбор информации, и он целенаправлен. Правда нужна не для того, чтобы прийти к логическому выводу, а для того, чтобы вынести вердикт - дать оценку явлению. В самом понятии правды заложен переход от алетической модальности к деонтической. Из того, что «вся правда» нужна для формирования ценностного суждения вытекает, что текст правды структурирован по принципу практического рассуждения, в котором устанавливается соотношение «за» и «против». Информация, входящая в текст правды, не может быть односторонней. Правда о войне не должна ограничиваться фактами одержанных в ней побед без указания заплаченной за них цены. Неполная правда становится полуправдой, а полуправда ближе к лжи, чем к правде.

Целостная правда нужна не только для того, чтобы оценить тот или другой фрагмент жизни, но и чтобы правильно его осмыслить, вынести из него опыт и урок. Осмысление предполагает, наряду со знанием отдельных фактов, определение связывающих их отношений. Крупицы и зерна правды не дисперсны. Правда включает каузальные отношения между фактами и событиями, мотивы поступков, цели и замыслы действий. Она связывает внутренний мир людей с внешними обстоятельствами их жизни и их поведением.

Таким образом, для того, чтобы текст получил положительную истинностную оценку, он должен быть структурирован в двух отношениях: во-первых, в него должна войти вся этически релевантная информация о данном фрагменте жизни, и во-вторых, входящие в текст факты должны быть организованы в связную картину. Правда - это ключ к оценке и осмыслению жизни. Поэтому естественно, что в терминах правды дается оценка не только текстам о реальной жизни, но также художественным произведениям. Принято говорить о *художественной правде*, а не о **художественной истине*.

В итоге можно утверждать, что в терминах правды производится оценка суждений и текстов не просто относительно человеческой жизни как некоторой «сырой данности», а с ориентацией на ее этическую модель, предопределяемую понятием суда и включающую некоторый нормативный кодекс.

Различие в моделях действительности, относительно которых осуществляется верификация, значимо и для семантической

дифференциации других истинностных оценок, в частности для предикатов *правильно* и *верно*. Эти предикаты допускают взаимозамены, но есть контексты, в которых они противопоставлены.

Модель мира может быть построена в форме эксплицированных законов, правил, общих схем и норм. Это конструкт, отношение к которому устанавливается методом экспертизы. Но модель мира может мыслиться как его истинный прообраз, как замысел Творца, постигаемый интуицией. Каждая из этих моделей задает свой метод верификации и свою область суждений. Отношение к модели-конструкту характерно для предиката *правильно* (*правильный*), отношение к модели - прообразу - для предиката *верно* (*верный*). Такое распределение вытекает из этимологической связи первого с правилами, а второго - с верой и истиной.

Начнем с концепта ПРАВИЛЬНОСТИ. Правила, нормы и прескрипции нужны для регулирования действий. Сознательные действия человека целенаправлены. Целью ментальных действий является получение истинного суждения. Эта цель предопределяет сами правила построения суждения и рассуждения. Поэтому их соблюдение уже само по себе гарантирует достижение цели - правильность результата. Оценка действия по соответствию правилу переносится на его итог и тем самым переобразуется в истинностную оценку суждения. Истинностная оценка суждения оказывается, таким образом, производной от нормативной оценки действия. Этим обусловлены ограничения на употребление предиката *правильно*. В терминах правильности не судят о конкретных утверждениях, сделанных на основе прямых наблюдений или полученной информации. Высказывание «То, что премия была присуждена Петрову, правильно» может означать только то, что жюри действовало соответственно нормам и сделало правильный выбор. Для подтверждения истинности информации должен быть выбран другой предикат, например, *факт* или *достоверно*.

В значении истинностной оценки предикаты *правильный* и *правильно* уместны только в применении к рациональным ментальным действиям и их результатам - выводам, заключениям. Это хорошо показывает употребление наречия *правильно*. Оно регулярно сочетается со всеми предикатами ментальных действий, особенно теми, которые состоят в счете и исчислении: *правильно рассуждать / судить / заключать / обобщать / вычислить / рассчитать / решить уравнение (задачу)* и т. п. Наречие *правильно* неупотребительно с глаголами ментальных состояний, в частности с глаголом *знать*.

Вместе с тем, хотя истинность обычно относит к пресуппозициям знания, истинностная оценка содержания знания часто эксплицируется: *Я знаю это наверное (точно, верно, достоверно, определенно), но не правильно*. Дело, следовательно, не в том, что истинность задается самим концептом знания, а в том, что знание есть состояние, а не действие.

Наречие *правильно* не сочетается также с глаголом *верить*, обозначающим иррациональное состояние души, хотя содержание веры обладает параметром истинности. Сопоставляя разные вероучения, говорят об истинной вере (Истине) и неистинной (ложной) вере (ереси, заблуждении). Однако, рационализация вероучения может снять запрет на его оценку как правильного. В. В. Розанов писал: «Сказать "Святая лютеранская церковь" - странно. Она есть (в сознании самого Лютера и всех лютеран) "правильная церковь". Мы, лютеране, имеем правильную церковь. - Мы, русские, имеем святую церковь. Совсем другое дело! ... Христос незаметно переделан лютеранами в резонера, и есть просто Добрый Учитель, Благой Пастырь (пастор), совсем по образцу их пасторов: существо корректное, правильное, всех обучающее».

Итак, концепт правильности применим к действиям рассудка - суждениям, рассуждению и заключению, оцениваемым по их соответствию принятым системам норм и конвенций. Оценка суждения как правильного содержит элемент условности. Так, при переходе на летнее время действуют одновременно две системы - одна применяется в социальной жизни, другая - в астрономических расчетах. Два разных утверждения о часе восхода солнца будут одновременно правильными.

Концепт ВЕРНОСТИ ориентирован на другую модель мира и на иной способ его постижения. Верность соотносит суждения о жизни и ее механизмах, о мире и его устройстве с сущностью бытия, его глубинными основаниями. Верные суждения не опираются на правила. Они подсказаны наблюдением, опытом, интуицией, прозрением. Юродивые и безумцы могут судить *верно*, но не *правильно*. Верным бывает нравственное рассуждение, *правильным* теоретическое. *Верные мысли* направлены в глубину бытия - к истине: *глубоко верная мысль*. *Правильная мысль* не имеет глубины: **глубоко правильная мысль*. Правильное суждение предсказуемо, верное суждение может быть неожиданным. *Какая поразительно (удивительно, неожиданно) верная мысль!* Верное суждение (наблюдение) требует пронизательности, меткости, внезапного

озарения. Эстетственны сочетания *верно схвачено (подмечено, замечено, угадано), верно уловить (понять, почувствовать, постигнуть)*.

Концепт *верности* распространяется на способ выражения суждений и наблюдений, в том числе и художественный. Об искусстве судят в терминах *верности*, а не *правильности*. Релевантность для концепта *верности* эстетического параметра заметна уже в том, что говорят о *верном глазе художника и верном слухе музыканта*; ср. также *правильно произнести слово, но верно взять ноту, верно спеть*.

Правильным является перевод, передающий смысл оригинала, *верным* - перевод художественного произведения в его целостности. Чем менее поддается текст переводу, тем он бывает более верен феномену жизни. Художник А. П. Боголюбов вспоминает, что, передавая «художественную» мужицкую брань, Тургенев сказал «Непереводимо, сильно и верно».

Художественное выражение и изображение имплицитно непосредственное отношение к жизни, и оно закреплено в реляционном значении прилагательного *верный (верен)*, свойственном ему исконно: *с подлинным верно* - формула, удостоверяющая соответствие копии оригиналу. Однако в терминах *верности* чаще говорят не о документах, а о художественных образах: *И современный человек / Изображен довольно верно / С его безнравственной душой / Себялюбивой и сухой* (Пушкин). Образ бывает только *верным*. *Правильным* бывает чертеж, диаграмма, график, план местности - все то, что передает внешнее соответствие, достигаемое соблюдением технических правил; ср. *верный рисунок и правильный рисунок*. *Верное* изображение раскрывает суть оригинала, *правильное* позволяет его узнать. Портрет-робот стремится к *правильности*, художественный портрет - к *верности*.

Искусство должно непосредственно соприкаться с жизнью. Художник должен чувствовать «натуру», а не ее конвенциональный конструкт. Однако художественное отображение мира подчинено правилам мастерства. Их соблюдение определяется в терминах *правильности*: *правильный рисунок, правильная перспектива*. Неправильность рисунка не исключает *верности* образа. В разговоре об искусстве отрицание одной из этих оценок совместимо с утверждением другой. А Платонов записал в «Дневниках»: «Это правильно, но неверно». *Верность* образа оригиналу обеспечивает художественную правду произведения.

* * *

В заключение выделим главные положения статьи.

Истинностная оценка выражает отношение соответствия или несоответствия между реальностью и тем или другим способом идеального ее представления (ср. the correspondent theory of truth).

Термины отношения истинности могут варьироваться. Грамматические способы выражения истинностной оценки (модальность) вуалируют эти различия, но лексика их выявляет. Предикаты истинностной и квазиистинностной оценок образуют в русском языке достаточно большую группу. На их употребление влияют такие факторы как: область действительности, о которой делается сообщение, способ ее представления, модель мира, относительно которой осуществляется верификация, значение суждений, их объем, основания истинности (способ верификации).

Предикат ПРАВДА используется в применении к пространству человеческой жизни, организованному этическими (судейскими) принципами, характеризует верифицируемые конкретные суждения и целостные тексты, включающие всю этически релевантную информацию, не задает определенного способа верификации.

Предикат ПРАВИЛЬНО применяется к областям действительности, моделируемым в виде систем правил, норм, предписаний, т. е. программ ментальных действий, последовательное выполнение которых гарантирует истинность полученного результата; правильность характеризует всякого рода исчисления, выводы, итоги, заключения, диагнозы, решения, а также несловесные способы представления действительности: схемы, чертежи, планы, карты.

Предикат ВЕРНО относится к сущностной модели мира, его прототипу постигаемому интуицией, непосредственным наблюдением и опытом; он характеризует общие и обычно неverified суждения о феноменах жизни, ее первоосновах, принципах, посылах и основаниях, а также их выражение в метафоре и в образах искусства

Summary

Quasi-truth-value-predicates in Russian

Modality states the relation of correspondence or non-correspondence between judgement and reality. If the condition of correspondence is met, the judgement is true, otherwise it is false. In the course of discussions and everyday talk one and the same proposition is submitted to reiterated evaluations and is ascribed different truth-values, which in the initial sentence are expressed grammatically (in form of mood) and in the subsequent text – lexically. Natural languages usually possess numerous truth-value-predicates ; cf. *true, correct(ly), exact(ly), sure, certain(ly), right, wrong, false, absurd, nonsense*, etc. Their meanings vary to a great extent, thus revealing the conceptualization of truth in the layman's mind.

The extension of truth-value-predicates is expanded. They are often applied to non-verifiable judgements: opinions, general statements about human life, thoughts and ideas, forecasts, predictions and what not. It accounts for high frequency of truth-value-predicates in everyday speech, in which they are associated with many purely pragmatic meanings (illocutionary forces), such as consent, affirmation and reaffirmation, concession and justification, approval and disproof. Expressing quasi-truths, such predicates often serve to establish consensus between interlocutors and contribute to their general orientation in *spatium vitae*.

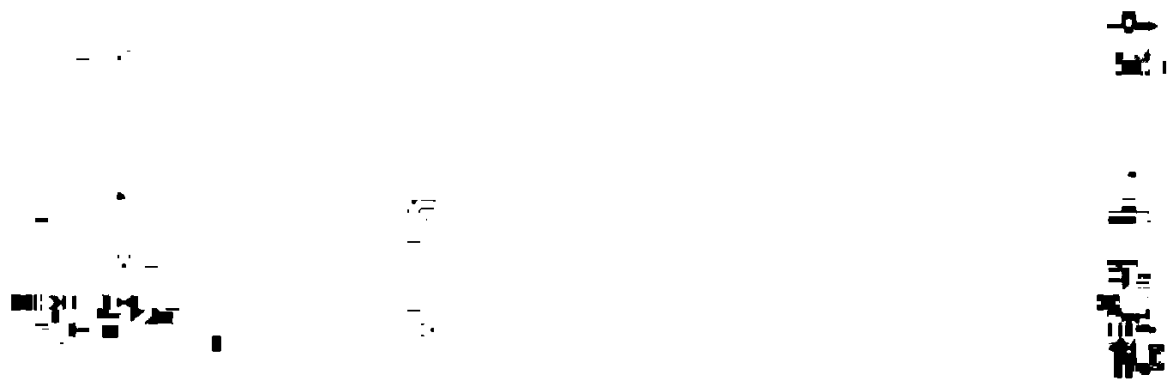
Two principal causes – the external and the internal – account for semantic modifications of quasi-truth-value-predicates. The first consists in that many of them refer not to proposition proper, but to behavioural acts; cf. *to say the truth, to lie, to talk nonsense, to trump up*, etc. In Russian this group of predicates is very numerous. The second reason is linked to the dimensions of truth: the type of judgement, the way of its verification, the kind of reality referred to, the world-model in which the proposition is accepted as true.

The Russian truth-value-predicate **pravda** – true, right – (as opposed to **istina** – the main word for verity) is used only with reference to human world modelled according to ethical norms. It is applied to concrete judgements and to whole texts. The latter to be true must include complete information relevant for arriving at judicial or axiological conclusion.

The predicate **pravil'no** – correct, true – expresses the correspondence of judgements to the world conceived as the system of norms, rules, laws or schemes, that is to conventional reality. It characterizes statements about mental actions. The aim of mental acts is verity. If they conform to the rules, the result is true. The

norm-value of mental actions is thus equivalent to the truth-value of the judgement. The agreement with the rule is the pledge of the agreement with the truth.

The predicate *verno* - right, true - refers to the "God's own truth" - the essence or eternal prototype of the world. It is applicable to generic judgements about human life expressed literally or metaphorically, as well as to artistic images, which can be neither verified nor falsified. Such judgements and images spring from intuition, experience or revelation. They have no system of proofs to rely upon, but people are very insistent in considering them in terms of truth.

Розанна Бенаккьо (R. Benacchio, Padova)

"ФОРМЫ ВЕЖЛИВОСТИ" И "ВЕЖЛИВЫЕ ФОРМЫ" В РУССКОМ ИМПЕРАТИВЕ

1. Среди исследователей, которые занимаются употреблением глагольного вида в повелительном наклонении в русском языке, существует мнение, что трудно сформулировать четкие правила выбора видовых форм и установить различные семантические (точнее, модально-экспрессивные) значения, связанные с данным выбором.

Эта трудность обуславливается тем, что здесь категория вида действует внутри глагольных форм, которые сами по себе не способны точно выразить семантические различия, связанные с категорией вида.

Если, например, относительно нетрудно уловить значение, которое вид придает формам прошедшего времени (когда внутри одного предложения-высказывания сообщается о действии, которое "имело место" во времени), то гораздо труднее уловить то же самое значение внутри высказываний, в которых действие не "сообщается", а "приказывается" (или разрешается). В частности, промежуток времени, в котором приказанное действие должно осуществиться, оказывается чрезвычайно редуцированным, почти анулированным, неуловимым. Следовательно, труднее уловить оппозицию процесс-результат, считающуюся одним из важнейших противопоставлений в системе функций видовых пар¹.

Эта трудность приводила, особенно в прошлом, к довольно пессимистическим позициям. Например, в 1960 году, А.В. Исаченко высказывал мнение о том, что "ни о каком системном чередовании видовых форм в положительном и отрицательном императиве не может быть и речи"².

Но, несмотря на эти трудности, в последнее время появился ряд значительных работ, посвященных данной проблеме. Эти работы показывают, что можно, если не создать в окончательном виде систему правил употребления совершенного и несовершенного вида (СВ и НСВ) в императиве, то, по крайней мере, уловить критерии, которые проявляются при их выборе и, следовательно, предвидеть возможности их употребления³.

Однако, эти исследования -за исключением труда Форсайта, в котором вопрос трактуется отдельно- затронули только бегло одну очень значительную особенность, которая характеризует употребление глагольного вида в русском императиве: его возможность выразить модально-экспрессивные наслонения вежливого типа. Можно сказать, что в этой специфической области вышеупомянутый пессимизм еще более распространен, и вопрос остается еще более дискуссионным и проблематичным.

И в самом деле, трудно не согласиться, что не просто определить, какая из двух форм -НСВ или СВ- является более вежливой. Например, одна и та же форма НСВ "*Садитесь!*" может звучать "вежливой" в некоторых случаях (см. напр. "Не стесняйтесь, *садитесь!*"⁴), но весьма резкой, даже грубой - в других (см. напр. "Сколько раз повторять вам? *Садитесь!*"). Форма же СВ вида "*Сядьте!*" может звучать и как резкий приказ, и как требование не особенно резкое, а вполне корректное в формальном плане.

По нашему мнению, если глубже проникнуть в проблему, эта "непоследовательность" является не реальной, а кажущейся. Более того, возможно также достаточно ясно увидеть глубокие семантические связи между выражением модальных коннотаций, касающихся категории вежливости в русском императиве и собственно видовыми значениями, которые свойственны формам СВ или НСВ

Это мы и постараемся показать в данной работе

Для этого, однако, понадобится предварительно выяснить, что имеется в виду, когда речь идет о лингвистической вежливости, отвлекаясь от некоторых привычных, почти общепринятых недоразумений по этому поводу, и четко различая "формы вежливости" от "вежливых форм" (т е отдельно трактуя их).

Надо также сказать, что в данной работе мы ограничимся только изучением неотрицательных форм повелительного наклонения, оставляя пока нетронутой проблему отрицательных форм

2. Посмотрим сейчас -хотя бы бегло- какие именно видовые функции выражаются в повелительном наклонении посредством СВ или НСВ

По поводу форм СВ, можно сказать, что - согласно одной из основных функций этого вида- они употребляются тогда, когда иллокутивная

абстрагированную от конкретного осуществления, т.е. от образов или от временных фаз его осуществления.

Поэтому, СВ особенно часто употребляется в таких речевых актах как просьба, требование, совет⁵.

Например:

1. *Покажите* нам, пожалуйста, комнату!
2. *Откройте*, пожалуйста, окно. Здесь душно.
3. *Передайте* мне, пожалуйста, соль!
4. *Прочитайте* дома это рассказ!
5. *Расскажите*, как прошел экзамен!
6. *Пройдите* вперед. Там свободные места.
7. У ребенка прекрасный слух. *Отдайте* его в музыкальную школу!
8. *Обратитесь* к врачу, *вызовите* его на дом!
9. Здесь дует. *Пересядьте* лучше на противоположную сторону!

Напротив, кроме употребления в значении повторяемости (на котором мы не остановимся, поскольку оно не имеет особой важности для нашего анализа⁶, НСВ употребляется в повелительном наклонении -согласно с основным его значением- когда иллокутивная сила побудительного речевого акта направлена на само действие, т.е. на его "конкретное" протекание.

Точнее говоря, НСВ употребляется прежде всего, когда иллокутивная сила побудительного речевого акта направлена на то, *каким образом* должно будет совершаться конкретное действие

Например:

10. Откройте дверь! Только *открывайте* медленно: она скрипит.
11. Напишите ему о том, что случилось! Только *пишите* подробно, как следует
12. *Говорите* громче, пожалуйста, а то здесь не слышно.

Во-вторых, НСВ употребляется тогда, когда иллокутивная сила направлена на разные конкретные фазы протекания самого действия.

Точнее говоря, побудительный речевой акт может быть направлен на "среднюю" фазу осуществления действия, т.е. на его *продолжение* :

13. Что же вы остановились? *Пишите* !
- 14 *Читайте, читайте* ! Вы мне не мешаете, а я сейчас снова выйду.
15. Простите, что я вас перебил *Говорите, говорите* !

Подобным образом, речевой акт может быть направлен на начальную

фазу протекания процесса, т.е. на *начало* действия. ⁷

16. *Включайте* телевизор, уже семь часов (но: Включите телевизор, сегодня интересная передача). (Рассудова)

17. Запишите мой адрес... *Записывайте*, пожалуйста, я очень тороплюсь.

18. Как прошел экзамен? *Рассказывайте!* (но: Расскажите, как прошел экзамен) (Рассудова)

Это последнее значение - т.е. побуждение начать действие - является, безусловно, основным значением формы НСВ императива⁸.

В нем, как увидим далее, кроется причина двух противоположных модальных значений (т.е. "вежливого" и "невежливого"), которые НСВ может придавать русскому императиву, и которые являются целью нашего анализа.

3. Если перевести эти наблюдения над конкретным употреблением СВ и НСВ в план предикации, то можно сказать, что при выборе одного или другого вида меняется сама предикативная связь: при СВ предикация (о реализуемом процессе) совершается субъектом-говорящим, не входя в "конкретность" самого процесса, но, наоборот, сохраняя с ним растянутую связь, как с временной, так и с субъективной точки зрения. Совершенно иначе происходит при НСВ, где предикация (о реализуемом процессе) совершается субъектом-говорящим, сохраняя не растянутую, а тесную связь с самим процессом, с точки зрения и временной, и субъективной.

Эти наблюдения не представляют пока ничего нового по сравнению с результатами предыдущих исследований, но просто подтверждают их⁹.

То, что пока, на мой взгляд, еще недостаточно четко выяснено, это то, что при СВ субъект-говорящий устанавливает растянутую (не тесную) связь не только с процессом, но также и с субъектом-слушающим. Следовательно, сама интересубъектная связь между двумя субъектами является "растянутой". Другими словами, при приказании с совершенным видом говорящий сохраняет определенную дистанцию не только между собой и процессом, но также и между собой и адресатом: между двумя участниками в речевом акте сохраняются определенные дистанции.

Совсем иначе происходит с НСВ. приказание с НСВ характеризуется тесной связью между говорящим и процессом, и также тесной

двумя субъектами, участвующими в речевом акте не сохраняются формальные дистанции, и сами императивные формы звучат более "прямыми".

4. Как известно, обычно, "формами вежливости" (в отличие от "вежливых форм" общения, о которых мы будем говорить дальше) - считаются этикетные, искусственные формы, которые отличаются от форм более естественных, именно по тому, что они в состоянии сохранить определенные формальные дистанции между людьми, определяя границы своего и чужого "пространства" (своей и чужой *privacy*)¹⁰.

Известно также, что формальная вежливость выражается прежде всего лингвистическими средствами, создающими формы не прямые, косвенные.

Имеется, например, ввиду употребление аллокутивной местименной формы вежливости 2 л. мн. ч. "Вы" при обращении к одному лицу в русском языке, а также употребление именных форм 3 л. ед. ч. в польском (*pan, pani*), в итальянском (*Lei*) и т. д.

Короче говоря, лингвистические выражения вежливости, зафиксированные этикетом показывают, что существует тесное соответствие, если не тождество, между формальной вежливостью и опосредованностью в отношениях между людьми.

Таким же образом и объясняется, по нашему мнению, употребление формы СВ в русском императиве в качестве "формы вежливости": именно в силу интересубъектного расстояния, которое её характеризует, она оказывается безусловно нейтральнее, формальнее, корректнее и, в этом смысле, "вежливее", чем соответствующая форма НСВ¹¹.

Доказательством этого может служить тот факт, что глаголы, принадлежащие официальной лексике, несомненно предпочитают употребление формы СВ, чем формы НСВ

Например, обращаясь к одному человеку "на Вы" милиционер может сказать "Покажите документы!" и "Показывайте документы!", выражая в первом случае нейтральное приказание, во втором - настойчивое побуждение к действию¹². Но при употреблении другого глагола (предъявлять/предъявить) - уместна только форма СВ ("Предъявите документы!"), в то время, как форма НСВ ("Предъявляйте документы!") - не совсем допустима. Видимо, здесь глагол более официального

характера сильно контрастирует с непосредственным характером формы НСВ.

И действительно, в русском языке, в отличие от форм СВ, императивные формы НСВ не являются ни нейтральными, ни формальными, ни корректными. Как мы далее увидим, в определенных ситуациях, они могут стать формами чрезвычайно вежливыми - т.е. именно "вежливыми формами" - но зато они сами по себе не являются "формами вежливости".

5. В связи с этим, не трудно будет понять, в каком случае и по какой причине императив НСВ выражает в данном конкретном случае именно вежливость или именно грубость.

По нашему мнению, это зависит от того, соответствует ли приказание желаниям адресата или нет¹³.

Очевидно, что если говорящий обращается к слушающему непосредственно (т.е. без сохранения формальных дистанций) побуждая его к действию, которое считается соответствующим желаниям последнего, то само побуждение начать действие (основное значение НСВ, как мы увидели) получит подчеркнуто вежливую окраску. Это вежливость другого рода, чем та, которая выражается с СВ и о которой говорилось выше. Ее можно назвать не "формальной", а "реальной", "действительной", не "формой вежливости", а просто именно "вежливой формой". Ее цель - не сохранить дистанции, а наоборот уменьшить, сгладить их, выражая предупредительность, внимание к желаниям собеседника, к его потребностям, короче говоря - отзывчивое участливое отношение к нему¹⁴.

См., например, следующие фразы:

19. *Пожалуйста, открывайте окно! Это мне не будет мешать.*

20. *Что же вы замолчали? Не бойтесь! Говорите!*

21. *Пишите ему, не стесняйтесь. Ему это будет приятно.*

Таким же образом объясняется, по нашему мнению, и тот факт, что в русском языке принято обращаться к гостям при помощи форм НСВ

22. *Заходите, раздевайтесь, садитесь!*

23. *Оставайтесь еще!*

24. *Берите печенье! Наливайте сами чай!*

Можно сказать, что в целом в русском языке все фразы, содержащие разрешения, предпочитают НСВ¹⁵ именно потому, что разрешение есть своего рода побуждение к желаемому действию.

Например:

- 25 - Можно открыть дверь?
 - Открывайте пожалуйста! // Открывайте, открывайте!
26. - Можно взять книгу?
 - Берите, ради бога // Берите, берите !

Конечно, возможно и употребление соответствующих форм СВ¹⁶, но фразы приобретают другое модально-экспрессивное значение.

Например, что касается примера 25, можно ответить и формой СВ "Откройте, пожалуйста!". Фраза, которая буквально имеет тот же смысл, является абсолютно уместной. Но легко заметить, что она проникнута меньшим участием, меньшей заботой к потребностям адресата, чем соответствующая фраза с НСВ и , что она, *в этом именно специфическом смысле* , менее "вежлива" (хотя в смысле формальной вежливости - она как раз более "вежлива").

То же самое можно сказать и о примере 26.

Подобным образом объясняется также употребление, в русском языке, следующих форм пожелания, касающихся сферы здоровья, которые допускают только НСВ, строго исключая СВ:

27. *Выздоровливайте!* (*Выздоровьте!)
28. *Набирайтесь сил!* (*Наберитесь сил!)
- 29 *Поправляйтесь!* (*Поправьтесь!)¹⁷

и также зафиксированные этикетом следующие любезные формы:

30. *Приходите к нам в гости!*
31. *Приезжайте в Москву!*
- 32 *Кланяйтесь жене!*

и также

- 33 *Передавайте привет всем!*
34. *Бывайте здоровы!*¹⁸

6 Наоборот, при ситуации, когда приказание подразумевает неприятие его со стороны адресата, т.е. нежелание его осуществить действие, то сразу "непосредственное" побуждение к немедленному его выполнению становится настаивающим, и близкое расстояние между участниками в речевом акте порождает грубое преодоление всяких вежливых правил¹⁹.

См. например:

35 Ну, открывайте же двери! Вы что, глухой? Открывайте-ка скорее!

36. Уходите сейчас же отсюда!

См. также грубое значение, которое императив НСВ приобретает при таком обращении к сидячему человеку:

37 Вставайте! (ср.: *Вставайте пожалуйста!)

в то время, как, при употреблении СВ, то же самое обращение звучит вежливо (или, по крайней мере, нейтрально):

38. Встаньте, пожалуйста!²⁰

7. Итак, для того, чтобы лучше разобраться в употреблении НСВ и СВ в повелительном наклонении и особенно в вежливых формах, надо четко различать: "формы вежливости" (этикетные, формальные, скорее всего не прямые, косвенные) - и "вежливые формы" (касающиеся не области формальной дистанции, а наоборот области человеческого участия, т. е. настоящей, действительной, искренней вежливости общения).

Эти два разных плана иногда пересекаются, причем один из них иногда, в определенном языке (и в определенной культуре) может преобладать над другим, или просто по-другому (т. е. в большей или меньшей степени) развиваться.

В русском языке, например - как было показано выше - "вежливые формы" императива, выраженные путем НСВ получили большое развитие не только в простонародном языке, но также и в литературном.

Интересно заметить по этому поводу, что в других славянских языках данное значение НСВ в императиве не получил такого развития.

В общих чертах, можно сказать, что другие славянские языки (за исключением, наверное, болгарского) не знают использования НСВ в значении вежливого побуждения к желаемому собеседником действию²¹.

В этих языках - как и в других языках, которые знают глагольный вид (как, например, греческий) - НСВ выражает в основном побуждение к немедленному выполнению действия²².

Значит, он не может быть вежливым, но, в зависимости от ситуации, скорее может выражать настаивание, нетерпение, раздражение, грубость. "Вежливыми" в этих языках могут быть только формы СВ.

Такого рода сравнительный анализ являясь объектом нашей отдельной научной работы

¹Та же самая трудность встречается и в других глагольных формах, отличных от прошедшего времени изъявительного наклонения, например - в инфинитиве.

² Хотя далее он и отмечает, что "эти вопросы заслуживают более тщательного анализа в свете учения о совершаемости и о характере глагольного действия" (с. 495).

³ Имеются ввиду прежде всего работы В.С. Храковского и А.П. Володина (1986), А. Кулиоли и Д. Пайара (1987), В.С. Храковского (1987), В. Лемана (1989) и Е.В. Падучевой (1990). Из более ранних исследований следует еще назвать работы Д.Н. Шмелева (1959), О.П. Рассудовой (1982², сс. 124-141; первое изд.: 1968), М.А. Шелякина (1969), Й.А. Форсайта (1970, сс. 194-226) и А.М. Ломова (1977, сс. 116-127). Напомним еще, что интересные, хоть не углубленные специально замечания встречаются и в других работах, более общего характера: например, в грамматиках русского языка В.В. Виноградова (1986³, сс. 479-485), А.В. Исаченко (1960, сс. 492-495) и А. Мазона (1963⁴, сс. 278-279).

⁴ Оговорим сразу, что в этой работе мы будем использовать в примерах глагольные формы только множественного числа во 2-ом лице, как обращение на "Вы" - чтобы не возникла путаница между выражением с местоименной аллокутивной вежливой формой и видовой вежливой формой (на которой и сосредоточен наш интерес)

⁵ Надо сказать, что, несмотря на то, что глагольный вид несомненно является одним из лингвистических "признаков" иллокутивной силы императивных конструкций в русском языке (см. по этому поводу: Бенаккио 1990 и Фава, Бенаккио 1991), нельзя сказать, что определение данного речевого акта обусловлено как раз глагольным видом. В большинстве случаев разные речевые акты лишь "предпочитают" один из двух видов, но не безусловно (см. Падучева, сс. 194-195). Другими словами, определение речевого акта обусловлено и другими лингвистическими средствами лексикального и просодического рода. Например, приведенные в тексте примеры 1, 2 и 3 являются актами просьбы, в основном благодаря частице "пожалуйста", и также благодаря определенной интонации. Отсутствие данной частицы, и также изменение интонации, сразу превратили бы их в акты требования, т.е. приблизили бы их к примерам 4, 5 и 6. И, наоборот, добавление "подходящих" лексикальных средств или же изменение интонации придали бы этим последним примерам значение просьбы.

Такого рода анализ, однако, не составляет задачу нашей работы, которая сосредоточивается на вежливом (или не вежливом) оттенке разных

глагольного вида при "нейтральной" интонации. (См. об этом: Леман, сс. 1-2).

⁶ См., например, "Зимой одевайтесь теплее!" или "Каждый день открывайте окно и проветривайте комнату!", и т.д. Как хорошо отмечает А.В. Исаченко, "Так как в этом значении - т.е. в значении призыва к повторным, узуальным, действиям (Р.Б.)- форма нс/в не "конкурирует" с формой императива с/в, то она здесь является и в модальном и в экспрессивном значениях вполне нейтральной" (с. 492).

⁷ Напомним, что это значение, хоть и выделяет начальную фазу действия, выделяет, на самом деле, действие в целом (как было бы естественным для СВ). Другими словами, на уровне имплицатур, форма НСВ обозначает действие в целом, т.е. действие, которое дойдет до своего естественного предела. Значит, основное значение НСВ в императиве - общефактическое значение, а не актуально-длительное, как в прошлом времени изъявительного наклонения. (См.: Падучева, с. 193). То же самое можно, конечно, сказать, и о продолжении действия. Это подтверждает мнение о том, что глагольный вид в повелительном наклонении, хотя и в основном сохраняет свойственные ему собственно видовые значения, тем не менее имеет временные оттенки отличные от изъявительного наклонения и вообще гораздо менее явные

⁸ Как отмечает О.П. Рассудова, это значение ("приступ к действию") тесно связано с семантикой НС вообще, и его можно встретить не только в императивных формах, но и в сочетаниях с инфинитивом. Ср. напр. "Надо вставать. Уже 6 часов." и "Вставайте! Уже 6 часов."; ср. также "Можно наливать чай?" (но "Можно вам налить чай, или предпочитаете кофе?") и "Наливайте себе чай, пожалуйста!" (с. 99).

⁹ Я имею ввиду особенно уже упомянутую работу А. Кулиоли и Д. Пайара. По их схеме, речевой акт побуждения - это предикация, изображающая реализуемый процесс, который вписывается в интересующую связь между говорящим и неговорящим (с. 528)

¹⁰ Речь идет о той разновидности лингвистической вежливости, которую П. Браун и С.К. Левинсон называют "отрицательной" (*Negative politeness*), так как она обращена к "отрицательному лицу" (*Negative face*) человека, т.е. к его желанию, чтобы другие (окружающие его и действующие вокруг него люди) никак не посягали на его "пространство", на его "поле действия" (с. 61 и далее)

¹¹ Следует напомнить, что иногда СВ в определенных случаях выражает совсем не вежливый тон, а скорее резкий, суровый, но зато не грубый. Формальность отношений все-таки как-то сохраняется, не нарушается

¹² Надо, однако, заметить, что во втором случае - т.е. при употреблении НСВ - приказание приобретает безусловно менее официальный характер. Об этом будет сказано подробнее дальше. См. также Падучева, с. 195

¹³ Интересные замечания по этому поводу можно найти у Г.Н. Лича, который замечает, что степень вежливости, содержащейся в побудительном речевом акте усиливается (или ослабляется) в зависимости от того, в какой степени требуемое действие "выгодно" (или "невыгодно") адресату (с. 107 и далее). См.

также: Ломов, с. 121

¹⁴ По терминологии П. Брауна и С.К. Левинсона - это "положительная" вежливость (*Positive politeness*), которая обращена к "положительному лицу" (*Positive face*) человека, т.е. к его потребности, чтобы его желания были одобрены собеседником и соответствовали, хотя бы частично, желаниям последнего (с. 61 и далее)

¹⁵ См. по этому поводу: Храковский, с. 288 и Падучева, с. 197.

¹⁶ Однако, в этом случае, т.е. при СВ, невозможна редупликация глагольной формы, т.е. недопустим ответ "Откройте, откройте!", и также "Возьмите, возьмите!". Это тоже, по нашему мнению, признак менее прямого, естественного, неформального, характера глагольной формы СВ по сравнению с формой НСВ. См. по этому поводу: М.Я. Гловинская (1987).

¹⁷ Надо однако уточнить, что, фразы 28 и 29, возможны и при СВ, но это больше не пожелания, а скорее требования, или приказы. Например, в последний день школы, преподаватель может обращаться к ученикам так: "Наберитесь сил на будущий год!" Подобно тому, генерал может обращаться к нижестоящему чину так: "В каком виде вы явились на доклад? Поправьтесь!"

¹⁸ Что касается этих двух последних примеров, однако, надо сказать, что литературный русский язык безусловно предпочитает формы с СВ, т.е. "Передайте привет!" и "Будьте здоровы!". Формы с НСВ - распространены только в простонародном языке. См. об этом: Форсайт, с. 218 и Виноградов, с. 485

¹⁹ И действительно, неформальность может быть воспринята, как положительный факт (т.е., напр., как факт, свидетельствующий о тенденции к уничтожению дистанций, связанных с разницей социального статуса, возраста, пола, и т.д.) Но само уничтожение дистанций может быть воспринято и как факт глубоко отрицательный, т.е. как носитель всех тех отрицательных значений, связанных с неподходящей, неуместной фамильярностью

²⁰ Но, можно сказать лежащему человеку "Вставайте!" в значении нейтрального (возможно и вежливого) побуждения к действию. В этом ином модальном значении может играть роль не только семантика данного действия, которая, в отличие от действия "вставать со стула", выражает процесс (см.: Падучева, с. 199), а также и импликатура "желаемого" слушателем совершения действия (ему ведь действительно нужно, пора вставать).

²¹ Уже в 1960, А.В. Исаченко писал "Подобное употребление форм императива нс/в в русском языке приобретает особое значение в сопоставительном плане ни в словацком, ни в чешском языке здесь нельзя употребить форму нс/в (типа "vchadzaj"). Оттенок вежливого приглашения в подобных случаях выражается в словацком или чешском лексически *Nech sa paci vvojsť*, чеш *Posad'te se, prosim*. Подобный оттенок вежливого приглашения имеется в таких предложениях, как "Закуривайте!", *Zapal'te si prosim!* (с.с. 492-493)

По поводу разной кодификации глагольного вида в славянских языках, см. также А. Мазон (1958)

²² Что касается греческого языка, смотри: Х.Й Сайлер (1952, с. 48 и далее) и В.Ф Бэккер (1965).

Литература

- Бенаккио 1990: Benacchio R, "Forza illocutoria e modo imperativo slavo", *Problemi di morfosintassi delle lingue slave*, 2, Bologna, Pitagora: 109-124.
- Браун, Левинсон 1987: Brown P., Levinson S.C., *Politeness. Some universals in language usage*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Беккер 1965: Bakker W.F, "The aspect of the imperative in modern Greek", "Neophilologus", 49: 89-102, 203-209.
- Виноградов 1986: Виноградов В.В., *Русский язык*, Москва, "Высшая Школа".
- Гловинская 1987: Гловинская М.Я., "Диффузные видо-временные значения", *Проблемы структурной лингвистики 1985*, Москва, "Наука"
- Исаченко 1960: Исаченко А.В., *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология*, ч. 2, Братислава, Изд. Словацкой Академии Наук.
- Кулиоли, Пайар 1987: Culioli A., Paillard D., "A propos de l'alternance imperfectif/perfectif dans les énoncés impératifs", "Revue des études slaves", LIX: 527-534.
- Леман 1989: Lehmann V., "Pragmatic functions of aspect and their cognitive motivation (Russian aspects in the context of the imperative and the infinitive)", *Proceedings of the second Scandinavian simposium on aspectology* (ed. L.G. Larsson) Uppsala: 1-11.
- Лич 1983: Leech G.N., *Principles of Pragmatics*, London-New York, Longman.
- Ломов 1977: Ломов А.М., *Очерки по русской аспектологии*, Воронеж, Изд Воронежского Университета.
- Мазон 1963: Mazon A., *Grammaire de la langue russe*, Paris, Institut d'études slaves.
- Мазон 1958: Mazon A., "L'aspect des verbes slaves (Principles et problèmes)", *IV Congrès International des slavistes, Communications*, Moscou, Editions de l'Academie des Sciences de l'URSS: 3-30.

- Падучева 1990: Падучева Е.В., ЖУпотребление видов в императиве: вариативность или прагматическая норма? Ж , *Res philologica*, Москва-Ленинград, "Наука".
- Рассудова 1982: Рассудова О.П., *Употребление видов глагола в современном русском языке*, Москва, "Русский язык".
- Сейлер 1952: Seiler H., *L'aspect et le temps dans le verbe néo-grec*, Paris, "Les Belles Lettres".
- Фава, Бенаккьо 1991: Fava E, Benacchio R, "Sui modi come indicatori di forza. Qualche osservazione sulle lingue slave in margine alla posizione di Benveniste", *Atti della Quinta Giornata Comparatistica* (a c. di A. Loprieno) Perugia: 63-91.
- Форсайт 1970: Forsyth J., *A Grammar of aspect. Usage and meaning in Russian*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Храковский 1988: Храковский В.С., "Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление", "Russian Linguistics", 12: 269-292.
- Храковский, Володин 1986: Храковский В.С., Володин А.П., *Семантика и типология императива. Русский императив*, Ленинград, "Наука"
- Шелякин 1969: Шелякин М.А., "Употребление вида в повелительном наклонении русского языка", "Fremdsprachenunterricht", 9: 374-380.
- Шмелев 1959: Шмелев Д.Н., "О значении вида в повелительном наклонении", "Русский язык в школе", 20: 13-17.

Summary

Politeness forms, polite forms and the Russian imperative

This study examines the use of the perfective and the imperfective aspects in Russian imperative forms in relation to the expression of linguistic politeness.

More precisely, it points out that, while perfective forms tend to express a speaker's attitude which is "detached" both from the action that is being requested and even more so from the person who is called on to perform it, imperfective forms express a "closer" attitude.

Hence, while imperative perfective forms function as politeness forms and tend to

guarantee a formal type of politeness which is ritual and "negative" in Braun and Levinson terminology, imperfective forms bear a double, opposite, semantic value which depends on whether the execution of the action requested agrees or disagrees with the wishes (needs) of the person who must execute it.

In this latter case, the imperative form will be extremely impolite; in the former, on the other hand, it will be extremely polite, but in a substantial, real and (in Braun and Levinson terminology) "positive" way, expressing interest, care and participation in the interlocutor's needs, quite different from the formal and ritual politeness of the perfective form.

Андрей Богуславский (A. Bogusławski, Warszawa)

ОБ "УДИВИТЕЛЬНОМ" *МОЖЕТ* В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Предметом моего рассмотрения будет один интуитивно легко выделяющийся, хотя, насколько мне известно, так и не описанный, тип вопросительных предложений с личной формой глагола *мочь*.

Опорным примером будет служить вопрос

1. Кто (это) мог умереть?

с фразовым ударением на инфинитиве, причем речь идет о самом естественном употреблении этого вопроса.

Именно к *может* в высказывании (i) и в других сходных с ним высказываниях относится мое заглавное (каламбурное) определение «удивительное».

Это с одной стороны слово, которое передает своеобразное недоумение спрашивающего: наличие соответствующей ситуации (в нашем примере: смерти) он считает не подлежащим сомнению, но в то же время осознает особую затрудительность ответа, т. е. установления тождества актанта, несмотря на то, что этот актант заведомо является вполне определенным объектом (лицом, предметом, местом, моментом времени и т. д.). Подчеркнем, что интересующее нас явление ограничено именно областью «актантных» вопросов; оно не наблюдается в вопросах об истинности (с *ли* и т. п.), а также в некоторых других, напр. в вопросах с *почему*

С другой стороны, наше *может* удивительно в совсем другом смысле: это прилагательное не просто параллель к таким терминам, как, скажем, *повелительное (наклонение)* или *вопросительное (предложение)*. Наше *может* удивительно прежде всего потому, что оно ведет себя удивительным образом - иначе, чем другие глаголы, управляющие глаголами же, и даже чем оно само в многочисленных вопросах иного рода.

В чем состоит особенность этого поведения? Она состоит в том, что ожидаемый краткий ответ на вопрос в роде (1) одновременно является ответом и на соответствующий вопрос БЕЗ глагола *мочь*, в нашем случае, на вопрос

2. Кто умер?

Таким ответом может быть, например

3. Петр.

Обратим внимание, что

4. *Петр, но Петр не умер.

противоречиво в роли ответа как на вопрос (2), так и на вопрос (1), что резко противопоставляет (4) предложениям

5. Петр мог умереть, но не умер.

6. Петр, но Петр не умер.

в частности, как ответам на вопрос

7. Кто мог умереть?

с ударным *мог*: предложения (5), (6) не страдают какой бы то ни было аномалией, в них нет и тени противоречивости.

Таким образом, *может* в (1) оказывается весьма отличным от, скажем, *хочет*: (3) как ответ на вопрос

8. Кто хотел умереть?

обозначает актанта всего сочетания, а не инфинитива, (4) же как ответ на (8) изменяется в (6), т. е. никогда не противоречиво даже если *хотел* не несет фразового ударения, так же как *может* в (1)

Последнее наблюдение действительно и для других употреблений самого глагола *мочь*, даже если этот глагол не несет фразового ударения, ср.:

9. Кто может поднять этот чемодан?

10. Петр, но он его не поднимает и не поднимет

Обрисованный участок функционирования языка представляет интерес не только сам по себе как касающийся столь важного и частотного глагола *мочь* в чрезвычайно частотных, регулярных его употреблениях, но и как материал для общеметодологических рассуждений, затрагивающих основы семантики и прагматики

Речь идет о следующем. Наши наблюдения над предложениями (1)-(4) обнаруживают такую особенность *может* в некоторых вопросах, которая имеет сугубо семантические последствия, в частности, противоречивость предложения (4), которой с точки зрения нашего опыта со сходными глаголосочетаниями мы бы никак не ожидали

Такой твердый семантический тест, тест противоречия, должен как будто привести к выявлению неопровержимой полисемии *мочь*: этот глагол, вообще говоря, заведомо нефактивный, в наших вопросительных предложениях действует как фактивное выражение. Как объяснить эти противоположные свойства одного по звучанию глагола? Чуть ли не с математической силой напрашивается вывод о лексической многозначности

Но с другой стороны любое положение о многозначности (если о ней говорить всерьез) должно настораживать: непреложным является теоретический принцип, который мы бы могли назвать принципом «умеренной моносемиофилии» даже если мы чуждаемся «полисемиофобии»). Нельзя ли защитить *мочь* от приписания ему довольно прихотливого добавочного значения, значения «недоумения» будто бы бытующего лишь в узком кругу некоторых т. наз. частных, т. е. «актантных» вопросов? Нельзя ли получить «удивительный» эффект наших вопросов принимая аскетическую семантику, а зато пуская в ход другие факторы, действие которых в языке в целом все равно нельзя отрицать, т. е. соблюдая тот порядок лингвистического описания, который поистине надо считать желательным?

На эти вопросы я хочу ответить положительно

Стоит отметить, что кроме теоретических соображений на отсутствие особого значения глагола *мочь* указывает и тот факт, что интересующим нас явлениям легко подыскать параллели в других языках (так что по всей вероятности мы имеем дело с универсалией, касающейся *мочь* и его основных соответствий в других языках). Ср. некоторые соответствия (1)

11. англ. Who can have died?
12. нем. Wer kann gestorben sein?
13. франц. Qui a pu mourir?
14. болг. Кой може да е умрял?
15. поль. Kto (to) mógł umrzeć?

Изложение моего взгляда на природу нашего явления не будет, за недостатком места, исчерпывающим. Я ограничусь самыми необходимыми указаниями относительно основных шагов рассуждения.

1 Начнем со следующего наблюдения вопросы, касающиеся, по намерению спрашивающего, не «актуальных», а лишь допустимых

актантов глагола, пополняющего слово *может* (или его другие формы), малочастотны. Это вытекает из того факта, что нормально таких мыслимых актантов имеется неопределенное или даже неограниченное множество, причем называть их так же легко самому спрашивающему, как и отвечающему, что приводит к практической бесполезности соответствующих вопросов — за пределами совсем специальных ситуаций.

Это наблюдение необходимо дополнить следующей констатацией: если уж «академический», так сказать, вопрос о чистой возможности должен быть сформулирован, то в таком вопросе как правило появляются определенные средства; это в первую очередь фразовое ударение на глаголе *мочь*; это могут быть также выражения, указывающие на то, что спрашивающему нужна лишь экземплификация, ср. *кто в числе других мог... , где еще может...*, и т. д.

Это положение вещей приводит к тому, что предложения без фразового ударения на глаголе *мочь* и без других средств только что названного типа легко получают «актуальную» интерпретацию.

Механизм ее получения следует считать прагматическим по природе. На мой взгляд, в данном случае мы имеем дело с возникновением Грайсовкой «обобщенной конверсационной импликатуры» (Grice 1975: 56-57).

Прежде чем показать действие этого фактора в интересующих нас предложениях, приходится все-таки уточнить само понятие «обобщенной конверсационной импликатуры».

Основная идея этого вида импликатуры сводится к понятию следующей зависимости: ОТСУТВИЕ определенного выражения *ei* там, где появляется другое выражение *ej*, подсказывает слушающему ОТРИЦАНИЕ содержания *ej*. Следует, однако, помнить, что эта зависимость далеко не автоматическая: здесь действуют некоторые ограничения, не указанные прямо Грайсом

Я сформулирую три таких ограничения

I. *ei* и *ej* должны отличаться технической соразмерностью,

положительный пример:

(16) сестра (как *ei*) — женщина (как *ej*) где отсутствие сестра может функционировать как прагматически равносильное отрицанию «сестра»;

отрицательный пример:

(17) сестра (как *ei*) — взрослое лицо женского пола (как *ej*)

II. контекст должен способствовать вытеснению мысли о таком подклассе соответствующего класса, которая соотносится с *ei*, мыслью о другом подклассе этого класса,

положительный пример:

(18) Иван встретился с женщиной.

где мысль о подклассе женщин в виде «не сестра Ивана»;

отрицательный пример:

(19) Иван увидел издалека женщину.;

III статистическая речевая корреляция *ei* с данным видом объектов *O* там, где говорящие, чья речевая модель реализуется, знают, что соответствующий объект относится к *O*, должна ярко превосходить корреляцию *ej* с *O*, при прочих равных условиях,

положительный пример:

(20) сестра Ивана (как *ei*) - женщина (как *ej*)

отрицательный пример:

(21) такса (как *ei*) - собака (как *ej*)

где именно слово *собака* ярко превосходит слово *такса* в применении к таксам, в связи с чем отсутствие последнего и присутствие первого не ведет к мысли о породе другой, чем такса.

Если теперь мы применим наше обогащенное понятие «обобщенной конверсационной импликатуры» к ситуации глагола *мочь* в «актантных» вопросах, то окажется, что по всем намеченным критериям безударное *может* действительно должно подсказывать как раз «актуальную» интерпретацию. Во-первых, безударное и ударное *может* со всей очевидностью соразмерны. Во-вторых, контекст в случаях типа (1) вытесняет мысль об абстрактной возможности. Во-третьих, статистическая корреляция ударного *может* в сопоставимых контекстах с мыслью об абстрактной возможности ярко превосходит такую же корреляцию безударного *может*.

Следовательно, имеются все основания признать, что само отсутствие ударного *может* и присутствие его безударного соответствия в таких вопросах, как (1), «зачеркивает», так сказать, мысль об абстрактной возможности и прагматически гарантирует приравнивание интерпретации (1) к интерпретации

22. Кто может быть тем умершим, который имеется в виду?

2. Но это только первый шаг анализа. Нам еще предстоит ответить на вопрос, во-первых, о том, почему «актуальная» интерпретация ведет к **ОДИНАКОВЫМ** ответам как при сочетании *может* с инфинитивом, так и при личной форме глагола без *может*, во-вторых, о том, как возникает впечатление «недоумения относительно тождества актан-та», впечатление, которое связано с присутствием (безударного) глагола *мочь* и которое не появляется, когда этого глагола нет.

Последний вопрос имеет особое значение, поскольку упомянутое впечатление, по-видимому, и составляет само *raison d'être* вопросов типа (1). Если бы его не было, зачем вообще понадобились бы эти более сложные вопросы? Ведь вопросы типа (2) ведут к тем же ответам, а их структура проще, причем они так или иначе необходимы и действительно употребляются на каждом шагу.

Попытка найти решение двух указанных взаимосвязанных загадок составит содержание последующей части нашего рассуждения.

2а. Сначала я приму следующую общую и единую семантическую характеристику выражения *может F(a)*:

(*может F(a)*) нет признака *G* свойственного *a*, такого что

(i) $G \neq F$

(ii) $G \neq \text{не-} F \wedge G$ (где $G' \neq G$),

(iii) из $G(a)$ логически следует $\text{не-} F(a)$

Эта понятийная структура употребляется прежде всего в повествовательных предложениях. Она приложима и к актантным вопросам; однако следует учитывать их особые свойства (см. Bogusławski 1979, 1986a). Сущность их роли состоит в том, что они несут мысль об эквивалентности некоторого понятия с понятием, представленным в данном вопросе; в прямом вопросе то понятие требуется обнаружить. Способ представления заданного понятия немного сложный. В самых простых и естественных случаях с употреблением (*может F(a)*) заданным понятием является 'возможное *F*'; в состав его репрезентации входят вопросительное слово, глагол *может*, глагол, пополняющий его, и, в случае необходимости, другие элементы.

Такую комбинацию мы можем проиллюстрировать с помощью примера (7), т. е. примера с ударным *мог*. Заданным понятием здесь является 'лицо, которое могло умереть'. Требуется подыскать понятие, которое было бы эквивалентным заданному. Очевидно, эти

условия выполняет понятие '(любое) лицо, которое умерло или остается в живых' или понятие, состоящее в перечислении всех умерших и живущих лиц.

Эта интерпретация, конечно, не годится для исходного примера (1). Однако наша характеристика (может $F(a)$) весьма емкая. Она никак не ограничивает выбора признаков F, G и того объекта a , которому они свойственны. Может быть и так, что заданным понятием является понятие ОПРЕДЕЛЕННОГО СУЩЕСТВУЮЩЕГО АКТАНТА, а объектом a - само ИСКОМОЕ понятие, которое с помощью вопросительного слова характеризуется как эквивалентное заданному. Последнее поддается прагматически в известных контекстных условиях безударным *может*, ср. (1). В (1) оно представлено комбинацией вопросительного слова с глаголом *умереть*; в состав этой комбинации слово *мог* уже не входит; комбинация *кто... умереть*, так же как и простое сочетание *кто умер* в примере (2), передает понятие 'умершее лицо, которое имеется в виду'. Искомое же понятие, в соответствии с природой вопроса, должно быть нетождественным приведенной формуле, но эквивалентным ей; это может быть любая определенная дескрипция, скажем, Петра, которую, впрочем, может подсказывать и само имя собственное *Петр*.

В этих условиях глагол *может* освобождается, так сказать, от связи с инфинитивом и примыкает к вопросительному слову. Его лексическая роль не меняется (вопреки тому, что я утверждал в Bogusławski 1986b: 48). Но он обслуживает уже другой объект, и соответственно, другие признаки. Оказывается, что мы имеем здесь дело с еще одним воплощением различий «сфер действия» определенных выражений, различий, столь плодотворно исследуемых Богуславским (см., в частности, Богуславский 1985, 1991): эти различия влекут за собой дифференциацию содержательных эффектов предложений с тем же лексическим материалом.

Объектом a , который обслуживает слово *мог* в (1), является ИСКОМАЯ определенная дескрипция. Признак F , в котором заинтересован говорящий, ее эквивалентность заданному понятию ('умершее лицо, которое имеется в виду'). Согласно нашей характеристике слова *может*, в применении к искомой дескрипции оно требует, чтобы ни один ее признак другой чем сама по себе эквивалентность или неэквивалентность заданному понятию (напр ее состав) не влек за собой ее неэквивалентности этому понятию. Но любое ФАКТИЧЕСКИ неэквивалентное понятие имеет какой-то признак, из которого логически следует эта неэквивалентность. Поэтому в намеченном

применении к (1) наша характеристика слова *может* на самом деле требует отклонения всех неэквивалентных дескрипций.

Таким образом, искомая определенная дескрипция в (1) является просто дескрипцией эквивалентной формуле 'умершее лицо, которое имеется в виду'. Неудивительно, что она ничем не отличается от дескрипции, которую хочет получить спрашивающий *Кто умер?* (важные наблюдения, касающиеся «почти синонимичности» вопросов с *может* и без *может* в «игноративных» контекстах, в отличие от контекстов «положительного суждения», были сделаны Булыгиной и Шмелевым, ср. Булыгина, Шмелев 1988: 54).

Это решает первую загадку, загадку тождества ответов на вопросы типа (1) и вопросы типа (2).

2б. Можно сказать, что это тождество является следствием своеобразного «двойного отрицания», которое свойственно, согласно нашему описанию, вопросам типа (1) в отличие от вопросов типа (2). Именно это явление объясняет в то же время вторую и главную часть нашей загадки: мучительную дилемму коэффициента «недоумения», который наблюдается в вопросах с *может* в противовес их параллелям без *может*.

Дело в том, что только в вопросах с *может* искомое эквивалентное понятие изображается на фоне неэквивалентных понятий, изображается как такое понятие, что его выявление (если оно вообще возможно) требует отсеивания этих неэквивалентных понятий, наличие и даже обилие которых, благодаря значению слова *может*, выдвигается на первый план. Обратим внимание на тот факт, что наше истолкование достаточно гибко для того, чтобы отразить более широкую область употребления (и неупотребления) безударного глагола *может* как характеризующего искомые эквивалентные понятия.

Он встречается не только в прямых актантных вопросах; он встречается также в т. наз. косвенных вопросах. В этом последнем случае часто нельзя говорить о «недоумении» автора. Сравни, например, предложение

23. Угадай, где я мог это положить!

Здесь затруднительность «эквивалентизации» рассматривается говорящим с точки зрения АДРЕСАТА. Но эта затруднительность находится в корреляции с все тем же чисто логическим аспектом формулировки: адресату предлагается устранить все неэквивалентные понятия.

Интересны случаи (24)- (26):

24. ? Я угадаю, где ты мог это положить.

25. Я угадаю, где ты это положил.

26. Я буду угадывать, где ты мог это положить.

Высказывание (24) маловероятно; взамен ему мы скорее всего употребим предложение (25). Почему? Потому что по формулировке (24) предметом РЕАЛИЗОВАННОЙ отгадки (совершенный вид!) было бы отсутствие ЛОГИЧЕСКОГО свойства неэквивалентность (по отношению к понятию 'место, где ты это положил') у искомого (и найденного) понятия, в то время как фактически говорящий хочет анонсировать прямое нахождение (в будущем) самого этого понятия как ответ на единственно интересующий его вопрос «где ты это положил». Добавим, что формулировки (24) стоит избегать также потому, что она вызывает колебание насчет того, будет ли достижение говорящего касаться, в конце концов, места, в котором адресат положил предмет, или класса разных мест, в которых он МОГ его положить.

Но уже в предложении (26), где несовершенный вид служит изображению ПОИСКОВ ответа, слушающему стоит преподнести, так сказать, «борьбу» эквивалентных и неэквивалентных понятий перед лицом говорящего. И хотя может здесь никак не обязательно, к нему охотно прибегают как к ценному и практически незаменимому, необычайно тонкому средству указания на дополнительные особенности ситуации

Это указание осуществляется прагматическим, а не семантическим, путем; с другой стороны, его источником является настоящая, и единая, семантическая нагрузка может в его определенном синтаксическом положении.

* * *

Думается, что проанализированные факты составляют интересный участок взаимодействия семантики, синтаксиса и прагматики в языке.

Методологически особо важным, пожалуй, является тот факт, что мы находим здесь, по-видимому, довольно ясный пример синтаксико-семантических величин, которые должны характеризоваться не просто на уровне имманентного синтаксиса или семантики, в изоляции от прагматического уровня, а наоборот, с учетом результатов действия прагматических факторов. Чтобы быть

более точным: существуют семантические величины, которые оперируют на данных, полученных ПРАГМАТИЧЕСКИМ путем из ДРУГИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ величин, скорее чем на объектах, которые можно описать в чисто семантических категориях. Выражаясь метафорически, мы могли бы сказать, что семантические, синтаксические и прагматические компоненты иногда ведут себя как часть слоеного пирога.

Пример, который мы можем извлечь из нашего рассуждения, это категория «краткого актантного ответа» вроде (3). Воплощением такого ответа нормально является чистая именная фраза, соответствующая валентному месту, заполненному вопросительным словом, в пропозициональной функции, представленной в данном вопросе и являющейся предметом мысли говорящего. Ожидается, что функтор такой функции равен глагольной фразе, непосредственно наличной или соответствующим образом видоизмененной в вопросе, итак, для *кто умер* это - *умер*, для *кто хотел умереть* это - *хотел умереть*, для *кто может умереть* это - *может умереть*, для *кто из женщин купил это* это *из женщин* - *купила это* и т. д. Между тем наш пример: *-Кто мог умереть? —Петр.*, в котором *Петр* соответствует - *умер*, а не - *мог умереть*, показывает, что пропозициональная функция, являющаяся предметом мысли говорящего, может отклоняться от этого образца. Для того, чтобы знать, что должно числиться как пропозициональная функция в данном случае, слушающий вынужден опираться на некоторые прагматические показатели, взаимодействующие с семантическим и лексическим материалом, с которым он имеет дело.

Литература

- Богуславский, И. М. 1985. *Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов* Москва, Наука
- Богуславский, И. М. 1991. "О семантике взаимодействия частиц и модальных рамок иерархия имплицитных значений" *Words are physicians for an ailing mind* (Maciej Grochowski and Daniel Weiss eds.), München, Sagner: 83-91.
- Bogusławski, A. 1979: "Indirect questions: one interpretation or more?" *Linguistica Silesiana*, 3, 39-52.

- Bogusławski, A. 1986a: "Know if and know that". *Pragmatics and linguistics* (Jorgen D. Johansen and Harly Sonne eds.), 37-48. Odense: University Press.
- Bogusławski, A. 1986b: "О појечіу wyjaśniania і о wyjaśnianіu w lingoistyce". *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Jezykoznawczego*, XL, 45-51.
- Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. 1988. "Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью?", *Знание и мнение*, (Нина Д.Арутюнова ed.). Москва: Наука: 46-63.
- Grice, Paul H. 1975. "Logic and conversation". *Syntax and semantics*. Vol. 3. *Speech acts* (Peter Cole and Jerry L. Morgan eds.). New York ; San Francisco ; London: Academic Press: 41-58.

Summary

On the "puzzled" *możet* in interrogative sentences

The author deals with such occurrences of unstressed finite forms of the verb *moć* in wh-questions [cf. *Kto mog umeret?* "Who can have died?"] where the relevant answer is identical with that to a corresponding question without any such form and where the conjunction of a short answer of that type and the negation of the respective verbal complement with the same referent is self-contradictory (cf. **Petr, no Petr ne umer.* "Peter, but Peter has not died").

It is the author's claim that this unusual kind of occurrence of *moć* is due, not to (non-existent, according to him) lexical polysemy of the verb, but to a special scope of *możet*. In the occurrences under consideration, the latter word does not form part of the propositional function presented in the question, but is applied, with its ordinary force, to the concept of a definite description equivalent to the definite description of an argument of the propositional function presented in the question, the argument being suggested by the material of the question and the former definite description being something yet to be found, in accordance with the nature of questions.

Now, any feature of such a description which factually does not display the required equivalence analytically deprives the description of the ability to be equivalent in the required sense. The use of the word *możet* with the indicated kind of application emphasises that is wanted is a description without any such feature. This is tantamount to a demand to find an equivalent description, i. e. a demand which is not different from the demand put forth in a corresponding question without *możet*. And the inherent suggestion to relinquish all the inequivalent

descriptions allows to explain the special "puzzlement" effect of the questions with *možet*.

The kind of definite description which is looked for is suggested also by pragmatic factors, in particular, those having to do with the unstressed character of *možet* in the investigated occurrences. Here, the mechanism of Gricean "generalized conversational implicature" seems to be at work. The author offers his own, more detailed account "generalized conversational implicature" and shows that its criteria are satisfied by the relevant occurrences of *možet*. The whole viewed as an illustration of the interface between semantics, syntax and pragmatics.

Игорь М. Богуславский (I. M. Boguslavskij, Москва)

О СООТНОШЕНИИ ИСХОДНОЙ И ПРОИЗВОДНОЙ ПРОПОЗИЦИЙ

Большое число единиц адвербиального типа (наречий, частиц) вносят в значение предложения добавочную пропозицию. В результате значение предложения, содержащего такую частицу (а мы будем говорить в основном о частицах), можно представить как состоящее из двух частей: (а) ИСХОДНОЙ ПРОПОЗИЦИИ (то есть, того значения, которое останется после устранения из предложения данной частицы) и (б) ПРОИЗВОДНОЙ ПРОПОЗИЦИИ, которую можно считать непосредственным семантическим вкладом данной частицы. Приведем несколько простейших примеров.

1. Иван любит только Машу.
 - (а) 'Иван любит Машу.'
 - (б) 'Иван не любит никого, отличного от Маши.'
2. Я тоже хочу пить.
 - (а) 'Я хочу пить.'
 - (б) 'Кто-то, отличный от меня, хочет пить.'
3. Даже Иван устал.
 - (а) 'Иван устал.'
 - (б) 'Кто-то, отличный от Ивана, устал; можно было ожидать, что Иван не устанет.'
4. Там были ↓еще интересные люди.
 - (а) 'Там были интересные люди.'
 - (б) 'Это сообщается в добавление к тому, что там были интересные люди, отличные от этих.'
5. Иван уже не подражает отцу.
 - (а) 'Иван не подражает отцу.'
 - (б) 'Раньше Иван подражал отцу.'

В семантических структурах этих предложений, которые мы выписали с некоторыми (несущественными для нас сейчас) упрощениями, выделены исходная и производная пропозиции. В настоящей работе нас будет интересовать возможное соотношение между исходной и производной пропозицией

Как видно из приведенных примеров, производная пропозиция СТРОИТСЯ НА БАЗЕ ИСХОДНОЙ. В составе производной пропозиции можно выделить элементы двух типов: элементы, унаследованные от исходной пропозиции, и элементы, которых там не было. Например, в пропозиции (1 б) значения 'Иван', 'любить' и 'Маша' взяты из исходной пропозиции (1 а), а значение 'не', 'никто, отличный от' внесены непосредственно словом *только* и представляют собой элементы его толкования. Семантический материал исходной пропозиции используется при построении производной пропозиции для заполнения валентностей данной частицы с заполненными (как правило, на основе исходной пропозиции) валентностями. Проследим, как это происходит, на самом простом примере.

Толкование частицы *только*, реализованное в предложении (1), имеет, слегка огрубляя, следующий вид:

6. *только* (P,Q) = 'не существует x , отличного от Q , такого что $P(x)$ '.

Если в исходной пропозиции (1 а) выбрать в качестве материала для заполнения валентностей Q и P значения 'Маша' и 'Иван любит кого-то', то при подстановке этих значений в толкование (6) получится 'не существует x , отличного от Маши, такого что Иван любит x ', то есть значение производной пропозиции (1 б).

Для получения производной пропозиции в примере (1) (так же, как и в остальных примерах (2)-(5)) достаточно было выделить в исходной пропозиции определенные фрагменты и использовать при построении производной пропозиции НЕПОСРЕДСТВЕННО ЭТИ ФРАГМЕНТЫ. Однако бывает и целый ряд более сложных ситуаций. На некоторых из них мы остановимся ниже.

Как мы видели, некоторые элементы предложения имеют два вхождения в семантическую структуру - одно в составе исходной, а другое в составе производной пропозиции. Первый тип нетривиального соответствия между исходной и производной пропозицией состоит в том, что *значение, участвующее в производной пропозиции, не вполне совпадает со своим прототипом в исходной пропозиции*. В этом случае один и тот же элемент предложения имеет два нетождественных рефлекса в семантической структуре. Примеры

7. Иван дарит женщинам только цветы.

8. Гость был поглощен едой и говорил мало. Хозяин тоже молчал.

9. Все были в нее влюблены, и даже женщины относились к ней снисходительно.

10. У нас и своих овощей достаточно, а ты зачем-то купил еще.

В предложении (7) производная пропозиция содержит значение 'ни разу не подарил какой-либо женщине что-то, отличное от цветов'. Тем самым глагол *дарить* имеет в семантической структуре два разных рефлекса: многократный в исходной пропозиции ('дарит') и однократный в производной ('подарил'). То же касается и существительного *женщины*, которое вошло в исходную пропозицию во множественном числе. Можно сказать, что в целом в производной пропозиции представлен «однократный вариант» глагольной группы из исходной пропозиции (подробнее об этом см. Богуславский 1985: 93-96).

В примере (8), в отличие от (2), нет тождества действий, упоминаемых в исходной и производной пропозициях. В первой из них содержится значение 'молчал', а от второй в точности этого значения не требуется. Как показывает контекст, употребление слова тоже оправдано и тогда, когда в производной пропозиции упоминается действие, находящееся с исходным действием всего лишь в отношении сходства (подробнее об этом см. Падучева 1977).

Пример (9) делает еще один шаг в направлении расподобления действий в исходной и производной пропозиции. Соотношение свойств 'относиться снисходительно' и 'быть влюбленным', фигурирующих, соответственно, в исходной и производной пропозициях, не сводится к простому сходству, как в (8), и тем более к совпадению, как в (3). Прежде всего, эти свойства должны быть мыслимы на некоторой коллективной шкале. Причина аномальности предложения

11. *Все говорили по-английски, и даже Иван говорил по-французски

состоит в том, что отношение между действиями из исходной и производной пропозиций нельзя интерпретировать как количественное

Следующее необходимое требование заключается в том, что свойство из производной пропозиции должно соответствовать большей степени признака, чем свойство из исходной пропозиции. Так, 'быть влюбленным' это в некотором смысле «больше», чем 'относиться снисходительно'. Предложение

12. *Все улыбнулись, и даже Иван рассмеялся

неправильно потому, что несмотря на расположение соответствующих действий на одной шкале они стоят в обратном порядке: действие из исходной пропозиции 'рассмеяться' «сильнее», чем действие из производной пропозиции - 'улыбнуться'; ср. правильное предложение

13. Все рассмеялись, и даже Иван улыбнулся.

Подробнее о предложениях со словом *даже* типа (9) и (13) и их соотношении с предложениями с *тоже* типа (8) см. Богуславский 1985: 127-129. Отметим лишь еще одну примечательную особенность предложений типа (9) и (13). Они демонстрируют «двойную шкалярность» слова *даже*. В них *даже* вводит в рассмотрение одновременно ДВЕ ШКАЛЫ: шкалу ОБЪЕКТОВ (на которой в (13) Иван противопоставлен другим лицам по степени серьезности: его труднее, чем других, заставить улыбнуться и тем более рассмеяться) и шкалу ДЕЙСТВИЙ (на которой 'улыбнуться' это меньше чем 'рассмеяться').

Предложение (10) показывает, что и в случае наречия *еще* (в аддитивном значении) действия из исходной и производной пропозиции не обязаны совпадать: предложение сообщает о ПОКУПКЕ овощей дополнительно к тем, которые уже были. Тем самым, предикат из производной пропозиции ('иметься') соотносится с предикатом из исходной пропозиции ('купить') как 'состояние' vs. 'действие, приводящее к этому состоянию'.

Перейдем ко второму типу осложнений, возникающих при построении производной пропозиции на базе исходной. Он связан с кореферентными связями между именными группами. Здесь мы рассмотрим две проблемы

1. Пусть некоторая именная группа, фигурирующая в предложении, входит как в исходную, так и в производную пропозицию. Спрашивается: будут ли эти вхождения кореферентны? Может показаться, что иначе и быть не может. Ясно, например, что в пропозициях (1 а) и (1 б) идет речь об одном и том же Иване и одной и той же Маше. Однако это не всегда так. Если именная группа не имеет конкретной референции, то ее вхождения в исходную и производную пропозиции могут и не быть кореферентны. Рассмотрим примеры (13) и (14) (см. обсуждение соответствующих английских примеров в книге Taglicht 1984).

(13) Только Иван прочел некоторые из этих книг.

(14') Некоторые из этих книг прочел только Иван.

В предложении (13) наиболее естественное понимание не предполагает кореферентности между именными группами 'некоторые из этих книг' в исходной и производной пропозициях, а в предложении (14) кванторное прилагательное *некоторые* благодаря своему начальному положению включает в свою сферу действия все предложение и, в частности, слово *только*. Поэтому значение (14) можно представить так:

(14) 'некоторые из этих книг таковы, что их прочел только Иван'.

Рассмотрим еще один пример, относящийся к проблеме кореферентности именных групп в исходной и производной пропозициях. Его предоставляет нам уже упоминавшееся аддитивное значение слова *еще*. Одна из валентностей этого слова (Q) обозначает тот объект, который добавляется к предыдущим, а вторая (P) - то свойство, которое разделяют и новые Q, и упомянутые ранее (ср. выше предложение (4) и его семантическую структуру (4 а, б)). Рассмотрим поведение в исходной и производной пропозициях, порождаемых словом *еще*, неопределенных и вопросительных местоимений типа *кто-то*, *кто-нибудь*, *кто* и др. Кореферентность / некорреферентность этих местоимений зависит от позиции, которую они занимают относительно слова *еще*

Предложение

15 Марина поставила на стол <туда> еще одну тарелку

сообщает о том, что количество тарелок на столе (или там) увеличилось на одну. Если выражение *на стол* или *туда* заменить неопределенным или вопросительным местоимением, то тождество локализации в исходной и производной пропозиции уже не будет утверждаться, хотя не будет и исключено:

16 а. Марина поставила куда-то еще одну тарелку

16 б. Куда ты поставила еще одну тарелку?

Аналогичным образом, в предложении (17)

17 Кто-то из студентов взял еще один билет.

неизвестно, идет ли речь о том, что кто-то взял себе дополнительный билет, или о том, что еще один билет оказался взятым (кем-то из студентов)

Если же неопределенное или вопросительное местоимение синтаксически связано со словом *еще* и тем самым заполняет его валентность Q, то локализация, обозначаемая местоимением в исходной и производной пропозиции, не может быть одной и той же:

18 а. Марина поставила тарелку куда-то еще.

18 б. Куда еще ты поставила тарелки?

Для объяснения этих примеров принципиальное значение имеет тот факт, в заполнении какой валентности слова *еще* участвует данное адвербиальное выражение. Если оно входит в сферу действия *еще* по валентности Q, то о кореферентности не может быть никакой речи по чисто семантической причине: значение в том и состоит, что добавляется НЕЧТО ДРУГОЕ, чем то, что было. Если же адвербиальное выражение заполняет валентность P, то такого жесткого ограничения нет.

2. Выше мы обсуждали проблему кореферентности в разных пропозициях семантической структуры предложения имен, имеющих один и тот же прототип в реальном предложении. Теперь мы обратимся к другому типу трудностей, связанных с кореферентностью

Многие адвербиальные единицы, в том числе и те, которые мы затрагивали выше, имеют валентности, которые в ряде работ называют *focus* и *score* (см., например, König 1980, Taglicht 1984). Первая из этих валентностей заполняется обычно той именной группой, перед которой стоит данная адвербиальная единица. Семантическое содержание этой валентности состоит в том, что она выделяет данный объект из круга ему подобных. Вторая валентность заполняется группой сказуемого, в которой именная группа, играющая роль фокуса, заменена переменной. Так, в предложении (1), разобранном выше, фокус (а в наших терминах - сфера действия по валентности Q) слова *только* есть *Маша*, а *score* (в наших терминах - сфера действия по валентности P) - *Иван любит кого-то*. Вопрос, который нас сейчас интересует, состоит в следующем. Что происходит, если в составе глагольной группы в исходной пропозиции есть именная группа, кореферентная фокусу? Должна ли она тоже, при построении выражения P(x), заполняющего валентность P в производной пропозиции, заменяться на переменную, или же переменная замещает только то из кореферентных вхождений именной группы, которое непосредственно заполняет валентность Q (-является фокусом)? Поясним существо проблемы на следующем примере. В предложении

19. Иван любит Машу.

слово *только* можно поставить перед любой из именных групп:

20 а. Иван любит только Машу

20 б. Только Иван любит Машу.

Значения этих предложений совершенно симметричны, что видно и в их более эксплицитных перифразах:

21 а. Единственный человек, которого любит Иван, - Маша.

21 б. Единственный человек, который любит Машу, - Иван.

Теперь изменим предложение (19) так, чтобы выступающие в нем именные группы были кореферентны.

22. Иван любит себя (=Ивана).

Если в предложение (22) также ввести слово *только* перед обеими именными группами, то симметрия, которую мы видели выше, разрушается.

23 а. Иван любит только себя.

23 б. Только Иван любит себя

Предложение (23 а), действительно, имеет значение, аналогичное значению (20 а): (23 а) - *Единственный человек, которого любит Иван, - он сам*. А предложение (23 б), вопреки ожиданию, вовсе не означает, что единственный человек, который любит Ивана, это сам Иван. Такое значение с помощью слова *только* надо выразить иначе:

24 Ивана любит только он сам.

Предложение (23 б) выражает совершенно другую мысль: Иван - единственный самовлюбленный человек

Таким образом, сравнение пар (20 а) - (20 б) и (23 а) - (23 б) показывает, что простое наличие кореферентной связи между именными группами в предложении может оказать дополнительное влияние на его семантическую структуру. Посмотрим точнее, в чем оно состоит. Выпишем семантические структуры предложений (23 а) и (23 б)

23'а 'Иван любит себя, и не существует x , отличного от Ивана, такого что Иван любит x '

23'б. Иван любит себя, и не существует x , отличного от Ивана, такого что x любит x '.

Как мы видели выше, при построении производной пропозиции для

предложения с *только* необходимо сформировать компонент $P(x)$. В нормальном случае этот компонент получается в результате замены той именной группы, перед которой стоит *только* и которая заполняет валентность Q этого слова (см. толкование (б) выше), на переменную x . Возникает вопрос: нужно ли заменять на эту переменную также и те именные группы, которые кореферентны данной и находятся в сфере действия *только* по валентности P ?

Предложения (23 а) - (23 б) и их семантические структуры (23 а) - (23 б) показывают, что ответ на этот вопрос может быть двояким: в (23 б) ОБА вхождения имени *Иван* в исходную пропозицию заменяются на переменную, а в предложении (23 а) - только то вхождение, которое непосредственно заполняет валентность Q .

В действительности, ситуация несколько сложнее. Для того чтобы вести дальнейшие рассуждения, удобно сменить ракурс рассмотрения. Выше мы обсуждали проблему кореферентности через призму частицы *только*, и тогда она представляла как вопрос о сфере действия *только*: какой семантический материал заполняет валентность P этой частицы?

Теперь же мы будем отталкиваться от носителей кореферентного отношения - самих местоимений, и тогда тот же вопрос поворачивается другой стороной: что является антецедентом местоимения?

Рассмотрим предложение

28 Только Ивану нравится его работа

Заменяем в этом предложении слово *только* его толкованием, оставляя пока местоимение в неприкосновенности

28' Ивану нравится его работа, и не существует x , отличного от Ивана, такого, что x -у нравится его работа'

В семантическую структуру (28') местоимение *его* входит дважды - в исходную и производную пропозицию. В исходной пропозиции его антецедент очевиден - это Иван, а в производной пропозиции имеется две возможности - Иван или x , что приводит к двум реально имеющимся осмыслениям предложения (28):

28'а 'Ивану нравится работа Ивана, и не существует x , отличного от Ивана, такого, что x -у нравится работа Ивана'

28'б 'Ивану нравится работа Ивана, и не существует x , отличного от Ивана, такого, что x -у нравится работа x -а'.

Личные местоимения типа *он* следует сопоставить с возвратными

местоимениями. В ряде контекстов они, как известно, имеют тождественное значение, но различаются условиями употребления (см. об этом, например, Падучева 1985: 180-209). С местоимением *себя* мы сталкивались выше (см. (22)-(23)), а теперь обратимся к местоимению *свой*.

Один из существенных факторов, различающих личные и возвратные местоимения, - это синтаксическая позиция антецедента. Например, в предложении (29) возможно только *свой*, поскольку антецедент - подлежащее, а в предложении (30) допустимо только *его*.

29. Иван любит свою < *его > работу.

30. Ивану нравится его < *своя > работа.

Введем в эти предложения слово *только* в позицию перед неместоименной именной группой.

31. Только Иван любит свою работу.

28. Только Ивану нравится его работа.

Предложение (28), как мы только что убедились, неоднозначно. А предложение (31) имеет только одно значение - синонимичное (28'б). Следовательно, местоимение *свой* выбирает антецедент только внутри производной пропозиции

В примерах (31) и (28) различие в выборе местоимения, а следовательно и в количестве интерпретаций, определялось различием в синтаксических свойствах глагола: при *любить* существительное *Иван* выступает в функции подлежащего, а при *нравится* - в функции дополнения. Разное поведение возвратного и невозвратного местоимений можно продемонстрировать и при одном и том же глаголе, обеспечив, конечно, для них различные синтаксические позиции. Сравним предложение (31), имеющее только одну интерпретацию, и предложение (32), имеющее, как и (28), два значения благодаря тому, что при всем сходстве с (31) в (32) употреблено невозвратное местоимение.

32. Только Иван любит выполняемую им работу < работу, которую он выполняет >.

Впрочем, для некоторых носителей языка существуют примеры, которые допускают двойное понимание и в случае с возвратным местоимением. Так, в работе Падучева 1985: 206 приводится пример

33. Только Джон может перехитрить свою жену.

который, по мнению Е. В. Падучевой, допускает интерпретацию не только в значении 'другие лица не могут перехитрить своих жен', но и в значении '... не могут перехитрить жену Джона'. Тем не менее, представляется, что осмысление с antecedentом в производной пропозиции для возвратных местоимений гораздо более типично, а во многих случаях и единственно возможно. Например, предложение

34. Только Петр покупает продукты в своем районе.

безусловно, говорит лишь о том, что остальные лица покупают продукты не там, где они живут. Вряд ли естественно произнести (34), чтобы сообщить, что никто не покупает продукты там, где живет Петр. Во всяком случае, начальное положение местоименной группы делает предложение безусловно однозначным:

35. Свою жену может перехитрить только Джон.

36. Свою работу любит только Иван.

37. В своем районе покупает продукты только Петр.

Сделанные выше наблюдения относительно кореферентных связей в контексте слова *только* можно резюмировать следующим образом

1. Если именная группа, заполняющая валентность Q, сама является анафорическим местоимением, то ее antecedent в составе сферы действия *только* по валентности P заменяться на переменную *x* ни при каких обстоятельствах не должен (см. выше пример (23a)).
2. Если же эта именная группа является antecedentом некоторого анафорического местоимения, находящегося в сфере действия *только* по валентности P, то вопрос о замене этого местоимения на переменную (или, что то же самое, вопрос об antecedente этого местоимения) решается в зависимости от того, какое это местоимение:
 - возвратные местоимения должны заменяться на переменную (то есть, их antecedentом является семантический субъект производной пропозиции), особенно если местоимение находится в начальной позиции,
 - личные местоимения допускают оба варианта

Необходимо добавить, что те наблюдения над кореферентностью, которые мы сделали выше на примере частицы *только*, справедливы и в контексте многих других единиц, порождающих производную

пропозицию. Так, предложения (38) допускают такую же неоднозначность при интерпретации местоимения *его*, как и предложения (28) или (32).

38 а. Иван единственный, кому нравится его работа.

38 б. Даже Ивану нравится его работа.

38 в. Именно <как раз> Ивану нравится его работа.

38 г. Ивану также нравится его работа.

38 д. В отличие от Петра, Ивану нравится его работа.

Среди единиц, вводящих производную пропозицию, стоит отметить и нелексическое средство - так называемую КОНТРАСТНУЮ ТЕМУ. Семантическая нагрузка контрастной темы состоит в следующем: если некоторый элемент *d* в составе пропозиции $P(d)$ выделяется в качестве контрастной темы, то к пропозиции $P(d)$ добавляется значение 'элемент *d* выбран говорящим среди других релевантных элементов, и говорящий ничего не сообщает о том, обладают ли они свойством *P*'. Прагматически предложения с контрастной темой чаще всего предполагают, что кроме *d* ни один объект не обладает свойством *P*. Контрастная тема выделяется подъемом интонации и ставится в начале предложения.

Например предложение (39)

39 ↑Ивану ↓нравится водить машину.

означает 'что касается Ивана, то ему водить машину нравится; говорящий не сообщает, нравится ли водить машину другим лицам'. Это предложение уместно произнести, когда другим лицам, скорее всего, водить машину не нравится

Для того чтобы убедиться, что контрастная тема порождает те же дополнительные возможности для осмысления местоимений, что и адвербиальные выражения в предложениях (38), достаточно произнести предложение (40)

40 ↑Ивану ↓нравится его работа

как содержащее контрастную тему, то есть с повышением тона на начальной именной группе и с фразовым ударением на глаголе. Очевидно, что оно допускает два типа продолжений: *а мне его работа не нравится* и *а мне моя не нравится*

В заключение, три замечания относительно характера анафорической связи в производной пропозиции.

1. Из представленного анализа следует, что задача обнаружения antecedентов анафорических местоимений не может быть решена в полном объеме на уровне какой бы то ни было синтаксической структуры (даже синтаксической структуры, пополненной некоторыми «глубинными сведениями», как это предлагается в Падучева 1985: 182). Производные пропозиции, вводимые в семантическую структуру предложения некоторыми адвербиальными выражениями, могут содержать анафорические местоимения, унаследованные от исходной пропозиции, для которых расширяется круг возможных antecedентов.
2. Не следует думать, что новые antecedентные возможности, которые местоимения получают в производной пропозиции по сравнению с исходной, обусловлены исключительно появлением переменной, как это было в случае *только*. В предложении (38 д) семантическая структура имеет вид 'Ивану нравится его (-Ивана) работа, а Петру не нравится его (-Петра/Ивана) работа', в которой оба кандидата в antecedенты для местоимения, находящегося в производной пропозиции, — полноправные лексемы *Петр* и *Иван*.
3. На семантическом уровне установление связи между местоимением и его antecedентом носит несколько другой характер, чем на уровне синтаксической структуры, поскольку, в частности, местоимение лишено согласовательных морфологических характеристик. Благодаря этому в качестве antecedента может выступать именная группа, не согласованная с исходной формой местоимения. Например:

41 В отличие от Маши, Ивану нравится его работа - 'Ивану нравится его работа, а Маше не нравится его/ее работа.

Литература

- Богуславский, И. М. 1985. *Исследования по синтаксической семантике. Сферы действия логических слов*. Наука, Москва.
- Падучева, Е. В. 1977. "ТОЖЕ И ТАКЖЕ: взаимоотношение актуального члена и ассоциативных связей". *Предвар публикации Ин-та рус яз. АН СССР*, вып. 155. 3-14.
- Падучева, Е. В. 1985. *Высказывание и его соотносительность с действительностью*. Наука, Москва.

- König, E. 1980: "The meaning of scalar particles in German": (H. Rieser, H. J. Eikmeyer eds.) *Words, worlds and contexts: New approaches in word semantics*. Berlin.
- Taglicht, J. 1984: *Message and emphasis. On focus and scope in English*. (English language series, N. 15): London, Longman.

Татьяна В. Булыгина, Алексей Д. Шмелев
(T.V. Bulygina, A.D. Šmelev, Москва)

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ: КОНСТАТАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТИ, ГИПОТЕЗЫ И КВАЗИ-СООБЩЕНИЯ

Эстетственноязыковые высказывания, связанные с модальными понятиями, как известно, характеризуются чрезвычайным разнообразием. Лишь часть из них может быть адекватно представлена при помощи аппарата модальной логики. В ряде случаев описание условий употребления модальных показателей предполагает апелляцию к прагматическим факторам (см. подробнее Булыгина, Шмелев 1990).

В настоящей статье обсуждаются преимущественно прагматические аспекты функционирования некоторых вводно-модальных слов русского языка, а также высказываний, выражающих значение «возможности»

Начнем с того, что разграничим два типа высказываний, связанных с понятием «возможности»: категорические суждения о ситуациях, в которых имеет место та или возможность, и гадательные предложения о возможности той или иной ситуации.

Различие между указанными типами можно проиллюстрировать на примере двух возможных пониманий фразы *Петька мог и соврать*. В высказывании *Петька мог и соврать, но решил сказать правду* говорится о возможности, которая имела место в прошлом, но не реализовалась. Однако, независимо от того, реализовалась ли возможность, тот факт, что она имела место, подается как объективно установленный. Такую возможность можно назвать онтологической возможностью, или потенциальностью.

Высказывание *Есть ли основания верить Петьке? Петька мог и соврать* скорее всего будет понято так, что говорящий не знает, соврал Петя или нет, и высказывает гипотезу что, возможно, и соврал. Допустимость такого высказывания непосредственно связана с эпистемическим состоянием говорящего. Он высказывает мысль о том, что рассматриваемая ситуация, возможно, имела место в реальности (не зная, насколько верно его предположение), а не утверждает, что реально была ситуация, когда имела место

рассматриваемая возможность. То же или, по крайней мере, близкое значение однозначно выражается в высказывании *Петька, возможно, и соврал*. Такую возможность будет называть эпистемической, или проблематичностью.

В русском языке глагол *мочь* используется для выражения обоих типов возможности. В то же время есть целый ряд показателей, служащих для выражения только онтологической или только эпистемической возможности. Так, слово *можно* (*В такую погоду можно промочить ноги; Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей*), оборот *иметь возможность* и др. всегда указывают на потенциальность, а вводные слова со значением возможности (*возможно, быть может, вероятно* и т. п.) — на проблематичность.

Показатели онтологической и эпистемической модальности характеризуются совершенно различным статусом в языке. Присоединяясь к той или иной пропозиции, показатели онтологической модальности превращают ее в новую, модализованную пропозицию, которая так же, как и исходная, остается, так сказать, «полуфабрикатом», требующим соединения с той или иной иллокутивной силой, чтобы обрести способность участвовать в соответствующем речевом акте.

Показатели эпистемической модальности, присоединяясь к пропозиции, дают в результате не новую пропозицию, а уже «готовый к употреблению» продукт, т. е. единицу другого ранга, которую, на наш взгляд, уместно считать особым иллокутивным типом, предназначенным для выражения специального речевого акта гипотезы. Вводные слова типа *может быть, наверное, несомненно* и т. д. могут соответственно рассматриваться как конвенциональные показатели иллокутивной силы гипотетичности.

Поскольку указанные слова представляют собою иллокутивные операторы, они несовместимы с показателями иных иллокутивных типов, напр., вопросительности или побудительности. Аномальны высказывания: **Есть ли у вас, может быть, англо-русский словарь?; *Кто, несомненно, разбил окно? *Вероятно, сходи за хлебом* и т. п.

Приводя пример из Ленина *Доверился ли ему автор более случайно, может быть?*, П. Рестан замечает: «По законам русского языка вводное сочетание слов *может быть* и вопросительная частица *ли* несовместимы. Приведенный пример можно объяснить тем, что он написан на скорую руку» (Рестан 1972: 176).

Условие успешности речевого акта гипотезы — «говорящий не знает, каково действительное положение дел», а его назначение — пред-

ложить адресату речи рассмотреть возможность, соответствующую высказанной гипотезе. Перлокутивный эффект такого речевого акта может быть различным. Если адресат речи не знает, как в действительности обстоит дело, он просто принимает во внимание эту возможность и учитывает ее в дальнейшем. Если же он знает, каково действительное положение вещей, то по законам речевой кооперации он должен сообщить это говорящему, не оставляя его в неведении. Ср.: [*—Он пропал куда-то, вот мы боимся, не случилось ли чего-нибудь — А что же может с ним случиться? — спросила она*]*—Может, заболел? — предположил я. — Ах, может, заболел! — воскликнула она. Нет, не заболел. Сегодня Михаил Степанович встретил его в городе (Домбровский).*

В подобных случаях перлокутивный эффект гипотезы оказывается таким же, как и у вопроса. Говорящий может прямо рассчитывать на такой эффект, так что можно даже говорить о косвенном речевом акте — гипотетичном предложении, употребленном в значении вопроса¹.

В том случае, когда истинность соответствующей пропозиции зависит от адресата речи, речевой акт гипотезы используется как просьба, совет или предложение: *Может быть ты сходишь за хлебом?; А может быть, тебе стоит уйти на пенсию? ; Может, не будем обсуждать этот вопрос?*

Как косвенный речевой акт следует, быть может, рассматривать и сообщения об онтологической возможности, в некоторых случаях функционально близкие выдвижению гипотез о действительности. Вообще говоря, как уже отмечалось, средства выражения онтологической возможности являются не иллокутивным показателем, а модальным оператором. Соответствующая модализованная пропозиция может использоваться в различных речевых актах, в частности, быть содержанием гипотезы: *Он мог пойти в кино, Мог ли он пойти в кино? Хоть бы я мог разочек сходить в кино; Вероятно, он мог пойти в кино* При этом комбинация иллокутивного показателя гипотетичности с показателем онтологической модальности вовсе не обязана быть «гармоничной», ср. отрывок из судебного очерка: *Старший лейтенант начал с соседки Курганского - Татьяны Петрожицкой. Она целыми днями сидела дома и наверняка могла сообщить что-нибудь о событиях минувшей недели (аномально было бы *Она, наверняка, может быть, сообщит что-нибудь о событиях минувшей недели)* Повествовательное предложение *Он мог пойти в кино* говорит о возможности, которая имела место в прошлом,

причем говорящий может прекрасно знать, реализовалась она или нет (ср. *Он мог пойти в кино, но предпочел пойти в театр*), — как объективно установленный подается тот факт, что она имела место. Но в ситуации, когда говорящий ничего не знает о реальном положении дел, сообщение о возможности оказывается прагматически эквивалентным гипотезе о реальном положении дел: [*Нет оснований беспокоиться, где он*] *Он мог пойти в кино.* = *Он, возможно, пошел в кино.* Ср. также: *Эти... заявления... как раз соответствуют истине. Конечно, Агранов, мог им не поверить... Однако запрет на заграничную поездку мог быть и не связан ни с каким недоверием. Возможно, это было просто лишение милостей, перевод в более низкий... ряд* (Ю. Карабчиевский).

Обратим в то же время внимание на то, что пропозициональное содержание сообщений о возможности и гипотез различно. В констатациях возможности утверждается истинность p' (p' является модализованной пропозицией, полученной из исходной пропозиции p), а в гипотезах высказывается предположение об истинности p .

Возможная прагматическая эквивалентность сообщений о возможности и гипотез о реальности p не отменяет необходимости теоретического различения соответствующих типов высказываний. Общие суждения о возможности p обычно не могут быть эквивалентными гипотезе высказывания с модальным словом *можно* (ср. *Из «Княне» Пушкина я узнала, что старую женщину можно любить больше, чем молодую* (Цветаева) \neq *старую женщину, быть может, любят [всегда] больше чем молодую*).

Не всегда может быть заменен на показатель гипотетичности и глагол *может*. Ср. *Дождь может пойти в любой момент* \rightarrow **Дождь, может быть, пойдет в любой момент; Он мог выдумать что угодно* \rightarrow **Он, возможно, выдумал что угодно*. Несмотря на то, что высказывания типа *Он мог выдумать что угодно* делаются в ситуации незнания, они представляют собой не близкие гипотезе речевые акты, а скорее соответствуют отказу от выдвижения какой-либо гипотезы.

От гипотез следует отличать «неуверенные сообщения», или квази-сообщения. Формальными показателями квазисообщений являются слова типа *кажется, вроде, как будто* (показатели «характерной информации» по Е. С. Яковлевой). Квазисообщения можно было бы подразделить на «импрессивы» и «квотативы».

Гипотезы употребляются в ситуации, когда у говорящего нет непосредственной информации об истинности соответствующей пропо-

зиции и он высказывает предположение, основанное на логическом выводе или интуитивной догадке. Квасисообщения могут быть использованы только тогда, когда говорящий располагает непосредственной информацией об интересующем его положении дел, но он по каким-то причинам не вполне доверяет этой информации.

Только показатели гипотетичности могут использоваться в условных конструкциях (*Если у меня будет время, я вероятно (*кажется), к вам зайду*), в предположениях о будущем (*Вам, несомненно (*кажется), понравится фильм*) и т. п. С другой стороны, если речь идет об информации, полученной в результате чувственного восприятия, возможно употребление только показателей неуверенности, но не гипотетичности: *Кажется (*Наверно) пахнет газом*

Лишь показатели неуверенности могут быть употреблены в ситуации припоминания: *Как же ее звали; не помню... Кажется (*Наверно) Наташа. Ср. Между ними была ссора. Не помню из-за чего. Кажется, из-за какой-то комиссии, которую прислали из штаба фронта (Трифонов).*

Если звонит телефон, то, еще не сняв трубку, можно высказать гипотезу: *Наверно (*Кажется), это звонит твой редактор*, но, сняв трубку, в ситуации узнавания по голосу, можно использовать только показатель неуверенности: *Кажется (*Наверно), это звонит твой редактор*. Однако в ситуации, когда говорящий начисто забыл что-то и тем самым уже не имеет непосредственной информации о том, что его интересует, возможным оказывается употребление именно показателя гипотетичности: *Как же ее звали? Начисто забыл. Может, Наташа, а может, Катя*. Высказывания, которые мы здесь назвали «импрессивными», были проанализированы в работах Е. С. Яковлевой (1984, 1988)

Можно добавить, что к «импрессивным» высказываниям примыкают также те, в которых неуверенность относится не столько к передаваемому сообщению, сколько к его импликациям (*Ты будешь обедать? — Да вроде я недавно поел*) и те, в которых использование показателей неуверенности является скорее своего рода «фигурой скромности» (*Вы говорите по-английски? — Да вроде*).

Другой тип квасисообщений, которому, как кажется, не уделялось должного внимания, — это «квотативы», используемые, когда говорящий опирается на информацию, полученную от других лиц (особенно если он не вполне уверен в ее достоверности). Если мне сказали, что Иван уехал в Киев, то, передавая эту информацию

третьему лицу, я могу сказать: *Кажется, Иван уехал в Киев; Иван, как будто, уехал в Киев; Иван, вроде, уехал в Киев* (а также, разумеется, *Иван, говорят, уехал в Киев*). В подобных случаях, однако, неуместно высказывать гипотезу: *Может быть, Иван уехал в Киев; Наверняка, Иван уехал в Киев.*

Высказывание *В молодости он, наверно, был ужасным донжуаном* представляет собой гипотезу, основанную на умозаключении, а высказывание *В молодости он, кажется, был ужасным донжуаном* квазисообщение, основанное на слухах. Ср. использование показателя неуверенности (*вроде как*) при цитировании в газетном тексте («Известия», 25. 06. 92): *Представители... блока «Новая Россия»... утверждают, что Б. на вокзале был абсолютно трезв. А нападение на него не что иное, как политическая месть. Б. работал в Комиссии по расследованию деятельности ГКЧП, вроде как передал в Прокуратуру документы о нелегальном вывозе... золота за рубеж и стоял на пути мафии, блокирующей строительство важного народно-хозяйственного объекта в Москве.*

В некоторых случаях использование показателей неуверенности (*кажется, вроде, как будто, говорят*) при передаче информации, полученной из чужих рук, оказывается обязательным. Это происходит, в частности, при передаче оценочной информации. *Фильм очень хороший* сказать можно, только если сам видел этот фильм. Если же эта оценка принадлежит другому лицу, следует передать ее, используя показатель неуверенности, который в таком случае выступает как своего рода, «квотатив»: *Фильм, кажется (вроде, как будто), очень хороший; Говорят, фильм очень хороший*. Разумеется, использование показателя гипотетичности также возможно, но оно будет выражать не ссылку на чужое мнение, а предположение на основе каких-то собственных соображений. *Наверное, фильм очень хороший; прекрасный актерский состав, замечательный режиссер.*

Использование «квотативов» является обязательным также в случаях, когда передаваемая информация не может быть неизвестной адресату речи: *Кажется, ты собираешься ехать во Францию; Говорят, ты собираешься ехать во Францию*. Здесь говорящий рассчитывает на то, что адресат речи подтвердит или опровергнет сообщение, так что можно считать, что мы имеем дело с косвенным речевым актом (сообщение в функции вопроса). Простое сообщение *Ты собираешься ехать во Францию* прагматически неуместно.

В отличие от *кажется* вводный оборот *мне кажется* может быть употреблен при отсутствии непосредственной информации о положении дел; в этом случае он сближается с показателями гипотетических предложений (*должно быть, наверно*), ср.: *А слухи ходили самые разные. Мне кажется, их нарочно распространяли враги Сергея Кирилловича.* Высказывание с оборотом *мне кажется* выражает предположение, и сам оборот эквивалентен оборотам *я думаю, должно быть* и т. п. Замена его на *кажется* изменило бы смысл высказывания: в таком случае оно предполагало бы наличие у говорящего определенной информации об источнике слухов. В то же время в некоторых контекстах употребление *мне кажется* вместо *должно быть* оказывается невозможным. Напр., предположение о реакции некоторого знакомого на неожиданное сообщение может быть выражено так: *Должно быть, он подпрыгнул от удивления, услышав эту новость;* заменить *должно быть* на *мне кажется* здесь нельзя.

От оборотов *кажется* и *мне кажется* как показателей актуальной неуверенности говорящего следует отличать неактуальные употребления глагола *казаться/показаться*: ср. *Погода становилась хуже - казалось, снег идти хотел* (Пушкин); *Мне показалось, звонит телефон.* В подобных случаях глагол *казаться/показаться* употребляется в обычном значении - для указания на ощущение наблюдателя в рассматриваемый момент. Здесь нет ничего специфического для вводных конструкций. Возникающая здесь имплицативная неоднозначность (в одних случаях есть имплицатура контрфактичности, в других - нет) вообще присуща глаголу *казаться/показаться*, ср. диалог, приводимый Анной А. Зализняк (1988: 117) *Мне показалось, что ты чем-то расстроен - Тебе это показалось* (ср. также аналогичный диалог из рассказа Макса Бременера: - *А мне показалось... начал отец - Тебе постоянно что-нибудь кажется, - перебила его мать*).

Специфично для вводных конструкций, (и, по-видимому, конвенционализировано) лишь использование ирреального наклонения в обороте *казалось бы*. Ирреальность здесь относится не к факту наличия ощущения, а к предмету ощущения *казалось бы* означает «может ошибочно показаться, что...»

Обратим внимание на то, что, в отличие от вводного слова *кажется*, вводный оборот *мне кажется* никогда не может использоваться в «квотативах» Высказывание *Фильм, мне кажется, очень хороший* выражает оценку, принадлежащую самому говорящему, но менее категоричную, чем при отсутствии такого оборота.

Таким образом, различаются: *Фильм хороший* (говорящий видел фильм); *Фильм, мне кажется, хороший* (то же, но оценка не категорична); *Фильм, кажется, хороший*; *Фильм вроде (как будто) хороший* (говорящий не видел фильма, оценка с чужих слов); *Фильм, наверно, хороший* (предположение на основе каких-то собственных соображений: актерский состав, репутация режиссера и т. п.).

Впрочем, показатели неуверенности (*кажется, вроде, как будто*) могут вводить оценку на основании собственных впечатлений говорящего — когда говорящий считает эти впечатления поверхностными и допускает, что в дальнейшем от них откажется. Ср. *Как тебе его работа? — Вроде (бы) интересная* или *Как будто, на уровне* или *Кажется, ничего*.

Весьма интересным (и, кажется, пока не отмечавшимся) фактом является несомненное сходство рассмотренного противопоставления с противопоставлением двух типов непринятия на себя говорящим «эпистемического ручательства», а именно «суждения» (основанного на представлении о логической возможности) и «эвиденциальности». Под различными значениями эвиденциальности (представляющей собой в некоторых языках грамматическую категорию модального типа) понимают обычно ссылку на тот или иной источник информации, быть может, не достоверный (например, на сообщение, полученное «из вторых рук», или на перцептивно доступные данные, возможно, обманчивых чувств и т. п.). В русском языке с категорией эвиденциальности до сих пор сопоставляли только весьма ограниченное и специфическое употребление частиц *мол, де, дескать*, используемых для маркировки квазипрямой речи (ср., в частности, Якобсон 1972), а также и так называемое значение «авторизации», указывающее на источник информации посредством имеющих буквальный смысл лексических средств типа *по сообщению авторитетных источников, как мне сказали в дирекции и т. п.*

Однако, на наш взгляд, грамматическая категория эвиденциальности, по крайней мере в некоторых языках, обнаруживает гораздо большее сходство с рассмотренными выше словами типа *кажется, вроде, (как) будто (бы)* (и, конечно, *говорят*).

Типологически интересным фактом является, в частности, само функциональное объединение (квазисинонимия) слов, прямо указывающих на сведения, полученные из вторых рук (типа *говорят*, а также и слов, этимологически связанных с аудитивным восприятием типа простореч *слышно, слыхать*), со словами,

указывающими на непосредственное, хотя, возможно, ошибочное чувственное восприятие определенных данных, которые могут косвенным образом (но без привлечения логического вывода) свидетельствовать о прямо не наблюдавшихся говорящим событиях.

Существенной представляется и значительная десемантизация слов типа *вроде, кажется, как будто*, а также и отмеченная нами выше обязательность употребления показателей этого типа в определенных контекстах. Все эти факты указывают на определенную степень грамматикализации значения «эвиденциальности» в русском языке.

¹Заметим, что в письменных текстах в конце гипотетических предложений, использованных в функции вопроса (как и в некоторых других случаях), ставится вопросительный знак, указывающий на интонацию «незавершенности». В общем случае эта интонация не тождественна интонации (общев)просительных высказываний. Однако и независимо от этого несовпадения рассматриваемые предложения нельзя считать подлинно вопросительными. Упомянутая выше несовместимость показателей гипотетичности с вопросительной частицей *ли* является достаточным основанием для того, чтобы отличать - на уровне предложения - иллокутивный тип гипотезы от интеррогатива. Так называемая «вопросительная интонация» (вступающая в игру только на уровне высказывания) гораздо более многозначна. Она маркирует разные типы «дубитативности», отсутствия «безапелляционности», в частности - отличает просьбу от требования. Ср. например, необходимое интонационное отличие высказывания *Оторвите билетик* (в автобусе при обращении к соседу с просьбой) от требования *Предъявите билет*. Просьба *Свет погаси* интонационно не отличается от вопроса *Свет погасил?* При спорадическом совпадении формы индикатива *Л* *мн* *ч* и формы императива (как в случае *позвоните*) высказывания, реализующие вопрос и просьбу могут звучать совершенно одинаково. *Позвоните мне завтра?* - (1) «Я спрашиваю, позвоните ли вы мне завтра» и (2) «Я прошу вас, чтобы вы позвонили мне завтра». Поэтому такие высказывания, как *Может быть, выпьете чай? Вы, должно быть, устали? У вас, вероятно, есть англо-русский словарь?*, не являются реализацией вопросительных предложений. То же относится и к упоминаемым ниже косвенным актам, рассматриваемым как гипотетичные (а не вопросительные) предложения в функции просьбы, совета или предложения.

Литература

Булыгина, Т. В.; Шмелев, А. Д. 1990: "Возможности естественного языка и модальная логика". *Язык логики и логика языка*. Москва

- Зализняк, А. А. 1988: "О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом)", *Знание и мнение*. Москва.
- Рестан, П. 1972: *Синтаксис вопросительного предложения Общий вопрос (Главным образом на материале современного русского языка)*. Oslo ; Bergen ; Tromsø
- Якобсон, Р. О. 1972: "Шифтеры, глагольные категории и русский глагол", *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва.
- Яковлева, Е. С. 1984: "О семантике модальных слов-показателей достоверности в современном русском языке", *Zbornik radova instituta za stranejezike književnosti*, 6.
- Яковлева, Е. С. 1988: "Согласование модусных характеристик в высказывании", *Прагматика и проблемы интенциональности*. Москва

Summary

Illocutionary modality: statements of possibility, hypotheses, and quasi-assertions

The article discusses the conditions of use of certain Russian parantheses. A distinctive speech act - hypothesis - is singled out. It is suggested that parenthetical expressions like *может быть, наверно, должно быть* be considered as illocutionary force indicating devices (IFID). It is no great surprise that they cannot co-occur with other IFIDs like imperatives or interrogatives. Those parantheses must be distinguished from indicators of the ontological modality (*может, должен, способен, обязан*) which can be freely used in any speech act. The distinction in question is not consistently made especially as sentences including some of those modal operators (e. g. *может, должен*) may on occasion function as hypotheses.

The hypothetical expressions must also be distinguished from parantheses that convey lack of confidence (like *кажется*). Hypotheses are made when the speaker has no direct information on the situation and s/he has to apply to logical argument, intuition, etc. In contrast, non-confidence markers are used when information on the situation is available, that is when the speaker applies to physical data or on another person's report. In some cases, the use of non-confidence markers is imperative when conveying a second-hand knowledge. That gives ground to recognize the category of evidentiality in Russian. Consider: *фильм очень хороший* (the utterance presupposes that the speaker has seen the movie); *фильм, мне кажется, очень хороший* (the same presupposition, but

the assertion is not unqualified); фильм, кажется, очень хороший (quasi-assertion- the speaker has not seen the movie, and s/he refers to opinion of someone else); фильм, должно быть, очень хороший (a hypothesis based, e. g., on the cast, on the producer's reputation; etc.).

Даниэл Вайс (Daniel Weiss, München)

ДВОЙНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Определение

Исследуемая в данной статье глагольная конструкция была рассмотрена уже довольно многими авторами (хотя ей обычно отводят очень мало места, иногда даже всего несколько строк), причем рассматривалась либо отдельно (напр. Милов 1913, Гвоздев 1930, Собинникова 1957) либо как часть более обширного описания то ли грамматики литературного языка (Шахматов 1941: 233, Булаховский 1952: 289, Грамматика АН 1980 ИИ: 240), то ли особенностей разговорной речи (Шведова 1955: 289-91 и 1960: 57-68 и 86-91, Лаптева 1970, Красильникова 1970: 122-3, Земская 1974: 166-7 Сиротинина 1974: 111, Земская 1987: 145); последний раз она была затронута в статье Апресян 1986: 63-4, где обсуждается ее принадлежность к "малому синтаксису" русского языка. Несмотря на эту относительно хорошую изученность интересующая нас конструкция до сих пор не имеет ни стандартного обозначения, ни общепринятого определения. Во всех названных работах она называется по-разному; так, у Шахматова мы находим обозначение "двусказуемые спрягаемые глагольные предложения", а Гвоздев говорит о "согласовании глагола с глаголом". Термин "двойные глаголы" в современном русском языке был, по-видимому, впервые введен в работе Земская 1974: 166. Этот термин представляется мне удобным своей сжатостью, и в дальнейшем я буду пользоваться исключительно им.

В чем, однако, заключается суть двойных глаголов? Следующая попытка определения, хотя и громоздка, но зато вызовет, пожалуй, меньше всего возражений, поскольку охватывает лишь минимум характерных черт:

Двойной глагол - Синтаксическая конструкция, состоящая из: бессоюзного сочетания двух глаголов, которая обладает следующими свойствами. (1) оба компонента составляют синтаксическое единство с общим первым актантом—подлежащим иногда и с общим вторым актантом или сирконстатнтном, (2) состав их граммем совпадает полностью при допустимой видо-временной разнородности типа *сичу задумалась*, (3) они произносятся слитно, т.е. без паузы и с ударением на одном

компоненте.

В качестве добавочных, но не определяющих критериев отметим следующие: а) двойные глаголы выступают исключительно в разговорной речи, б) их самым близким по смыслу эквивалентом являются сочинительные сочетания вроде *сидит и плачет*.

Проиллюстрируем это определение следующими примерами:

1. вот такой хороший был разговор, первый самый. у нас были гости и тут на Новый год, значит, все *сидели разговаривали*. хорошая-хорошая запись, и чёткая

(Машинный фонд русского языка)

2. В я-то передал ёй, Тане, привет. она взяла из машины... но правда, потом она *переехала в общежитие устроилась* в студенческое. уже у них не жила в Томилине. (там же)

Оба примера демонстрируют просодическую особенность двойных глаголов (отсутствие паузы между компонентами, безударность первого компонента). Кроме того, в них очевидны одинаковое грамматическое оформление и соотнесенность обоих предикатов с тем же подлежащим (*все, она*). Вдобавок, второй из них позволяет уточнить существо синтаксического единства, о котором говорилось в определении: имеется не только общее подлежащее, но и общий второй актанта в *общежитие*, относящийся как к первому, так и ко второму глаголу и расположенный между ними. Приведем еще два примера, где синтаксическая слитность, однако, проявляется по-другому:

3. Вхожу к ней, сидит, вечерний чай пьет, с бубликами
Квартирка однокомнатная, вся мебелью и коврами
заставленная, в Чертанове живет, на выселках А я тебя,
говорит, *сичу дожидаюсь*. (В Ерофеев)

4. А потом *очищают* несколько раз *ездят колодец*.

(Лаптева 1970: 138)

В примере 3 лишь второй предикат обладает вторым актантами, но позиция этого последнего весьма неожиданна, поскольку он находится как раз перед первым глаголом, утратив таким образом контакт с тем глаголом, с которым он соотнесен¹. В примере 4 наблюдается противоположная картина, т.е. второй актанта первого предиката следует за вторым предикатом, вдобавок имеется сирконстант *несколько раз*, который скорее всего относится к обоим

предикатам. Все это свидетельствует о том, что двойные глаголы образуют неразрывное синтаксическое целое, которое может привести к нарушению валентностного поведения отдельных компонентов.

Отметим случай накопления таких глагольных пар:

5. Ну и там в садике мы *сели* *подумали* / куда же мы *пойдем*
устроимся в гостиницу // (Ширяев 86: 129)

Камнем преткновения в существующих до сих пор описаниях двойных глаголов является безусловно утверждение, что данная конструкция "воспринимается как одно цельное сказуемое". Это свойство было отмечено уже первым ее исследователем, который пишет по этому поводу: "Так, в работах я встретил: «Сестра *стояла* на столе *держала* лампу»; «Я *поеду* их читать *научу*». Было бы непростительно грешно исправлять в сочинениях эти фразы учеников, например, так: «Сестра *стояла* на столе и *держала* лампу»; «Я *поеду* и их читать *научу*», потому что здесь не два различных действия — *стояла* и *держала*, *поеду* и *начну*, — а одно: *стояла-держала*, *поеду—научу*" (Милов 1913). Насчет смысловой слитности двойных глаголов нет ни малейшего разногласия между всеми упомянутыми авторами, изучавшими двойные глаголы. Тем не менее, этот критерий пока чисто интуитивный, и нет ничего удивительного, что реакции отдельных информантов на вопрос, выражает ли данная глагольная пара одну цельную ситуацию или нет, не всегда полностью совпадают. Поэтому он не вошел в выше приведенное определение. С другой стороны, если отказаться от него, мы будем вынуждены допускать в качестве двойных глаголов примеры, которые, на мой взгляд, к ним явно не относятся. Таковы следующие выражения:

6. *Поеду* работу *кончу* на юг куда-нибудь. (Ширяев 86: 128)
7. Я тебе сказала, что ты сессию эту *будешь* *плакать* *сдавать*.
(Сиротинина 1974: 111)
8. Я буду каждый раз *страдать* туда *ходить*. (Земская 1973: 167)
9. А ты плащ *сдавала* не *отрезала* // (пуговицы, о химчистке)
(там же)

Эти примеры попали под рубрику двойных глаголов видимо потому, что единственным критерием их выделения было их просодическое единство. На самом деле легко убедиться, что мы имеем дело с совсем другой конструкцией, а именно со сложным бессоюзным

предложением: для этого достаточно ввести союз *когда*, ср. (6) *когда/если работу кончу*², (7) *когда будешь сдавать*, (8) *когда/ из-за того, что буду туда ходить*, (9) *когда сдавала плащ*. В следующем примере дело обстоит сложнее:

10. Вся опера в этом. Понимаешь? Ну она так и поставлена и задумана, причём мне *рассказывали слушали* французскую запись, Пуленк специально написал эту оперу для драматической актрисы, но которая вот пела. (Машинный фонд)

Данный пример допускает в принципе две различных интерпретации: а) = "рассказывали те, кто слушал", б) = "рассказывали. слушали ... [и, как оказалось], Пуленк специально написал...", притом более вероятна первая из них. Но как бы то ни было, ни одна из этих интерпретаций не тождественна конструкции с двойными глаголами: в) = "рассказывали (и) слушали".

Итак, мы обнаружили один надежный операционный прием, который позволяет нам уточнить критерий смысловой цельности: если данную цепочку глаголов возможно преобразовать в сложное предложение любого (относительного, изъяснительного, расчлененного и т.п.) типа, то эта цепочка никак не может претендовать на статус двойного глагола.

К сожалению, не все сомнительные случаи удается разрешить посредством этого критерия. Так, моим главным информантом (И.А. Мельчуком) были также отвергнуты следующие кандидаты в двойные глаголы:

11. И потом / манера такая / сделала / и ничего не уберет уходит / (Красильникова 1970: 123, Земская 1973: 167)

12. А ну давай достань!

В что (чо) же я сейчас(шас) всё брошу буду доставать

А не сейчас, ну хорошо, давай я тебе потом дам денег, доставай плёнку (Машинный фонд)

Данные пары глаголов воспринимаются скорее как пары однородных членов. Здесь играет определенную роль видовая разнородность предикатов в сочетании со смыслом "временное следование", но ее тоже нельзя считать решающим фактором, см. ниже³. Создается впечатление, что отсутствие паузы и акцентное единство (если таковое действительно имеет место — в последнем примере это по крайней мере сомнительно) здесь скорее случайны, и можно вполне отказаться от них без изменения смысла. Таким образом, степень

обязательности просодического единства оказывается критерием, позволяющим отграничить двойные глаголы от сходной конструкции (сочинение однородных членов).

Надо признать, что не все отрицательные оценки информантов удалось объяснить с помощью подходящих тестов. Так, следующая пара глаголов воспринималась одними как целое, а другими — как два отдельных предиката:

13. списала я её, всё, сказала похвалилась: Ольга Борисовна, есть у меня запись. — ну так давай плёнку. плёнку дашь? а я говорю: а я стёрла. ну вот (Машинный фонд)

Поскольку здесь второй глагол лишь характеризует речевой акт, обозначенный первым глаголом, думается, что скорее оправдана интерпретация данного примера как смыслового единства. То же самое касается следующего примера:

14. Я не знаю, зачем ты его *покупал деньги тратил* (Лаптева 1970: 138)

Первый член здесь подвергается отрицательной оценке, оформленной вторым членом; иными словами: одно и то же положение дел описывается с двух различных точек зрения. По-другому выглядит картина в примере

15. А потом скажи что вот вы *забыли оставили* // (свет в комнате) (Земская 1973: 167)

На первый взгляд, создается впечатление, будто здесь происходит синонимическое переформулирование: говорящий вроде бы исправляет себя. На самом деле, однако, такое синонимическое понимание придавало бы этой фразе сугубо фольклорную окраску, которая к ней явно не подходит; она была бы, пожалуй, скорее оправдана в таком случае: "Бедный мальчишка, совсем тебя *забыли-забросили* (забыли-оставили)!", где действительно выступает двойной глагол⁴. Для примера 15 куда более вероятно другое прочтение: глагол *оставили* подчинен глаголу *забыли*, так что мы опять имеем дело с бессоюзным сложным предложением.

Синтаксически сходную ситуацию мы находим в следующем примере:

16. Я вчера *сделала глупость выпила молоко* тридцатого / сегодня можно было бы его еще использовать// (Земская 1973: 167)

Группа *выпила молоко тридцатого* здесь является предметом комментария *сделала глупость*, так что можно в определенном смысле действительно говорить о семантически единой ситуации. Но если учесть, что сочетание *сделала глупость* — оно представляет собой значение Лексической функции Op_{e2} в системе Мельчука — имеет свою собственную валентность, выходит, что *выпила молоко* занимает позицию его второго актанта. Такая синтаксическая соотнесенность вовсе не характерна для компонентов двойных глаголов⁵; приведенный пример является единственным этого рода в моем корпусе (в примере 14 один член тоже содержит оценку другого, но тот не замещает в нем актантную позицию). Опять возникает вопрос, не наблюдается ли здесь разговорное отклонение от синтаксической нормы.

В общем и целом наши последние примеры подсказывают шкалярный подход: следует внутри данной конструкции различать центр (прототип) и периферию. В этом смысле несомненно прав автор соответствующего раздела раб. Земская 1973, который пишет по этому поводу: "В представленных примерах степень слитности (семантической и грамматической) двух форм в составе предиката неодинакова. Наибольшая слитность, как отмечалось, свойственна парам, включающим глаголы движения и состояния [в настоящей статье они представлены примерами 1-5 — Д.В.] Но эта синтаксическая конструкция синкретически вобрала в себя самые разные типы отношений, в том числе аналогичные тем, которые выражаются при помощи деепричастных конструкций кодифицированной системы" (с. 167). Ввиду последних примеров, рассмотренных нами, возникает, однако, вопрос, на каком основании эти "разные типы отношений" причисляются уже к языковой системе. Не лучше ли отнести примеры 10-15 к фактам речи, сложившимся случайным образом? Задача разграничения этих двух сфер (языка и речи) несомненно принципиально важна и остается всегда актуальной (она ведь преследует лингвистов уже почти целое столетие), но поскольку в данном случае пока не видно каких-либо надежных критериев для решения этого вопроса, он должен остаться открытым. Предлагаемое мною предварительное решение выглядит так: примеры типа 6-10 и 15-16 находятся вне интересующей нас области, примеры 11-14 же — на его периферии. Добавим, что независимо от окончательного определения нашей конструкции обе эти группы свидетельствуют о тенденции к склеиванию различных предикаций в одной фразе. Эту тенденцию можно свести к более

общей типологической особенности русской разговорной речи: к ее стремлению к минимальной эксплицитности⁶.

Таким образом, мы уже имеем предварительное представление о том, в чем заключается просодическая, синтаксическая и семантическая цельность данной конструкции. Для полноты картины добавим, что существует также один случай, где следует говорить о морфологической цельности. Дело в том, что во фазах типа

17. Пошел *бы* поступил куда-нибудь.

морфема сослагательного наклонения *бы* "обслуживает" оба предиката. Отметим, что данный порядок слов не позволяет усматривать в приведенной фразе результат сочинительного сокращения. Иначе обстоит дело с примерами вроде *Ты бы пошла легла*, который напоминает сочинительную конструкцию с вынесением сослагательной морфемы за скобки, ср. *Я бы ее наказал и выдворил*. То же самое верно для вспомогательного глагола будущего времени несовершенного вида.

18. Ты у меня будешь сидеть молчать!⁷

Интерпозиция вспомогательного глагола здесь не встречается, ср. **Ты сидеть будешь молчать*

Цель статьи в дальнейшем состоит в том, чтобы представить типологию данной конструкции и выявить пока не изученные синтаксические и семантические ограничения отдельных типов. При выделении последних я буду главным образом опираться на работу Шведова 1960, которая до сих пор содержит самый обширный разбор нашего предмета.

2 Типы двойных глаголов

В основу типологии двойных глаголов положен критерий взаимной семантической связи обоих компонентов; главный упор здесь делается на их временное соотношение — отсюда и различие двух основных типов а) и б); далее следует одна весьма немногочисленная группа, которая отличается сходством лексического содержания обоих глаголов (тип в). Особо стоит тип г), который определяется одновременно семантически и формально: конструкция строится здесь из однокорневых глаголов, второй из которых либо усиливает

значение первого, либо аннулирует его возможный результат.

а) полное временное совпадение

сидю молчу; идет посвистывает; ходить важничать, слушаю радуюсь;
живут не ссорятся; ешьте не беспокойтесь

б) временное следование: первое действие служит как бы подготовкой второго

сяду подумаю об этом; иди проверь; приготовьте ступайте, заеду навещу; ты бы легла пошла. Но это глупо приехать спрашивать, собрались договорились

в) семантическая близость: "глаголы—близнецы"

напился—наелся; разуть—раздеть; купить—продать

г) однокорневые сочетания

ждет—пожидает, хожу—похожу; ловить—не переловить; глядят—не наглядятся

Отметим сразу, что порядок компонентов (сначала безударный, потом ударный глагол) не закреплен стопроцентно: так, в типах а) — в) наблюдается иногда перестановка, ср. выше: *ты бы легла́ пошла* или *Ну, рассказывай садись!* В случае пар типа б), которые выражают цепочку действий, это приводит к своего рода антииконическому эффекту, который, однако, из-за семантической слитности всей конструкции почти незаметен. В силу общего правила "исходная форма идет перед дериватом", тип г) такой перестановки не допускает.

Тип в) охватывает очень незначительное количество глагольных пар, которые представляется вполне законным подвести под понятие синтаксической фраземы (подробнее об этом Мельчук 1985). Возможно, более свободно ведет себя в этом отношении подтип, характеризующийся квазисинонимической связью своих членов, ср. *идет-брелет, гудит-воет, наточить-наострить*. Из-за равносильности ударения обоих компонентов этот тип следует считать неканоническим представителем категории двойных глаголов. Кроме того, он отмечен подчеркнуто фольклорным характером, ср. общеизвестную сказочную формулу *жил-был*, в которой, по всей видимости, следует усматривать влияние финно-угорского оригинала ⁸ Как отмечает Шведова 1960: 64, этот тип двойных глаголов приводит также на мысль похожие именные сочетания типа двандва *отец-мать, братья-сестры, хлеб-соль, птицы-звери*, а также пары прилагательных вроде *жив-здоров* и т.п., известные из народной словесности ⁹. На именные параллели для подтипа с квазисинонимической связью обращает также

внимание Гвоздев 1930: 56, ср. *путь-дорога, печаль-тоска*. Из-за стилистической маркированности и недостаточной продуктивности этот тип будет исключен из дальнейшего рассмотрения

Тип г) более продуктивен и регулярен, но и он укладывается еще в рамки понятия синтаксической фраземы; кроме того, здесь опять "пахнет фольклором", ср. известную заключительную формулу сказок: *"Стали жить-поживать, добра наживать"*. Ввиду его семантики мы не можем, однако, полностью оставить его в стороне: как будет показано ниже, имеется не отмеченная Шведовой подгруппа типа а), которая отличается такой же семантикой (второй компонент является интенсификатором первого). Тем самым выясняется, что предложенная выше типология не является единственно возможной.

В дальнейшем мы сосредоточимся на отношении между типами а) и б), рассматривая сначала различные возможности их видового оформления. Относительно типа а) следует подчеркнуть, что требуется именно полное совпадение временных интервалов, обозначаемых обоими предикатами, между тем как одновременность в других конструкциях понимается шире: так, применительно к сочинению двух глаголов типа *Он курил и молчал* или типа *Он сидел молча* допустимо и включение одного интервала в другое или даже их пересечение. В видовом отношении требованию временного совпадения наиболее удовлетворяет сочетание двух форм несовершенного вида. Как справедливо отмечается в раб Шведова 1960: 60, в принципе здесь, однако, возможно и соединение форм совершенного вида, ср. *посижу подожду* или *полежи отдохни*. Это происходит тогда, когда первый член выражает делимитативный способ действия. Как известно, в этой ситуации наблюдаются и сочинительные сочетания с одновременным прочтением вроде *Мы посидели, поговорили, посмеялись*¹⁰.

Кроме того, тип а) охватывает также сочетания двух форм совершенного вида с отрицанием одной из них.

19. Надо посмотреть // А то так не заметишь проедешь //

(Земская 1973: 167)

20. Напишите две фразы не поленитесь!

(там же)

(Наряду с этими примерами встречаются, естественно, и примеры с отрицанием глагола несовершенного вида вроде *лежали не шевелились, ешьте не беспокойтесь*). Особо следует, по-видимому, отметить следующий пример:

21. А он выпил не поморщился.

(Земская 1973: 167)

Здесь наше знание о мире вроде бы допускает обе интерпретации (одновременность или следование).

Наконец, следует упомянуть о таких периферийных случаях как *сказала похвалилась* (13), где второй член только модифицирует первый: и здесь временное совпадение выражается двумя формами совершенного вида .

Во всех остальных случаях соединение двух форм совершенного вида в рамках данной конструкции будет восприниматься как пример типа б), т.е. в смысле временного следования. Распределение видов соответствует здесь общей картине, наблюдаемой при этом смысле: если вместо совершенного появляется несовершенный вид, он оформляет либо повторяющиеся (многократные, узуальные) действия — таков пример 4, приведенный выше — , либо какую-нибудь транспозицию в настоящем времени: так наз. настоящее демонстративное ¹¹, репортажное или эмоциональной актуализации ¹². Особо следует отметить настоящее историческое, ср. следующее высказывание:

22.Один раз было так//она *приходит говорит*/ во бабушка что было//
(Красильникова 1970: 123)

В данном случае значение последовательности остается вопреки транспозиции закодированным: оно вытекает из значения глагола *приходить*, который как достижение (achievement) в смысле известной классификации Вендлера ¹³ не имеет актуально-длительного значения

При императиве картина опять меняется в соответствии с общими факторами, определяющими выбор вида, здесь даже последовательность двух однократных действий может быть выражена посредством двух несовершенных форм, ср. *Садись рассказывай* (решающую роль играет ожидаемость этих актов)

Наряду с этими одновидовыми сочетаниями встречаются и случаи со смешанной видовой принадлежностью. Они представлены в обоих типах. Так, среди примеров, выражающих последовательность действий (тип б), можно найти такие, в которых первый, безударный компонент (т.е. глагол движения) выступает в несовершенном виде, ср. *беги купи, иди проверь, еду разберусь во всем этом*. Обратная картина наблюдается иногда с первым членом *поди*.

23. Потом, глядишь, дров нет: *поди бегай занимай*.

(Шведова 1960: 62)

24. Плакали мои денежки... теперь *ищи поди*.

(там же)

Данный глагол, однако, уже значительно десемантизирован; доказательство тому — его соединение с глаголами, обозначающими многократные действия в примере 23 (подробнее о десемантизации первого члена см. ниже). Таким образом, форма *поди* отдалилась как в фонетическом, так и в семантическом отношениях от мотивирующего глагола и практически превратилась в частицу со значением *попробуй*, сопровождающую формы императива. Из ее глагольных черт сохранилось единственно изменение по числу, ср. *подите*¹⁴.

Большой интерес представляют несомненно двойные глаголы, один из компонентов которых имеет перфектное значение. Сюда относятся, с одной стороны, сочетания, где безударный компонент выступает в несовершенном виде, а ударный — в совершенном:

25. Она *стояла задумалась*.

26. Я тут *обложилась* словарями *сидела*. (Шведова 1973: 167)

При этом допустимо и разновременное оформление (первый компонент в настоящем, а второй — в прошедшем):

27. А ты что *сидишь* *насупился* (Шахматов)

28. Лошадь вашу всю снегом занесло, вся *согнулась* *стоит*.

(Бунин)

По всей видимости, такие соединения разновидовых форм возможны потому, что второй компонент — т.е. глагол совершенного вида — имеет перфектное значение: он тогда обозначает состояние-результат, длящийся одновременно с интервалом, обозначаемым первым глаголом. Если же форме совершенного вида не свойственно перфектное значение, она не может участвовать в данной конструкции:

29. Он *сидел* **вскрикнул* / **ударил кулаком* и т.п.

Добавим, что при данной семантике второй глагол может опять отрицаться:

30. Замерзла ты? А я вот *не замерзла* *шла*. (*шла не замерзла*)

(Шведова 1960: 60)

С другой стороны, встречаются соединения двух совершенных форм,

где перфектное значение проявляется уже в первом, безударном компоненте:

31. Я *сяду подумаю* о вашем предложении.

Из сказанного следует, что примерам 25-31 свойствен элемент как одновременности, так и следования; тем самым они составляют промежуточное звено между типом а) и типом б). В связи с этим хочется подчеркнуть, что различие одновременности и следования в рамках данной конструкции имеет вообще относительный характер, поскольку значение четкой последовательности плохо совместимо с представлением о семантически цельной ситуации, столь часто выдвигаемым как характерная черта двойных глаголов.

Что касается распределения видов, то получается следующая картина: в рамках конструкции "двойной глагол" представлены не все теоретически возможные комбинации, а именно

а)	несоверш.	+	несоверш. ¹⁵	} тип а)
б)	несоверш.	+	соверш.	
в)	соверш.	+	соверш.	} тип б)

Как видно, в этой таблице отсутствует сочетание "соверш. + несоверш.", которое, как упоминалось выше по поводу примеров 23-24, представлено единственно в сочетаниях с *поди*. Этот пробел не случайный: он объясняется общей характеристикой двойных глаголов (схема "фигура – фон"), о которой речь пойдет ниже.

В общем следует констатировать, что распределение видов не является надежным критерием для разграничения двух описанных типов двойных глаголов: в этой конструкции оно отражает просто те общие правила, которые определяют выбор видов в сочинительных конструкциях. Тем самым уже нельзя ожидать, чтобы наблюдалось однозначное соотношение между временной соотнесенностью двух действий и их видовым оформлением.

Наряду с временной соотнесенностью обоих действий для различения типов а) и б) применяется иногда еще другой критерий. Так, уже Гвоздев 1930: 57 указывает на различные возможности их перифразирования:

тип а) мы сидим разговариваем ↔ мы сидим *разговаривая*

тип б) мы сядем отдохнем ↔ мы сядем *отдохнуть*

Иными словами второму члену двойного глагола типа а) соответ-

ствуует в кодифицированном языке деепричастие того же вида, а второму члену типа б) — инфинитив. Так, если второй член "смешанной" конструкции выступает в совершенном виде, деепричастие приобретает такую же граммему: ср. (25) *Она стояла задумавшись*, (29) *вся согнувшись стоит*. Отметим, что при наличии соответствующего страдательного причастия это последнее тоже может служить перифразой, ср. (26) *Я тут сидела обложенная словарями*.

Тем не менее, дело обстоит сложнее. Не говоря о том, что данный тест в случае типа а) довольно часто подводит из-за отсутствия соответствующего деепричастия (ср. *сидит ест € сидит ?едя*), нельзя упускать из вида, что далеко не все существующие деепричастия одинаково годятся для описанной перифразы. Так, *я сижу читаю* уже не так легко трансформируется в *?я сижу читая*.

Отметим, что в обратном направлении замена еще реже "работает", поскольку имеется обширная группа употреблений деепричастий, которая совсем не преобразуется в двойные глаголы: речь идет о постпозитивных формах в совершенном виде вроде

32. Он ее оскорбил, поцеловав ее * *Он ее оскорбил поцеловал.

Здесь, одна ситуация рассматривается с двойной точки зрения: факт, описываемый деепричастием, одновременно подвергается оценке, выраженной главным глаголом; в явном виде данный смысл выражается союзом *тем, что*¹⁶. Таким образом, в данном случае возникает конфликт между темпоральной характеристикой (полное совпадение двух действий), которая соответствует двойным глаголом типа а), и видовым оформлением (сочетание двух форм совершенного вида), которое по выше представленной схеме "обслуживает" тип б). По всей видимости, этот конфликт (наряду с лексическими ограничениями, накладываемыми на первый компонент) блокирует возникновение двойного глагола. Отметим, что таким образом нашлось также естественное объяснение для примера 16, который мы решили не признать двойным глаголом. В конечном итоге следует констатировать, что смысл *тем, что* и его конверсив *и тем самым* не поддаются оформлению интересующей нас конструкцией, так что в этой области не наблюдается пересечения с деепричастными конструкциями¹⁷.

Еще хуже обстоит дело с перифразой посредством инфинитива (тип б). Во-первых, эта перифраза не отличается от оригинала, если уже первый глагол оформлен инфинитивом. примеры типа *пойти*

покурить представляют одновременно обе конструкции. Кроме того, если действие, выражаемое первым глаголом, уже произошло, инфинитив отличается от финитного глагола в модальном плане, поскольку передает лишь мысленное представление действия, осуществление которого остается открытым:

33. Они собрались *договорились* * Они собрались *договориться*

Информация о том, осуществилось ли данное действие действительно или нет, получается при инфинитиве не из самой конструкции, а из контекста ¹⁸. Даже там, где оба глагола относятся к плану будущего времени, вариант с инфинитивом не всегда равнозначен двойному глаголу. Так, если в случаях типа

34. Приди *познакомься!* = Приди *познакомиться!*

наблюдается полное совпадение обоих вариантов по смыслу, в

35. Ложись *спи!* * Ложись *спать!*

возможны различные прочтения: в отличие от варианта с инфинитивом, двойной глагол уместен даже в том случае, если ребенок уже лежит в постели¹⁹. При этом отметим, что двойной глагол здесь имеет дефективную парадигму, так как отсутствует прошедшее время, ср. **Дети легли спали*.

Таким образом, обе перифразы имеют свои "подвохи" и поэтому не годятся в качестве теста для различения выше описанных типов а) и б) двойных глаголов. Добавим, что как деепричастие, так и инфинитив синтаксически более свободны чем двойные глаголы обоих типов; в частности, они не подлежат валентностным ограничениям, ср

36а) Актер вышел из-за кулис на сцену читать стихи

б) *Актер вышел из-за кулис на сцену читал стихи

Вариант с двойным глаголом здесь не "работает" оттого, что актантная "нагрузка" первого компонента *вышел* слишком тяжела: имеется три замещенных позиции, что приводит непременно к распаду синтаксического единства конструкции в целом.

Тем не менее, существование обсуждаемых перифраз — деепричастного оборота и зависимого инфинитива — может оказаться полезным источником при моделировании двойных глаголов. Дело в том, что и деепричастие, и инфинитив в рассмотренной функции

являются синтаксически зависимыми членами: деепричастие чаще всего представляет собой сирконстант, а инфинитив - актант²⁰ главного предиката. Это наблюдение навело уже Гвоздева 1930: 57 на мысль, что в случае двойных глаголов имеется подобная зависимость, причем подчиняющим членом является первый (т.е. безударный) глагол, подчиненным же - второй (ударный). Так как синтаксическое моделирование двойных глаголов не входит в задачу данной статьи, удовлетворимся пока этими предварительными замечаниями.

Существенное различие между обсуждаемыми двумя типами наблюдается также в их лексическом составе. В литературе подчеркивается, что их первый (безударный) компонент подлжит строгим семантическим ограничениям (недаром в раб. Апресян 1986 он называется связанным членом, а второй компонент — свободным членом), причем различным в зависимости от типа. Нами до сих пор обнаружены следующие группы глаголов, выступающих в данной позиции:

тип а): глаголы, обозначающие пространственную позицию > глаголы движения > глаголы "волевого" восприятия (нпр. *слушать, смотреть*) > прочие

тип б): глаголы движения > глаголы, обозначающие изменения пространственной позиции (нпр. *сесть, лечь*) > *взять, валить* и т.п.

(Знак ">" интерпретируется здесь двояко, а именно в смысле большей/меньшей частотности и меньших / больших грамматических ограничений, о последних будет речь ниже) Факт, что в первом типе преобладают статальные²¹ глаголы вроде *сидеть, стоять, лежать*, во втором же — глаголы движения, по-видимому не без связи с временной характеристикой обоих типов: одновременность двух компонентов сочетается скорее с их длительностью, а временная последовательность — с их динамичностью.

Таким образом, вырисовывается основное различие между типами а) и б) тип а) лучше годится для оформления ситуации "фигура-фон"²² чем тип б), ибо он допускает контрастирование/противопоставление движимого и неподвижного элемента ситуации. Такой контраст действительно наблюдается во фразах типа *Они сидели болтали*. Тип б) в силу своей лексико-темпоральной характеристики не способен к передачи такой семантики

Данное противопоставление, однако, нуждается в оговорках. Так, нельзя отрицать, что описанный контраст и в случае а) отнюдь не обязателен ведь приводились уже примеры, где второй компонент

отличается таким же статальным характером, как и первый (ср примеры 25-28 с перфектным значением), и вдобавок легко найти примеры противоположного типа, где оба компонента имеют динамическое значение (достаточно привести пример с глаголом движения вроде *иду хохочу*). Кроме того следует констатировать, что даже в примерах контрастного типа сочетание "фигура — фон" не проявляется в чистом виде: препятствует этому требование полного временного совпадения обоих компонентов (в "идеальном" случае фигура отделяется от фона меньшей длительностью, поэтому особенно годятся к этой роли моментальные глаголы (ацциевементс, т.е. "достижения" Вендлера ²³).

Тем не менее не подлежит сомнению, что отношение "фигура-фон" куда менее характерно для двойных глаголов, относящихся к типу б). Им зато присуще другое свойство: их первый член тяготеет к значительной десемантизации. Об этом свидетельствует нпр. форма *поди*, превратившаяся уже почти полностью в частицу (ср выше, пр 23-24). Частичная утрата буквального прочтения наблюдается также в других формах глагола *пойти*, употребляемых в качестве первого члена двойного глагола.

Особо следует рассмотреть глаголы, которые лишь в императиве появляются в позиции первого члена двойного глагола. Сюда относятся *попробуй(те)*, *вали(те) / валяй(те)*, *давай(те)* и *смотри(те)*. Все они, как известно, служат показателями иллокуции: сходную функцию как *поди* (добавочный "маркер" побуждения к действию) выполняют *вали/валяй* и *давай* (ср. пр. 12), причем *давай* в отличие от *вали* может также оформлять высказывание, включающее говорящего, ср. *Давай выпьем!* Из-за несовпадения грамматического лица такие сочетания находятся на грани конструкции "двойной глагол". Отметим, что и здесь наблюдается перестановка компонентов, столь характерна для двойных глаголов, ср

37. *Пей давай! , Спи давай!*

Форма *смотри* в сочетании с императивом совершенного вида²⁴ (чаще всего с отрицанием) выражает предостережение. Добавим, что глагол *смотреть* довольно часто подвергается подобной десемантизации, ср чеш. *koukej* (в двойном глаголе: *koukej ne zlob!*), нем. *schau zu, daß...*, англ. *watch out*. Как и форма *давай*, *смотри* не допускает изменения вида *посмотри* или *дай* не являются маркерами той же иллокуции. Кроме того, *смотри* в данной функции нельзя заменить на синоним *гляди*. Все это свидетельствует о далеко продвинутой

лексикализации данных форм.

Все обсуждаемые показатели иллокуции, разумеется, встречаются также вне интересующей нас конструкции: они могут напр. быть просодически отделены от второго компонента, ср. следующие варианты:

38 *Давай, пей / Давай пей!*

39. *Смотри! Не свались! / Смотри, не свались! / Смотри не свались!*

Кроме того, *давай* и *валяй* могут вообще не сочетаться со вторым компонентом; происходит это в частности в репликах, выражающих позволение (*валяй!*) и согласие (*давай!*), где второй компонент уже задан предыдущей репликой (просьбой, предложением) собеседника.

Об отдалении указанных примеров от глаголов и их переходе к частицам свидетельствует факт, что они не допускают замену на сочинительную связь, ср. **Смотри и не проболтайся!*, **Давай и пей!*, **Поди и расскажи* ²⁵! Иначе обстоит дело с императивом *возьми*, который будет обсуждаться ниже, ср. *Возьми (и) прочти!*

В истории русского литературного языка можно найти больше таких случаев, где императив в составе двойного глагола служит маркером определенной иллокуции. Так, сюда же относится форма *изволь(те)*, выражающая вежливую просьбу, ср. *Извольте послушайте* и т.п., и, естественно, *пожалуй(те)*

40 *Господин атаман и вы все, молодцы товарищи, прошу вас, пожалуйста уволте меня одного на добычу, понеже я извык один разбивать и хочу вам прибыль принести.*

(История о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии флоренской земли, нач. XVIII в.)

41 *Пожалуйте обнажите вашу шпагу, и с притворным гнѣвом говорите добро плут, ты от меня нигде индѣ не скроешься и в другой раз не уйдешь.* (Курганов 1769: 265)

Вне императива глагол *пожаловать* сохраняет свое первично значение даже в составе двойного глагола, ср. следующий пример:

42 *А пожаловаль о тебѣ заступиль у государя и сдѣлаль то, што тебѣ къ Москвѣ быть, батька нашъ милосердай отецъ князь Юрье Алексѣевичь.* (Хованские: 301)

В современном языке особенно бросается в глаза десемантизация глагола *взять*, который в качестве первого члена двойного глагола выражает внезапное и/или неожиданное действие, ср.

43. *Взяли привезли* студентов из Риги. (Сиротинина 1974: 111)

44. *Возьми набей* ему морду!

В следующем примере, однако, представлено скорее первое, конкретное значение этого глагола:

45. Б и лекции и надо статьи *брать сравнивать*

А ну статьи-то это...это без меня

(Машинный фонд 219)

Интересно отметить недопустимость других примеров вроде

46. **Возьму пойду* в кино.

По-видимому, здесь оставляет свои следы сочетаемость глагола *взять*, который в принципе требует второй семантический актанта; в качестве такого выступает в пр. 45 *статьи*, в 43 — *студентов*, а в 44 — *морду* (в последних двух случаях, однако, в силу десемантизации глагола *взять* буквальное прочтение приводит к нежелаемым результатам, ср. полную версию **Возьми его морду и набей ему ее*). В случае примера 46 такой актанта отсутствует - отсюда, возможно, недопустимость этого примера²⁶. Отметим, что при употреблении союза *и* либо *да* (об этой конструкции будет речь ниже) этот запрет снимается, ср. *Возьму и пойду в кино*²⁷

Во всех приведенных примерах направление десемантизации одинаково: первый компонент двойного глагола типа б) подчеркивает акциональную семантику, приступ к действию. Сопоставим теперь с этим поведение типа а): здесь первый компонент почти никогда не утрачивает свое лексическое значение. Самым надежным кандидатом для десемантизации является, пожалуй, глагол *сидеть*, ср.

47. Вот в Боснии война идет, а Андреотти *сидит молчит*

Первый глагол здесь употреблен как будто гиперболически: данная фраза, разумеется, не значит, что Андреотти непрерывно находится в сидящем положении, но что он все время бездельно молчит. Таким образом, первый компонент усиливает ощущение отсутствия изменения, длительность данного состояния. Интересно, что даже глагол движения может создать подобный эффект:

48. Бабы у нас всегда *ходят ворчат* — на то они и бабы.

Первый глагол здесь скорее подчеркивает постоянную (ср. *всегда*) склонность к действию, описываемому вторым глаголом; по классификации Вендлера этот последний относится к "specific states".

Особо следует отметить существование подгруппы типа а), где второй член служит лишь интенсификатором первого члена. Имеется в виду примеры вроде

49. Он <i>хохочет-заливается</i> .	(РГ 80 II: 240)
50. Телефон <i>звонит-надрывается</i> .	"
51. Бегемот на меня <i>глядит-уставился</i> .	"
52. Они нас <i>били не жалели</i> .	"
53. Мальчишка <i>учится не ленится</i> .	

Приведенные примеры в известной степени фразеологизированы, о чем свидетельствует нпр. недопустимость отрицания второго члена, ср. **звонит не надрывается*, **учится ленится*, **хохочет не заливаются*, **били жалели*, а также — соответствующих сочинительных сочетаний, ср. **телефон звонит и надрывается*, **Они нас били и не жалели*. Они несомненно укладываются в рамки Лексической функции Magn, предлагаемой авторами Толково-комбинаторного Словаря: в качестве аргумента этой функции выступает первый член, а второй член является его значением²⁸. Но есть и случаи, где элемент усиления менее очевиден, ср. *живут не ссорятся*, *ешьте не беспокойтесь* или *бежит не оглядывается*; второй член здесь скорее указывает на отсутствие помехи для действия, названного первым членом (об этом см. ниже, пр. 55-57).

Подгруппа со смыслом Magn примечательна в двойном отношении. Во-первых, в отличие от обычной картины, наблюдаемой у двойных глаголов, связанным членом конструкции является здесь второй (ударный) компонент, а свободным членом — первый, поскольку в позиции последнего годятся не только глаголы вроде *сидеть*, *лежать* и глаголы движения, но любой глагол, обозначающий деятельность ("activity" по Вендлеру) (с другой стороны, вся подгруппа в целом лексически ограничена из-за малой продуктивности выражений Magn, оформляемых посредством двойного глагола). Во-вторых, с подобными интенсификаторами мы уже имели дело в примерах 47 и 48, где *сидеть* и *ходить* указывали на длительность и непрерывность состояния; там, однако, интенсификатор находился в

позиции первого члена, здесь он выступает вторым

Некоторые примеры из моего корпуса производят впечатление, что в качестве особой подгруппы типа а) следует также рассматривать случаи, в которых второй член как будто перифразирует первый, ср.

54. но у него были такие нелепые представления о многом, я долго с ним бился, ходил к нему бывало, благо мне было по дороге, и всячески ему *объяснял рассказывал*, он в этой книжке вот потом пишет, что и кому он благодарен, в том числе и мне высказывает благодарность,

(Машинный фонд)

По всей видимости, и здесь сняты те лексические ограничения, которые обычно накладываются на первый член двойного глагола типа а). Данная ситуация напоминает выше приведенный тип в), ср. примеры вроде *наточить-наострить, разрядись-уберись*; в отличие от этих примеров, однако, в примере 54 отсутствует фольклорная окраска. Возникает вопрос, не являются ли такие случаи скорее спонтанными отклонениями от наблюдаемой в подавляющем большинстве случаев нормы.

Выше уже не раз обращалось внимание на отдельные параллельные факты из других языков. Существует ли, однако, где-нибудь точное соответствие нашей конструкции в целом? Как кажется, в утцацтекских языках представлено явление, весьма похожее на русские двойные глаголы, внутри которого также различаются два типа, сходные с выделенными здесь типами а) и б). Процитируем по этому поводу из раб. Црапо 1970: 182 ²⁹ следующий отрывок: "...secondary verbs may, in addition to their function as independent, primary verbs, be used optionally as suffixes to any other primary verb, in which capacity they indicate aspectual-like or adverbial-like meanings. Generally, secondary verbs seem to consist of intransitive suppletive verbs which express either motion of the subject in space (change of geographic location) or activity which implies duration of an event without spatial motion (change of temporal location)". Нетрудно обнаружить в последней фразе типичные первые члены выделенных нами типов б) и а). Мало того: в качестве таких вторичных глаголов встречаются нпр соответствия англ *come, go* (первая группа), *sit* и *lie* (вторая группа). Эти глаголы, разумеется, функционируют и в европейских языках в роли грамматических "маркеров" подобных видовых или темпоральных значений (хотя и не в составе двойных глаголов): так, в испанском и итальянском языках глагол с первичным значением *стоять* входит в конструкцию, выражающую

актуально-длительное значение несовершенного вида (ср. ит. *sto parlando*, исп. *estoy hablando*), во французском и английском языках глагол *идти* оформляет новые формы будущего времени (ср. *je vais déménager*, *I am going to move*) и т.п. Добавим, что эти же самые глаголы даже в креольских языках появляются в подобных функциях: в гаваянском креольском нпр. элемент *stay* указывает на длительность, повторяемость или узуальность данного действия, а *go(n)* оформляет будущее время и условное или повелительное наклонения.

Примеры эти можно умножить, но на мой взгляд приведенный материал уже убедительно говорит о том, что описанная десемантизация глаголов *пойти* или *сидеть*³⁰ в составе русских двойных глаголов отнюдь не происходит случайным образом. Более специфический характер носит, однако, десемантизация *взять* и *давай* (отметим, что эти глаголы соотносятся друг с другом как конверсивы!); первый вне восточнославянского ареала выступает еще в польском языке, а второй калькирует подобное употребление в татарском языке. Как бы то ни было, значение этих глаголов достаточно емкое, чтобы способствовать их преобразованию в показатели более общих грамматических либо прагматических значений.

Пора подвести итоги этого раздела. Выделенные на основе критерия временной соотношенности компонентов два типа а) и б) отличаются в первую очередь своим лексическим составом: ограниченным (несвободным) членом является в обоих случаях первый (безударный) глагол. В частности, в обоих типах в этой позиции могут выступать глаголы движения, но у типа б) они преобладают, между тем как у типа а) они уступают первое место глаголам *сидеть*, *лежать* и *стоять*, описывающим пространственную позицию деятеля. Кроме того, различная темпоральная характеристика типов а) и б) влечет за собой различные аспектуальные последствия (ограничения сочетаемости видов или, точнее, видовых значений первого и второго компонента). Наконец, неодинаковые для обоих типов лексические ограничения в свою очередь приводят к различной склонности к десемантизации первого компонента: в конструкциях типа б) она высока, поскольку первый член здесь обозначает предварительный шаг к осуществлению действия, выражаемого вторым членом, и поэтому легко превращается в глагол или даже частицу с более общим значением побуждения к действию. Между тем, первый член в рамках конструкций типа а) куда реже утрачивает свою первичную семантику, а тогда он лишь подчеркивает статальный характер сообщаемого положения дел. В других случаях типа а)

первый компонент как будто составляет фон, перед которым выделяется второй компонент как фигура, но из-за полного временного совпадения обоих действий этот контраст не проявляется с максимальной четкостью. Еще в других примерах типа б) второй компонент служит лишь интенсификатором первого.

Весьма слабым критерием оказалось, с другой стороны, существование различных перифраз в кодифицированном языке (замена второго члена на деепричастие несов. вида для типа а), на инфинитив сов. вида для типа б): оказывается, что такая замена в обоих направлениях подлежит довольно жестким ограничениям и часто меняет значение всего глагольного комплекса.

3. Общие признаки обоих типов

В ходе предыдущих соображений обнаружилось, что как тип а), так и тип б) обладают кроме тех признаков, о которых вспоминалось уже в определении, еще одним общим свойством: их первый (безударный) компонент должен быть агентивным, т.е. обозначать *контролируемую*, целенаправленную деятельность. По классификации Вендлера это имплицитно означает, что данный глагол никогда не относится к генериц статус, а в зависимости от типа к activities (а), accomplishments (а или б) или achievements (б).

Но этим набор общих признаков не ограничивается. Интересно отметить, что приводимые в литературе примеры двойных глаголов чаще всего цитируются в форме *императива*, реже *1 л. наст* или *буд вр.*, а еще реже — в одной из прочих форм парадигмы. По-видимому, это происходит не случайно. Хотя общий объем нашего собственного корпуса пока не позволяет сделать каких-либо выводов о частотности отдельных форм, преобладание императива несомненно. Кроме того, выше уже было отмечено, что некоторые глаголы выступают в составе двойных глаголов типа б) исключительно в императиве напомним, что это касается, в частности, десемантизированных примеров вроде *смотри, вали, поди, давай* или фразему *ложись спи*. В других случаях такая десемантизация наблюдается и в прочих формах, но императив и *1 л. наст./буд вр.* ведут себя в этом отношении более свободно; таков случай *взять*, ср. приведенный выше пример 44 и его варианты:

44. а) *Возьми набей* ему морду
 б) *Возьму набью* ему морду но
 в) ??*Взяли набили* ему морду

По-видимому, такое же ограничение действует и у одной подгруппы типа а). Свидетельство тому — следующая группа примеров:

55. *Ешьте не беспокойтесь / сама готовила / все свежее.*
(Земская 1987: 145)
56. *Читайте не спешите / я не тороплю вас.* (там же)
57. *Не поленитесь прочитайте эту книгу!* (там же)

А вот их варианты:

- 55'. *Они едят не беспокоятся.
- 56'. *Она читала не спешила.
- 57'. *Она не поленилась прочла эту книгу
[но: ?Я не поленюсь прочту эту книгу] ³¹

Как видно, мы находимся на семантической периферии интересующей нас конструкции: безударный член здесь не является связанным, поскольку не относится ни к глаголам пространственной позиции, ни к глаголам движения, зато ограничен ударный член (указание на отсутствие помехи данной деятельности и тем самым на ее полное развертывание). Представляется весьма убедительным, что именно на этой периферии со всей четкостью проявляется иерархия допустимости, обсуждаемая выше:

императив > 1 л наст./буд вр > прочие формы

На самом деле можно продвинуться еще на один шаг дальше: граммема "первое лицо" входит сюда настолько, насколько мы имеем дело с волеизъявлением говорящего (ср. *пойду посмотрю* \cong *хочу пойти посмотреть*), что и соединяет эти формы с формами императива. Таким образом, наша иерархия приобретает сначала более общий вид:

волитивная модальность; прочие

Внутри волитивной модальности следует потом учесть приоритет императива. Подчеркнем еще раз, что по вышеизложенным наблюдениям данные иерархии характеризуют как тип а), так и тип б).

Ввиду того, что общим признаком двойных глаголов является агентивность первого компонента (т.е. контролируемость данного действия), предпочтение волеизъявительных высказываний, разумеется, весьма естественно. Но она подтверждается и фактами, относящимися к другим языкам. Дело в том, что в целом ряде европейских языков существует как будто зародыш двойных глаголов

Проявляется он, однако, лишь в императиве двух глаголов *идти* и *приходить*, ср.

англ.	go buy an ice cream!	*I'll go buy ...	Come play with me!
нем	Geh kauf dir ein Eis!	*Ich gehe kaufe mir...	Komm spiel mit mir!
польск.	Idź kup sobie loda!	Idę kupię sobie loda.	Chodź pobaw się ze mną!

Как видно из этих примеров, в английском и немецком языках в составе данной конструкции допускается лишь императив, в польском же "работает" (хотя не по мнению всех носителей) и 1.л.наст./буд.вр.; добавим, что все прочие глагольные формы ни в одном из этих языках не допустимы. Все это в полном согласии с предложенной выше иерархией. Кроме того, мы обнаруживаем в этих языках опять те глаголы, о десемантизации которых уже шла речь (*come* и *go*).

Наконец нам остается обсудить отношение двойных глаголов к сочинительным конструкциям. Выше уже отмечалось, что в одних случаях ограничения, накладываемые на двойной глагол, снимаются при переходе к сочинению, ср. *??возьму пойду в кино, но: возьму И пойду в кино*. С другой стороны, были также указаны примеры, где двойной глагол не допускает замену на сочинительное сочетание, ср. *смотри не проболтайся, но: *Смотри и не проболтайся, Он хохочет-заливается, но: *Он хохочет и заливается*. Несмотря на эти исключения останется верным утверждение, что сочинительная связь представляет собой самое близкое по смыслу соответствие двойного глагола. Мало того: можно усматривать в ней как будто предварительный этап, предшествующий возникновению этого последнего; таким образом объясняется также, почему сочинение подлжит меньшим ограничениям. Случаи же, где сочинительная перифраза уже не работает, следует осмыслить как последний этап процесса стягивания, когда первый член уже совсем утрачивает свой глагольный характер и превращается в частицу.

В чем тогда заключается смысловая нагрузка этого процесса, в чем двойной глагол отличается от сочинительного сочетания двух глаголов? Думается, что большая формальная слитность приводит к большему смысловому единству: обстановка, описываемая посредством двойного глагола типа а) и б) воспримается как одна цельная ситуация. Таким образом получается своеобразный иконический эффект; в частности, он не сравним с тем, что происходит у типа в) (нпр *пили-ели*) и подобных сложений типа двандва вроде

*хлеб-соль, брат-сестра*³², поскольку там имеется единство двух равноправных членов (ср. двойное ударение!), а здесь — ослабление одного члена.

Раз установлена эта ориентация на слитное восприятие, следовало бы сопоставить двойные глаголы с близкими конструкциями, которые тоже служат выражению одной цельной ситуации. Сюда относятся совсем разнородные явления, например: сложные предложения с союзом *причем* (ср. Weiss 1991 и 1993) и сочетания с постпозитивными деепричастными оборотами совершенного вида вроде *обсуждавшегося выше Он ее оскорбил, поцеловав ее* или несовершенного вида вроде *Он ходил прихрамывая*. Не стоит подчеркивать, что частные функции этих конструкций совсем различные: так, предложения с *причем* выделяют (уточняют, развертывают) один аспект, описанной в главном предложении ситуации, а деепричастия сов.в. называют тот факт, которому дается оценка в главном предложении. Выяснению "распределения труда" всех названных конструкций будет посвящена отдельная статья, поэтому мы ограничимся здесь одним предварительным замечанием: двойной глагол отличается от прочих названных конструкций тем, что не укладывается в рамки каких-либо априорных понятий, предложенных теоретиками логики действий для описания цельных ситуаций. В частности, это касается понятия левел-генератив, разработанного в раб. Голдман 1970, ключевым критерием для которого является смысл *тем, что либо и тем самым* (англ. *by*) — этот смысл как раз исключается в случае двойных глаголов, если не принимать в расчет такие сомнительные примеры как 14. Таким образом, отсутствует пока теоретический подход, который позволил бы точнее определить эффект смысловой цельности, создаваемый нашей конструкцией представляется, однако, более целесообразным поискать его в области психолингвистики чем философии языка, поскольку речь идет об апперцепционном "слиянии" отдельных событий.

В заключение хотелось бы хотя бы коротко затронуть один вопрос, который уже обсуждался в работе Weiss 1993: 292-294, а именно: оправданно ли усматривать в русских двойных глаголах зародыш глагольной сериализации? Думается, что да. В пользу этой интерпретации говорит нпр. десемантизация первого члена: в сериализации часто происходит грамматикализация одного глагольного члена, который таким образом приобретает функцию показателя вида, времени, наклонения и т.п. Но еще более существенно "одно-ситуативное" прочтение данной цепочки, столь часто наблюдаемое у

сериальных глаголов в южноазиатских или западноафриканских языках (см. указ. работу). Существование тройных глаголов (у типа б) также следует признать доводом в пользу начинающейся сериализации. Таким образом, двойные глаголы относятся к тем типологическим особенностям русского языка, которые его отдалают от общеевропейского стандарта и приближают к более восточному языковому ареалу. Выходит, что Наполеон был не прав: вместо его известного изречения *Grattez le russe, et vous trouverez le tartare*, следовало бы сказать: *Grattez le russe, et vous trouverez le chinois*.

Благодарности

Я искренне признателен И. А. Мельчуку, И. М. Богуславскому и А. А. Зализняк за языковые информации и критические замечания по поводу данной статьи.

¹ Сходные примеры приводятся в АГ 1980 ИИ: 240, ср. *Над тобой стоят смеются, Я им задачи прихожу объясняю*

² Данная интерпретация этого примера, предлагаемая Ширяевым, была отвергнута И Мельчуком и А А Зализняк: для них, данный пример относится к двойным глаголам (*поеду, чтобы кончить работу*).

³ Отметим, что тест с вставлением союза на этот раз подводит союз *и*, который только и годится для перифразирования данных примеров, как раз участвует в конструкциях, которые можно признать предварительным этапом двойных глаголов, подробнее об этом: Шведова 1960: 86-91 и настоящую статью, последний раздел

⁴ По предлагаемой в следующем разделе типологии этот пример следовало бы отнести к рубрике "глаголы-близнецы", содержащей такие пары как *попил-поел, разуть-раздеть* и т. п.

⁵ С другой стороны, она вполне совместима с деепричастиями совершенного вида, ср. "Я сделала глупость, *выпив* молоко."

⁶ Подробнее об этой "обломовщине" русской разговорной речи пишется в статье Weiss 1993, где она прослеживается на примере нулевых и эллиптических конструкций

⁷ В зависимости от интонации, это высказывание допускает две противоположных интерпретации: оно функционирует либо как приказание ("сиди молчи, а то накажу"), либо как запрет с угрозой ("Не сиди молчи, а то накажу")

⁸ Судя по территориальному распространению этого оборота в русских народных говорах, можно сделать вывод, что здесь отражается мерянский субстрат, ср. Ткаченко 1979: 1979 сл. и Журавлев 1982: 169 сл.

⁹ Иконический характер этих сочетаний очевиден: большей формальной цельности соответствует большая концептуальная близость данных двух конъюнктов. На материале других языков эта мысль прослеживается нпр. в раб. Haiman 1985: 117 сл., где сопоставляются пары типа *naive sentimental lover* ≠ *naive and sentimental lover*.

¹⁰ Более подробно о возможностях различного видового оформления одновременности и последовательности. Ср. Гловинская 1982: 22-25.

¹¹ Этот термин, видимо, принадлежит М. Гловинской, которая им обозначает случаи типа *Смотрит внимательно, что я делаю. Я иду к двери, открываю ее*. (Гловинская 1982: 22).

¹² Оба термина из раб. Апресян 1988: 68; имеются в виду цепочки действий, из которых по крайней мере первое уже относится к прошлому, но изображается как разворачивающееся перед глазами слушающего.

¹³ Ср. Вендлер 1971. О применении этой классификации к анализу русских видов см. Мелиг 1982 и 1986.

¹⁴ Этим отличается она от прочих лексем с тем же обозначающим, ср. *поди 2* - *вероятно* и *поди 3* - выражение удивления, которые оба полностью преобразовались в частицы.

¹⁵ Тип б): только при императиве и неактуально-длительных значениях настоящего времени.

¹⁶ Подробнее о таком употреблении деепричастий см. Богуславский 1977: 271 и Růžička 1980: 175 сл.

¹⁷ Возможно, что в более ранних периодах истории русского литературного языка дело обстоит иначе. Так, следующий пример из письма Е.Б. Куракиной Б.И. Куракину (1725 г.) содержит глагольное сочетание, которое представляет именно выше описанный смысл: "Прежде сего [...] данасила вамъ / о маеи беде катораю меня огъ пасетиль взять ать меня | миластиваю маю гсдрню бабушку а меня аставиль беднаю ". Ввиду очевидной общей недостаточной эрудиции автора не исключено, что она использовала форму *взала* из-за незнания деепричастия *взяв / возьмь*; с другой стороны, возможен также эллипсис местоимения *который*, ср. "богъ, каторый взять "

¹⁸ При отсутствии такого контекстуального показателя, возможно, возникает соответствующая конверсационная импликатура вроде "говорящий не сообщил бы о намерении действующего лица, если бы это действие потом не претворилось в жизнь".

¹⁹ Сообщение И. Мельчука.

²⁰ Нпр., как актант глагола *выйти* следует трактовать инфинитив *читать* в примере 35а) (ср. Апресян 1990: 86).

²¹ Строго говоря, статальность этих глагов весьма спорна; так, по классификации, лежащей в основе раб Булыгина 1982, *сидеть* или *лежать* действительно обозначают состояния, по известной классификации Вендлера 1971 же — деятельности (activities).

²² По поводу общих когнитивных свойств этой апперцепционной схемы и ее применимости в лингвистических описаниях см. Talmy 1978 и Hopper 1979; ее пригодность для описания функционирования русских видов обсуждается в целом ряде работ, нпр. Chvany 1985 и 1990.

²³ Ср иерархию выделенности (saliency hierarchy), предложенную в раб Chvany 1985: 219 сл.: achievements – accomplishments – activities – states.

²⁴ Если такой имеется. Сказанное, разумеется, не относится к имперфективу тантум, ср. *Смотри не будь душой!*

²⁵ В смысле: "Попробуй рассказать!"; как синоним *пойди, поди* сочетается с союзом *и*.

²⁶ В раб Гвоздев 1930: 55, однако, приводится следующее предложение: "Вот возьму поеду на базар, всего накуплю". Моими информантами он оценивается отрицательно или сомнительно

²⁷ Не безынтересно отметить, что подобное употребление глагола *взять* в украинском и польском языках подлежит меньшим ограничениям, ср. п. *Weź się zastanów* при р. "Возьми сообрази или укр. *визьму скажу*, (из нар. сказки) *взяли попродали овечки* при р. "возьму скажу, 'взяли продали овечек

²⁸ Интересно отметить, что подобная семантика лежит также в основе сочетаний с деепричастием типа *Льет весь день не переставая*, где нарушено условие, что контролером деепричастия должно быть подлежащее, по-видимому, интенсифицирующее значение способствует снятию обычных для данной конструкции грамматических ограничений. Подробнее о таких деепричастиях см. Weiss 1993, с

²⁹ Указанием на эту работу я обязан И Мельчуку

³⁰ Подробнее об этом Givón 1984, 291 сл. Обращает на себя внимание факт, что в отличие от упомянутых языков в русских примерах десемантизируется не *стоять*, а *сидеть*. Но и этот процесс не без параллели: так, в немецком языке у глагола *ситзен* представлено второе значение вроде "жить и работать", ср. *Der sitzt jetzt in Köln*

³¹ Одним информантом был предложен следующий, по его мнению вполне допустимый вариант *Я не поленюсь проверю по словарю*

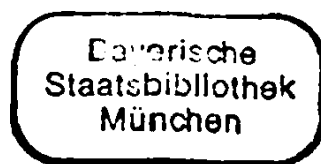
³² Подробнее о таких иконических эффектах см. Haiman 1985 117 сл

Литература

- Bisang, W. 1992: *Das Verb im Chinesischen, Hmong, Vietnamesischen, Thai und Khmer* (Vergleichende Grammatik im Rahmen der Verbserialisierung, der Grammatikalisierung und der Attraktorpositionen). Zürich.
- Chvany, C.V. 1985: 'Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text', *The Scope of Slavic Aspect* (ed. M.S.Flier and A.Timberlake), Columbus, Ohio; 247-271.
- Chvany, C.V. 1990: 'Verbal Aspect, discourse saliency, and the so-called "Perfect of result" in modern Russian', *Verbal Aspect in Discourse. Contributions to the Semantics of Time and Temporal Perspective in Slavic and Non-Slavic Languages* (ed. N.B.Thelin), Amsterdam; 213-235.
- Givón, T. 1990: *Syntax: a functional-typological introduction*, Vol. II, Amsterdam-Philadelphia.
- Goldman, A.I. 1970: *A theory of human action*.
- Haiman, J. 1985: *Natural Syntax. Iconicity and erosion*. Cambridge.
- Hopper, P. 1979: 'Aspect and Foregrounding in Discourse', *Discourse and Syntax* (Syntax and Semantics, vol. 12, ed. T. Givón) New York; 213-41.
- Lehmann, C. 1988: 'Towards a typology of clause linkage', *Clause Combining in Grammar and Discourse* (eds. J.Haiman, S.A.Thompson), Amsterdam-Philadelphia; 181-225.
- Lord, C. 1973: 'Serial Verbs in Transition', *Studies in African Linguistics* 4; 269-295.
- Richley, H.C. 1970: 'The Origins of Directional Adverbs in Uto-Aztecan Languages', *International Journal of American Linguistics* XXXVI/3.
- Shopen T. (ed.) 1985: *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: Complex Constructions. Cambridge.
- Talmy, L. 1978: 'Figure and Ground in Complex Sentences', *Universals of Human Language* (ed. J.H.Greenberg), Vol. 4: Syntax, Stanford; 625-649.
- Weiss, D. 1991: 'Russisch *причем* - eine Konnexion der dritten Art?' в: *Slavistische Linguistik 1990* (hrsg. K.Hartenstein, H.Jachnow), München: 301-326.
- Weiss, D. 1993: 'Союз *причем* в современном русском литературном языке - одна или две пропозиции?' в: *Colloque de linguistique russe: Relations intra/inter-prédicatives*, Lausanne, 20-22 juin 1991 (éd. P.Sériot), Cahiers de l'ILSL, 3; 277-310.

- Weiss, D. 1993: 'Russian converbs: a typological outline'. Proceedings of the Symposium on Converbs held at the Annual meeting of the DGfS in Aachen, February 1991 (eds. W.König, M.Haspelmath), to appear in 1993.
- Апресян, Ю.Д. 1986: 'Интегральное описание языка и толковый словарь'. *Вопросы языкознания* 2/1986, 57-70.
- Апресян, Ю.Д. 1990: 'Лексикографический портрет глагола *выйти*'. *Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка* (Сборник статей к 60-летию профессора В.А.Успенского; под ред В.В.Иванова) Москва; 70-95.
- Богуславский, И.М. 1977: 'О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность?'. *Известия АН СССР, серия литературы и языка* 36/1977: 270-282.
- Булыгина, Т.В.: 'К построению типологии предикатов в русском языке'. *Семантические типы предикатов* (отв. ред О.Н.Селиверстова): 7-86.
- Гвоздев, А. 1930: 'Согласование глагола с глаголом'. *Русский язык в советской школе*, 1930/2, 55-58.
- Журавлев, В.К. 1982: *Внешние и внутренние факторы языковой эволюции*, Москва
- Земская, Е.А. 1987. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения* Москва ²1987
- Красильникова, Е.В. 1970: 'Изучение морфологии разговорной речи как системы', *Русская разговорная речь*, Саратов; 119-125
- Лаптева, О.А. 1970: 'Общие устно-речевые синтаксические явления литературного языка и диалектов', *Русская разговорная речь*, Саратов: 135-138.
- Лаптева, О.А. 1976: *Русский разговорный синтаксис*, Москва.
- Русская грамматика* (гл. ред Н.Ю. Шведова), том II синтаксис. Москва 1980.
- Русская разговорная речь* (Отв. ред. Е.А.Земская), Москва 1973
- Собинникова, В.И. 1957: 'Словосочетания с двумя формами глагола, связанными по способу подчинения', *Труды Воронежского государственного университета*, т. 59, Воронеж 69-79.

- Ткаченко, О.В. 1979: *Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков*, Киев. *
- Шахматов, А.А. 1941: *Синтаксис русского языка*, Ленинград
- Шведова, Н.Ю. 1960: *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, Москва
- Ширяев, Е.А. 1986: *Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке*, Москва.

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

Луцина Геберт (Lucyna Gebert, Roma)

AMBIGUOUS ASPECT FORMS AND GROUNDING

0. It has been pointed out by a number of scholars that the category of aspect in languages plays a role on several levels of linguistic organization (see Hopper & Thompson 1980, Kučera 1985, Merrill 1985, Padučeva, Wallace 1982 just to mention some of them).

To begin with, it has become obvious, mainly due to Vendlerian classification, that aspect is concerned both with morphosyntax and with lexico-semantic features of verbs. Now, after many years of aspectological studies, the relationship between the grammatical aspect and the lexical value of the verb is quite well understood. Let us hope that it will rapidly become also a commonplace of didactic grammars and textbooks of Slavic languages, which up until now have ignored the findings of the last 20 years, and which continue to describe aspect by means of old, intuitive and non operational categories.

Studies over the past decade drew attention to the fact that aspect is concerned not only with morphosyntax and with the semantic value of the verb itself, but also with our "knowledge of the world" or experience, as well as with discourse organization and narrative function (cfr. Kučera 1983, 1985, Chvany 1985, 1989, Nichols 1985, Rappaport 1985, Wallace 1982, Merrill 1985 and others).

1. The purpose of this paper is to examine some cases of aspect use in Russian in which the choice of the aspectual form seems to be free. Specifically I would like to concentrate on those occurrences in which the perfective can be substituted by an imperfective without apparent relevant consequence on the meaning of the sentence. Such aspectual use is far from being an exception in Russian, as illustrated in the following examples:

- (1) Он уже читал «Войну и мир»
On uže čital "Vojnu i mir"
 he already read (IMPV) "War and Peace"
 'He has already read "War and Peace"'
- (2) Он уже прочитал «Войну и мир»
On uže pročital "Vojnu i mir"
 he already read (PERF) "War and Peace"
 'He has already read "War and Peace"'

- (3) Утром врач принимал больных
Utrom vrač prinimal bol'nych
 in-the-morning doctor received (IMPV) patients
 'In the morning the doctor received the patients'
- (4) Утром врач принял больных
Utrom vrač prinjal bol'nych
 in-the-morning doctor received (PERF) patients
 'In the morning the doctor received the patients'
- (5) Хорошо обедали в этом ресторане
Chorošo obedali v etom restorane
 well we-ate-lunch (IMPV) in this restaurant
 'We had a good lunch in this restaurant'
- (6) Хорошо пообедали в этом ресторане
Chorošo poobedali v etom restorane
 well we-ate-lunch (PERF) in this restaurant
 'We had a good lunch in this restaurant'

I will try to show that this virtually free aspect choice is not as free as suggested also in my preceding works (Antinucci & Gebert 1975/76, Gebert 1990, Gebert 1991) but can be influenced by discourse organization factors.

In order to do that I will first provide some necessary elements of the theory of aspect I have been working on, the initial version of which was elaborated together with F. Antinucci as long ago as 1975.

2. The basic assumption of this theory is that the aspectual value of the verb is determined by its meaning. Specifically, there is a difference in aspectual behaviour between stative verbs and verbs the meaning of which involves a change of some kind ¹. On the other hand, the semantic values of STATE and CHANGE are present in aspectual functions themselves. Namely, in the semantic representation of the verb, the perfective form is the result of assertion (illocutionary force) bearing on the semantic component of CHANGE with the relative END STATE, being the result of this change.

The definition of perfective as asserting the meaning of CHANGE leading to an establishment of an END STATE is very convenient. First of all it captures the common denominator between apparently contradictory uses of perfectives expressing accomplished events on the one hand (see 7-8) and those denoting the beginning of a STATE, on the other, such as (9-10):

- (7) Он уехал в деревню
On uechal v derevnju
 he left (PERF) for the country
- (8) Он уговорил меня поступить в университет
On ugovoril menja postupit' v universitet
 he convinced (PERF) me to enter the university
- (9) Он узнал об этом много времени тому назад
On uznal ob etom mnogo vremeni tomu nazad
 he came-to-know (PERF) about it a long time ago
- (10) Она полюбила его в прошлом году
Ona poljubila ego v prošlom godu
 she started-to-love (PERF) him last year

In all the examples (7-10), what is asserted is the meaning of **CHANGE of STATE**.

Another advantage of this definition is that it offers a possibility to account for such otherwise difficult to explain occurrences of imperfective aspect as the following, mentioned by Brecht 1985:28:

- (11) Ваня уже открывал окно
Vanja uže otkryval okno
 Vanja already opened (IMPV) window
 'Vanja has already opened the window'

as opposed to:

- (12) Ваня уже открыл окно
Vanja uže otkryl okno
 Vanja already opened (PERF) window
 'Vanja has already opened the window'

The above definition of the perfective predicts both (11) and (12). Namely, if the perfective can be used only when the scope of assertion is focalized on that portion of the verb meaning that refers to a **CHANGE of STATE**, (11) does not satisfy these conditions. In fact, in the event described in (11) which can be uttered only if the window is closed now, the **END STATE** cannot be under the scope of assertion since it does not exist any more, as it results from the situation. On the contrary, (12) asserts that the **STATE** resultant from an earlier situation has been realized; therefore it is focalized by the illocutionary force of the sentence, and the perfective can be used.

The function that the scope of assertion exercises on aspect is treated by Rappaport 1985 and recognized indirectly by other authors who use more intuitive terms when referring to the mechanism of illocutionary force. Brecht 1985 speaks about "speaker's attention" shifting to different semantic components of the situation. Townsend 1985 speaks also about "shifts of emphasis away from the result" (p.286) when commenting on the use of imperfective for accomplished events, such as in the following (13-14):

(13) Красиво украсили елку. Кто украшал?

Krasivo ukrali elku. Kto ukrašal?

nicely they-decorated (PERF) Christmas-tree. Who decorated (IMPV)?

'The Christmas tree has been decorated nicely. Who decorated it?'

(14) Я хорошо провел отпуск. Как вы проводили его?

Ja chorošo provel otpusk. Kak vy provodili ego?

I well I-spent (PERF) holidays. How you you-spent (IMPV) it?

'I spent my holidays well. How did you spend them?'

In these examples in which two different aspects refer to the same objective event, the imperfective is chosen when the focus of assertion does not bear on the verb.

3. The imperfective aspect in Slavic is even more problematic than its perfective counterpart. What a theory of aspect has to explain in this respect can be summarized by the following points:

- (1) The use of the imperfective for the progressive/durative and for iterative/habitual meanings;
- (2) The use of the imperfective for accomplished facts (see (1-3-5) above);
- (3) The relation between 1 and 2.

According to the description presented extensively in my preceding works, all the occurrences of the imperfective form of the verb express the meaning of STATE.

An overwhelming quantity of cross-linguistic material concerning the expression of progressive/durative meaning justifies fully assigning stative value to these occurrences of the imperfective; incidentally it also proves its universal character.

The meaning of state at a more abstract level also underlines the iterative/habitual use of aspect. A repetition, a series of events, can be seen as a collection of items of temporal nature that does not imply any change or development; it is an eminently static notion (see Kučera 1981,1983 in this respect). In my paper of 1990 I attempted to show that a number of the world's languages use overtly stative forms of expression both for the progressive/ durative and for the iterative value, whereas in Slavic and certain other languages these meanings are realized formally by the same imperfective form of the verb. Such formal correspondence

is due to the common stative meaning underlying these semantic values at a very abstract level (see Gebert 1990:118).

The imperfective then is a “natural” form for stative verbs; whereas our definition of the perfective aspect leads to the conclusion that perfective forms are “natural” for verbs realizing change-of-state ². That is why the imperfective is used to describe events accomplished in the past if they are of stative nature and do not denote any change-of-state:

(15) Я видела этого человека вчера

Ja videla etogo človeka včera

‘I saw (IMPV) that man yesterday’

(16) Мария слышала об этом в прошлом году

Maria slyšala ob etom v prošlom godu

‘M. heard (IMPV) about it last year’

4. Now, the category of iterativity can be applied also to the internal semantic composition of the verbs. In our model of aspect, inherently iterative verbs correspond to the Vendlerian class of activity verbs. They denote events that can be seen as internally structured, but cannot be considered as realizing either a state, or a change-of-state, since it is very difficult to define precisely an end-state denoted by verbs like those in (17):

(17) говорить (*govorit'*) ‘to speak’, стучать (*stučat'*) ‘to knock’, кричать (*kričat'*) ‘to shout’, работать (*rabotat'*) ‘to work’, гулять (*guljat'*) ‘to go for a walk’, играть (*igrat'*) ‘to play’, ходить (*chodit'*) ‘to walk’ and many others.

They can be seen as composed of a repetition of an elementary single event, that can be easily determined for some of them: крикнуть (*kriknut'*) for кричать, (*kričat'*), стукнуть (*stuknut'*) for стучать (*stučat'*), дронуть (*drognut'*) for дрожать (*drožat'*), сказать (*skazat'*) for говорить (*govorit'*) but not for those like работать (*rabotat'*) or играть (*igrat'*) and many others. It is interesting that evidence in favour of such analysis of activity verbs is also to be found in a number of languages that realize overtly the semantic value of repetition (cfr. Gebert 1990) by means of reduplication. Anyhow, the semantic analysis of verbs considered lexical iteratives, like the one of grammatical iteratives discussed above, can also easily be traced back to the value of state (see the discussion in Antinucci and Gebert 1975/1976, Gebert 1990,1991). This is the reason why these verbs, similarly to stative verbs, also use the imperfective as their “natural” form to express accomplished facts.

- (18) Вчера кто-то кричал на улице
Včera kto-to kričal na ulice
 Yesterday somebody shouted (IMPV) on the street
- (19) Я уже говорила с этим человеком
Ja uže govorila s etim čelovekom
 I have already spoken (IMPV) with this man
- (20) Утром он работал, а потом уснул
Utrom on rabotal a potom usnul
 In the morning he worked (IMPV) and then he fell-asleep (PERF)
- (21) Вчера она гуляла с детьми и всем это очень понравилось
Včera ona guljala s det'mi i vsem eto očen' ponravilos'
 Yesterday she took-a-walk(IMPV) with the children and everybody enjoyed (PERF) it.

5. Now, let us get back to the verbs with ambiguous aspectual behaviour, illustrated in (1-6), considered by Vendler as accomplishment verbs. In our model of aspect we assign them to a subclass of activities on the one hand and, on the other, to that of achievements, depending on their use. Namely, they differ from activity verbs because they lead to a result, although the process of change can last a long time; but exactly because of this, they differ also from achievements in which the change-of-state is punctual, momentous.

Syntactically such verbs can easily be used intransitively:

- (22) Утром он читал а потом уснул
Utrom on čital a potom usnul
 In the morning he read (IMPV) and then he fell (PERF) asleep
- (23) Вчера она пела и всем это очень понравилось
Včera ona pela i vsem eto očen' ponravilos'
 Yesterday she sang (IMPV) and everybody enjoyed (PERF) it

unlike other change-of-state verbs that are not acceptable in such use:

- (24) * Утром он открывал
Utrom on otkryval
 In the morning he opened (IMPV)
- (25) * Он всегда терял
On vsegda terjal
 He always lost (IMPV)

- (26) * Она иногда находила
Ona inogda nachodila
 She sometimes found (IMPV)

On the other hand, perfective forms of the ambiguous verbs must be used transitively exactly like the perfectives of achievement verbs illustrated in (24-26) that are not acceptable without an object. In fact, perfective counterparts of (22-23) are impossible:

- (22a) *Утром он прочитал и потом уснул
Utrom on pročitai a potom usnul
 In the morning he read (PERF) and then he fell (PERF) asleep

- (23a) *Вчера она спела и всем это очень понравилось
Včera ona spela i vsem eto očen' ponravilos'
 Yesterday she sang (PERF) and everybody enjoyed (PERF) it

Such forms can occur only with an object NP:

- (22b) Утром он прочитал статью а потом уснул
Utrom on pročitai stat'ju a potom usnul
 In the morning he read (PERF) a paper and then he fell (PERF) asleep

- (23b) Вчера она спела песню и всем это очень понравилось
Včera ona spela pesnju i vsem eto ocen' ponravilos'
 Yesterday she sang (PERF) a song and everybody enjoyed (PERF) it

(22b-23b) can be considered, in fact, as expressing the elementary, single acts of activities described in (22-23).

The ambiguous character of Vendlerian accomplishment verbs has been pointed out also by Karolak (1991:159): «Les verbes résultatifs...ont un caractère complexe, car ils sont des produits de la multiplication de deux concepts. Leur base est constituée par un concept perfectif qu'on fait dominer au cours de la dérivation par un concept imperfectif qui reste implicite dans la structure inhérente du verbe». It is the combination of these “perfective and imperfective concepts” that renders these verbs syntactically ambiguous, sometimes behaving like achievement, sometimes like activity ones. Because of this semantic ambiguity both aspects of these verbs can be used to denote accomplished facts:

- (27) Вчера я много гулял: потом читал/прочитал журналы, а потом уснул.
Včera ja mnogo guljal, potom čital/pročitai žurnaly a potom usnul
 Yesterday I walked (IMPV) a lot, then I read (IMPV/PERF) the newspapers and then I fell-asleep (PERF)

(28) Мы уже обедали/пообедали в этом ресторане
My uže obedali/poobedali v etom restorane
 We already had-lunch (IMPV/PERF) in this restaurant

(29) Он заказывал/заказал билеты по телефону
On zakazyval/zakazal bilety po telefonu
 He ordered (IMPV/PERF) tickets by phone

By using an imperfective in these sentences the verbs exhibit a behaviour proper to states and activities. As already mentioned, events such as читать (*čitat'*) 'to read', обедать (*obedat'*) 'to eat lunch', заказывать (*zakazyvat'*) 'to order' can be considered conceptually as a repetition of minimal, elementary acts that compose their meaning, even if intuitively similar interpretation, may raise some doubts. What is not immediately evident for these verbs is what these single elementary acts, so clear for кричать/крикнуть (*kričat'/kriknut'*) 'to shout', стучать/стукнуть (*stučat'/stuknut'*) 'to knock', etc. consist in, while it is not so for the activity of reading, writing or eating. In Antinucci and Gebert 1975, we tried to isolate such single elementary events by means of contrasting direct and indirect discourse contexts, which can be seen in (30-33):

(30) Петр прочитал, что завтра будет забастовка
Petr pročitai, čto zavtra budet zabastovka
 'Petr read (PERF) that there will be a strike tomorrow'

(31) Петр читал, что завтра будет забастовка
Petr čital, čto zavtra budet zabastovka
 'Petr read (IMPV) that there will be a strike tomorrow'

(32) *Петр читал: "завтра будет забастовка"
Petr čital: "zavtra budet zabastovka"
 'Petr read (IMPV): there will be a strike tomorrow'

(33) Петр прочитал: "завтра будет забастовка"
Petr pročitai: "zavtra budet zabastovka"
 'Petr read (PERF): "there will be a strike tomorrow"'

In (33) the sentence put between the quotation marks becomes a single act of reading in indirect speech, pushing the verb towards the accomplishment class behaviour; the imperfective in (32) is awkward, because achievement verbs require perfective aspect for accomplished facts. The imperfective is acceptable in (31) where читать (*čitat'*) functions as an activity verb, the event being seen as reading of a series of sentences, the global meaning of which is the conclusion: "there is a strike tomorrow".

Now, it is sometimes difficult to isolate such minimal acts for a number of “ambiguous” verbs, for conceptual reasons, but what seems to be common to all of them is that the imperfective form can be replaced by a perfective without any appreciable consequence on meaning, as already shown in (27-28) or as in the following examples ³:

(34) Этот дворец строил/построил знаменитый итальянский архитектор

Etot dvorec stroil/postroil znamenityj ital'anskij arhitektor

'A famous Italian architect built (IMPV/PERF) this palace'

(35) Здесь мы пили/выпили очень хорошее вино

Zdes' my pili/vypili očen' chorošee vino

'Here we drank (IMPV/PERF) a very good wine'

(36) Вчера я звонила/позвонила профессору

Včera ja zvonila/pozvonila professoru

'Yesterday I called (IMPV/PERF) the professor'

It is well known that this property of “free choice” constitutes the main difference between the group of ambiguous verbs and the rest of change-of-state verbs that correspond to Vendler’s achievement verbs. In fact, a substitution of the perfective with an imperfective for achievement verbs entails automatically a change of meaning. As we saw in (11-12), the imperfective in this class of verbs can be used also to express accomplished facts, besides having durative/progressive or iterative meaning. Nevertheless such occurrence is different from the one shown in the examples (11-12). The imperfective can be used there only if the assertion does not bear on the end-state (in this case, if we cannot assert: “the window is open”).

6. Now, the problem is whether it is legitimate to consider such uses of ambiguous verbs like the ones illustrated in (27-29, 34-36) as examples of a really free choice.

In my paper of 1991 I attempted to treat an analogous problem applied to what Kučera calls “atelic perfectives” ⁴, and their imperfective counterparts, such as the following:

(37) Он сидел/просидел там час.

On sidel/prosidel tam čas

'He sat (IMPV/PERF) there for an hour'

(38) Он лежал/пролежал три недели в больнице

On ležal/proležal 3 nedeli v bol'nice

He lay-down (IMPV/PERF) 3 weeks in the hospital

'He spent 3 weeks in the hospital'

- (39) Она жила/прожила всю жизнь в Америке
Ona žila/prožila vsju žizn' v Amerike
 'She lived (IMPV/PERF) all (her) life in America'

I consider these forms as false perfectives not only because they can be substituted by the imperfectives without any appreciable difference in meaning, but also because they do not satisfy a test for perfectiveness. This consists of an impossibility for perfectives to occur with temporal adverbial phrases such as: *čas, 3 nedeli, vsju žizn'*. These adverbial phrases in fact express the duration of a state, whereas in the sentences with 'real' perfectives the duration of a change-of-state can be denoted only by means of *za* or *v* prepositions + time expression:

- (40) Он прошел эту дорогу за/в 3 дня
On prošel etu dorogu za/v 3 dnja
 'He walked (PERF) this road in 3 days'

- (41) *Он прошел эту дорогу 3 дня
On prošel etu dorogu 3 dnja
 'He walked (PERF) this road for 3 days'

- (42) Он полюбил ее за 5 минут
On poljubil ee za 5 minut
 He liked (PERF) her in 5 minutes
 'He came-to-like her in 5 minutes'

- (42) * Он любил ее за 5 минут
On ljubil ee za 5 minut
 'He liked (IMPV) her in 5 minutes'

- (44) * Он полюбил ее 5 минут
On poljubil ee 5 minut
 'He liked (PERF) her for 5 minutes'

In (37-39), the adverbial phrases denoting duration of a change of state are not acceptable, unlike in all other sentences with perfectives:

- (37) * Он сидел/просидел там за час
On sidel/prosidel tam za čas
 'He sat (IMPV)/(PERF) there in an hour'
- (38) * Он лежал/пролежал за 3 недели в больнице
On ležal/proležal za 3 nedeli v bol'nice
 He lay-down (IMPV/PERF) in 3 weeks in the hospital

(39a) *Она жила/прожила за всю жизнь в Америке

Ona žila/prožila za vsju žizn' v Amerike

'She lived (IMPV/PERF) in all (her) life in America'

which shows that the perfective forms of these verbs lack what is the essential meaning of a perfective: a change of state. Therefore they are not 'real perfectives', i.e., they do not refer to any change-of-state; their perfective forms express only limited duration, the expression of which is repeated by the temporal adverbial phrases in these sentences. Thus the aspectual forms of the verbs in (37-39) are perfectly interchangeable without any consequence for the meaning of the sentence.

It is interesting that the same problem of 'false perfectives' refers not only to the group of stative verbs mentioned in (37-39), but also to activities and to their ambiguous subgroup. Namely, verbs such as читать - (*čital'*) 'to read', обедать - (*obedat'*) 'to eat-lunch', рисовать - (*risovat'*) 'to draw', писать - (*pisat'*) 'to write', говорить - (*govorit'*) 'to speak', etc., besides having their regular perfective counterparts like other change-of-state verbs, exhibit perfective forms with the prefix *po-* – having a durative meaning as in the following examples:

(45) Он почитал/читал полчаса а потом уснул

On počital/čital polčasa a potom usnul

'he read-a-little (PERF)/read(IMPV) for half an hour and then fell asleep'

(46) Ребенок порисовал/рисовал 5 минут

Rebenok porisoval/risoval 5 minut

'The child drew-a-little (PERF) /drew(IMPV) for 5 minutes'

(47) Она пописала/писала несколько времени, но очень быстро устала

Ona popisala/pisala neskol'ko vremeni, no očen' bystro ustala.

'She wrote-a-little(PERF)/wrote(IMPV) for some time, but she got tired very soon'

(48) Дедушка поговорил/говорил немножко а потом ушел

Deduška pogovoril/govoril nemnožko a potom ušel

'Grandfather talked-a-little(PERF) /talked(IMPV) a little and then left'

These examples show that the syntactic behaviour of this subgroup of activity verbs corresponds to the one observed in stative verbs illustrated by (37-39) and (37a-39a).

Recent works on aspect in discourse by C.Chvany 1985, 1990, P. Merrill 1985 and other scholars show that this virtually free choice of aspect forms shouldn't be

considered as completely arbitrary. It is determined, in fact, by the role that a given sentence plays in a larger context and not by the event semantics alone.

In the light of works by these and other scholars (Hopper 1979, Wallace 1985) it seems that the examples of interchangeability of the two aspects can be accounted for by the phenomenon of grounding, concerning discourse structure. We can talk about grounding when we compare discourse organization with a system of visual symbols such as figure and ground, forms of perceptual organization referred to by Gestalt psychologists (see Wallace 1982). The speaker uses such categories to structure a discourse into more or less salient portions, differentiating linguistic figure from linguistic ground⁵.

Although grounding is a phenomenon concerning discourse structure, it is encoded at the sentence level. Hopper and Thompson 1980 show that judgements of grounding are correlated with a clustering of grammatical features, one of which is verbal aspect (see also Thelin 1990, Chvany 1990). The choice of such features depends on the prominence of a given sentence in discourse. C. Chvany proposes a typology of situations (I use the term: events) organized in a scale according to their relative saliency in discourse.⁶ The scale is the following, organized in order of descending saliency:

- (49) accomplishment
 achievement
 activity
 habit/iteration
 state

Hopper and Thomson 1980 claimed that in languages grammaticalizing aspect, foreground is expressed by the perfective and background by the imperfective. However, C. Chvany 1985, 1990 showed that such a claim is too strong and that it is more appropriate to talk about a tendency rather than a rule in this respect.

Since grounding is a phenomenon concerning discourse structure, the choice of an appropriate aspectual form—when it is not imposed by objective facts—is determined by a larger context and by the speaker's intentions in context realization. In addition to aspect, other possible factors determining grounding are: the characteristics of participants, such as person, number, humanness, definiteness, and the like-categories such as individuation, discussed extensively in Chvany 1990, Wallace 1982, Hopper and Thompson 1980. Consequences of these factors can be illustrated briefly by the following examples:

- (50) Утром врач принимал/принял больных
Utrom vrač prinimal/prinjal bol'nych
 'In the morning the doctor received (IMPV)/(PERF) patients'

(51) Утром врач принимал/принял больного

Utrom vrač ?prinimal/prinjal bol'nogo

'In the morning the doctor received? (IMPV)/(PERF) a patient'

It is more probable to have the imperfective form in the sentence with the plural object NP which is lower in discourse saliency than a singular NP, due to the individuation hierarchy, formulated by Timberlake 1975 (see Chvany 1989). For this reason (50) is more easily backgrounded, but the speaker can take a decision to foreground it by using the perfective. On the contrary, the example (51) with a singular object NP qualifies itself to the foreground: that is why the imperfective is less acceptable here in the accomplished fact meaning. Generally speaking, stative situations (states, activities and habits) are good candidates for expressing backgrounding, descriptions, whereas change-of-state ones (achievements and accomplishments) for foregrounding, i.e., the main plot. The reason why the imperfective tends to be used in the description is due to its stative nature in all its uses. According to the theory of aspect I have presented here, the imperfective realizes the state, whereas the perfective expresses the assertion of a change of state.

The hypothesis concerning the choice of aspectual forms in ambiguous verbs formulated in this paper needs to be confirmed by an extended text analysis. But this is a program for future work.

¹ Guentcheva and Desclès who distinguish static and dynamic situations seem to share such binary vision.

² The principle according to which the change-of-state is naturally coded with perfective-type aspect category and states (activity verbs included—see further) with an imperfective-type aspect category, have been independently discovered a number of times (cfr. Nichols 1985:111 in this respect).

³ This phenomenon was pointed out by Kučera: "In most such cases the imperfective is optional and could be replaced, albeit with a different nuance by a perfective" (1983:181). Also Merrill 1985 observes that "There are nevertheless cases in which either aspect can be used. The choice is not without stylistic consequences however".

⁴ Thelin considers such verbs as having the function of "defining externally the duration of non-terminative = atelic events..." (1990:12).

⁵ It has been discussed by Hopper and Thompson 1980, Givón 1984, Chvany 1985, Wallace 1982 and many others.

⁶ Chvany (1990:219) refers in it to Aristotle, Vendler, Kučera, Brecht.

References

- Antinucci, Francesco and Gebert Lucyna 1975-76: "L'aspetto verbale in polacco". *Ricerche Slavistiche* 22-23 (1975-76):5-60
- Antinucci, Francesco and Gebert Lucyna 1977: "Semantyka aspektu czasownikowego". *Studia Gramatyczne I*: 7-44
- Brecht, Richard D. 1985: "The Form and Function of Aspect in Russian", Flier Michael and Brecht Richard D. (eds): 9-34
- Chvany, Catherine 1985: "Backgrounded Perfectives and Plot-Line Imperfectives: Towards a Theory of Grounding in Text", Flier, Michael S. and Timberlake Alan (eds): 247-273.
- Chvany, Catherine 1990: "Verbal Aspect, Discourse saliency and the so called "Perfect of Result" in Modern Russian", Thelin, Nils (ed): 213-235.
- Desclès, Jean-Paul and Guentchéva Zlatka 1990: "Discourse Analysis of Aorist and Imperfect in Bulgarian and French", Thelin, Nils (ed): 237-261.
- Flier, Michael S. and Timberlake Alan (eds) 1985: *The Scope of Slavic Aspect*, Columbus, Ohio, Slavica.
- Flier, Michael S. and Brecht, R.D. (eds.) 1985: *Issues in Russian Morphosyntax*, Columbus, Ohio, Slavica.
- Gebert, Lucyna 1990: *Aspect Again*, "Equivalences", Bruxelles: 107-124.
- Gebert, Lucyna 1991: "Il Sintagma Verbale", Fici Giusti, Francesca, Gebert Lucyna, Signorini Simonetta: *La lingua russa: storia, struttura, tipologia*, Roma, La Nuova Italia Scientifica: 237-292.
- Givòn, Talmy 1984: *Syntax: a Functional-Typological Introduction*: Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins.
- Hopper, Paul J.: "Aspect and Foregrounding in Discourse", (Givòn, Talmy ed.) *Discourse and Syntax, Syntax and Semantics* 12, New York, Academic Press: 213-241.
- Hopper, Paul and Thompson Sandra 1980: "Transitivity in Grammar and Discourse", *Language* 56: 251-299
- Hopper, Paul (ed) 1982: *Tense-Aspect: between semantics and pragmatics*, Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins,
- Karolak, Stanislaw 1991: "Sur la structure sémantique des constructions factitives synthétiques et analytiques" in Harro Stammerjohann (ed), *Analyse et synthèse dans les langues romanes et slaves*, Tübingen, Gunter Narr Verlag: 185-192.

- Kučera, Henry, 1981: "Aspect, Markedness, and t°", in: Tedeschi, Philip and Zaenen Annie, (eds), *Syntax and Semantics. Tense and Aspect*, New York, Academic Press: 117-189.
- Kučera, Henry, 1983: "A Semantic Model of Verbal Aspect", (Flier Michael ed.), *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*, vol. I. Linguistics, Columbus, Ohio, Slavica: 171-184.
- Kučera, Henry 1985: "Aspect in Negative Imperatives", (Flier Michael and Timberlake Alan eds.): 118-128.
- Merrill, Peter 1985: "Aspect as Evaluation: The Case of Negation ", (Flier Michael S. and Timberlake Alan eds.): 119-152.
- Nichols, Johanna 1985: "Aspect and Inversion in Russian", (Flier Michael S. and Timberlake Alan eds.): 94-117.
- Padučeva, Elena V. 1989: "Contribution à la quête d'un invariant dans la signification de l'aspect verbal russe", in: *Études de Linguistique à partir du domaine russe*, Poitiers, La Licorne: 171-186.
- Rappaport, Gilbert 1985: "Aspect and Modality in Contexts of Negation", (Flier Michael S. and Timberlake Alan eds.): 194-223.
- Thelin, Nils B. 1990: "Verbal Aspect in Discourse: On the State of Art", (Thelin Nils B. ed.), *Verbal aspect in Discourse*, Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins: 3-88.
- Timberlake, Alan 1975: "Hierarchies in the Genetive of Negation", *Slavic and East European Journal*, 19, 1975: 123-138.
- Townsend, Charles E. 1985: "Can aspect stand prosperity?", in Flier Michael S. and Timberlake Alan (eds): 286-295.
- Vendler, Zeno 1967: *Linguistics in Philosophy*, Ithaca, Cornell University Press.
- Wallace, Stephen 1982: "Figure and Ground: The Interrelationships of Linguistic Categories", (Hopper Paul ed.): 201-223.

Франтишек Данеш (F. Daneš, Praha)

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОПОЗИЦИИ

1.1. Термин *актуализация* (*актуализировать, актуализированный*) - как и много других терминов - не однозначен, и с другой стороны вместо него или рядом с ним используются и другие названия, напр. *предикативность* или *коммуникативность*. Тем более необходимо уяснить, что за термином *актуализация* кроется. Однако сначала я хочу обратить внимание на то, что с точки зрения лингвистики текста или дискурса каждое предложение «актуализировано», то есть существует в виде высказывания в конкретном коммуникативном акте. И в силу того, что дискурс представляет собой первичную языковую данность, исходный пункт и предмет лингвистического исследования, следовало бы размышлять скорее в терминах *деактуализации* дискурса и его высказываний, обдумывать процесс, при помощи которого мы доходим до феноменов, называемых пропозициями и предикатами.

Я не изучал подробно происхождение и развитие термина *актуализация* в лингвистике; хочется только отметить, что данный термин встречаем главным образом у некоторых славистов и что он распространился очевидно благодаря Карцевскому, и источник его вдохновения вероятно французский Карцевский в своей книге “*Système du verbe russe*” (1927:36) обозначает термином *актуализация* «введение какой-нибудь единицы концептуальной в прямое отношение к какой-то единице непосредственно присутствующей в действительности». Позже (1931:190) уточняет, что имеет в виду «приспособление (адаптацию) виртуальных ценностей (потенциальных значений) языковых знаков к конкретному случаю, к данной действительности, в речевом акте».

Такая трактовка актуализации связана у некоторых авторов (например у Арутюновой 1976) с трактовкой коммуникативной, по существу исходящей из точки зрения актуального членения (пусть это в смысле тематическом, или контекстуальном). Кроме того, из общей концепции Арутюновой вытекает, что «механизм актуализации» является средством, которое из так называемой пропозитивной номинации образует предложение выполняющее роль высказывания или сообщения

Таким образом мы обнаружили, что термин *актуализация* используется в лингвистике по меньшей мере в тройном смысле:

- во-первых, отнесение пропозиции, выраженной предложением, к какому-нибудь фрагменту действительности,
- во-вторых, механизм, при помощи которого номинация преобразуется в высказывание,
- в третьих, актуальное членение высказывания (в котором отображается включение высказывания в актуальную ситуацию).

Если глубже задуматься над предполагаемым процессом отнесения пропозиции к действительности, то обнаружим, что между пропозитивной номинацией (с одной стороны) и конкретным актом высказывания или высказыванием-событием, то есть отнесением к действительности, с другой стороны, обрисовывается определенный межуровень, который можно было бы назвать уровнем обобщенного и потенциального высказывания.

О чем идет речь? Допустим например высказывание «Вчера вечером взорвался в соседнем доме газ». Данное языковое выражение, конечно, не имеет характер неактуализированной пропозитивной номинации. Наоборот, оно имеет характер высказывания, то есть пропозиции актуализированной в форме предложения, которая, сверх того, содержит целый ряд так называемых «актуализаторов». Однако, нельзя утверждать, что тут произошло отнесение к какому-то определенному событию выражения «вчера вечером» и «соседний дом» хотя и обладают своим сигнификативным значением и референциальным потенциалом, не имеют конкретной референции - именно потому, что тут отсутствует конкретный говорящий в конкретной речевой обстановке, иначе говоря, тут не выполнено требование «his, ego, nunc». Поэтому и нельзя обсуждать правдивость этих высказываний. То же самое касается, например, высказывания «Наши вчера выиграла», которое может быть или правдивым, если оно произнесено говорящим А в день Д, или неправдивым, если оно произнесено говорящим Б в тот же день, или же говорящим А или Б в другой день. Однако, с точки зрения дискурса, обобщенные потенциальные, «ни к чему не отнесенные» высказывания имеют характер лингвистического конструкта, который, конечно, имеет свою неоспоримую эвристическую ценность.

1.2 Главным, или же единственным актуализатором пропозиции часто считается финитный глагол в роли предиката, точнее его актуализационные категории - модальность, темпоральность и

персональность. Бондарко (1979: 135) добавляет к этим категориям еще актуальность (или же локализованность) действия, а Гржегоржикова (1979) - квантификацию, которая, однако, с финитным глаголом прямо не связана. (Интересно, что Карцевский 1927, во главе об актуализации, в качестве примера приводит как раз квантификативные отношения).

Таким образом, сказывается, что актуализация - это не только дело предиката, как кстати заметил уже Карцевский (1931: 190). По Карцевскому, хотя и предикация является важным шагом в направлении отнесения события к говорящему, она все-таки является только подготовительным шагом на пути к действительной встрече языкового знака с действительностью; настоящим проявлением и одновременно средством этой встречи является интонация.

1.3. Попробуем рассмотреть дело актуализации на более общем фоне. В проекте концепции чешской грамматики и позже в академической Грамматике чешского языка (третий том, 1987) мы исходим из того, что в семантическом значении высказывания следует различать два больших компонента: когнитивный и прагматико-коммуникативный. Основу когнитивного компонента представляет пропозиция, ядро которой образовано предикато-аргументной структурой, то есть интенциональным полем предиката. Данная структура обыкновенно модифицирована другими когнитивными элементами: полярностью положительности и отрицательности, волитивной модальностью (необходимость, возможность, намерение) и она обыкновенно разным способом иерархизирована. - Что касается компонента прагматико-коммуникативного, в нем можно различить несколько частей, а именно:

Во-первых - отнесение пропозиции к отерзку действительности, о котором идет речь; здесь затрагивается прежде всего лексикон; по мнению Балли (1926: 76) актуализация лексикального знака состоит в указании на то, которая часть семантического объема слова имеется в виду. С тем связана и спецификация предметов речи со стороны экстенциальной, то есть с точки зрения количества и идентификации денотатов (речь идет о квантификации и идентификации, в общем о делимитации)

Во-вторых, можно выделить с одной стороны отнесение пропозиции к речевой ситуации, то есть к участникам речевого акта, его месту и времени, с другой стороны отношение говорящего к сообщаемому содержанию и к адресату. В эту вторую часть входит широкая и

важная область коммуникативных функций высказывания (так наз. «иллокутивные силы»), а далее субъективно-модальные отношения говорящего к сообщаемому событию (достоверность, оценочность), и отношения и состояния эмоциональные.

Во-третьих, сюда - в компонент прагматико-коммуникативный - можно включить актуальное членение. Однако, в силу узких связей данного членения с интерпретацией содержательной более выгодным оказывается трактовать актуальное членение в качестве самостоятельного компонента.

Из всего этого ясно, что средства актуализации многочисленны и разнородны. И, конечно, они затрагивают не только финитный глагол.

2. Поэтому следующее изложение посвящено образованиям не содержащим финитный глагол, у которых нет полной грамматической структуры предложения, значит, образованиям непредложенческого характера. Они непредикативны, однако в данных обстоятельствах они все-таки равноценны высказываниям, то есть обладают свойством актуализированности. Поэтому приходится ставить вопрос, каким образом, какими средствами они актуализированы.

Уже Карцевский подчеркивал, как мы уже сказали, что это прежде всего интонация, благодаря которой высказывание можно считать высказыванием, независимо от того, какова у данного языкового образования предложенческая структура в грамматическом и пропозиционном смысле. Это, конечно, действительно только для устной речи. В письменной речи существуют аналогичные средства графические (интерпункция и разные схемы специального графического оформления). Другими очень важными предпосылками являются контекст и ситуативный контекст, и свою роль играет и стилевой (жанровый) характер текста. Все эти средства не только сигнализируют, что определенное непредложенческое языковое образование выполняет в данном контексте функцию высказывания, но и подсказывают или намечают, в выразительной степени, его коммуникативную функцию (объявление, вопрос, призыв, ...) и подход говорящего, в том числе и подход эмоциональный.

Если оставить в стороне высказывания основанные на звательном падеже и междометиях, которые представляют собой особый семиотический тип, тогда можно большинство остальных непредикативных высказываний распределить по двум группам. Матезиус характеризовал непредикативные высказывания как «обрывистые», в отличие

от высказываний предикативных, которые «полностью изображают ход мысли», значит, которые основываются на эксплицитной пропозиции. Если спрашивать, в чем состоит эта обрывистость непредикативных высказываний, мы подходим к следующим двум типам, отличающимся друг от друга: данное высказывание предстоит (1) или в виде беспредикатного фрагмента какой-то основной предложенческой предикативной структуры, (2) или в виде какой-то номинальной конденсации пропозиции. (Разумеется, между обоими типами постепенный переход).

Несколько примеров:

Тип (1):

Teď zpátky do strojovny. - Теперь назад в машинную.

Kam s tím? - Куда с этим?

Jednu minerálku! - Одну минеральную!

Každému podle jeho zásluh. - Каждому по его заслугам.

V Bratislavě včera nerozhodně. - В Братиславе вчера ничейный.

Каждое из этих (или подобных) высказываний можно характеризовать при помощи опорного грамматического предложенческого образца, указывая на те позиции (места) образца, которые данный фрагмент покрывает, и приводя общий семантико-синтаксический класс невыраженного вербального предиката. Слушающий устанавливает эту информацию используя инференцию, и интерпретирует подобно тому, на основе контекста, ситуации и интонации, также актуализационные категории прагматико-коммуникативные. Однако, это значит, что вне рамок контекста, на уровне только лингвистического конструкта, могут данные фрагменты обладать неоднозначностью (Например «Теперь назад в машинную» может значить «Иди!», или «мы должны идти», или же «мы идем»).

Примечание: Генерализованные фрагменты надо отличать от высказываний *эллиптических*. Под эллиптическим высказыванием я подразумеваю такое неполное высказывание, в которое можно однозначно вставить определенные конкретные слова в надлежащей форме, и при этом такие эллиптические высказывания могут содержать эксплицитно выраженный предикат. (Эллиптические высказывания часты в диалогических репликах: *Куда ты идешь? (Иду) домой*).

Тип (2):

Start, tři velké peřeje, pak přistání v balvaništi, prohlídka člunu a nájezd úplně vlevo od velkého balvanu.

Старт, три больших порога, потом причал в валунах, осмотр члуна и набег совсем слева от большого валуна.

Nesmírně zajímavé! - Очень интересно!

Muž přes palubu? - Человек за бортом?

Krásná noc. - Прекрасная ночь.

Eva a zpívat! - Ева и пение!

Jen žádné zbytečné dojímaní. - Только никаких лишних умилений!

У этих высказываний нельзя предполагать определенный опорный образец предложения. Приходится считаться только с какой-то не совсем определенной, расплывчатой пропозиционной структурой, которую данное высказывание выражает посредством номинализирующей конденсации.

Неэксплицитность непредикативных высказываний сказывается на том, что их однозначная интерпретация часто зависит от контекста, ситуации и интонации, или же графики. Данное утверждение относится прежде всего к номинативу субстантива, т. е. к падежу, первичная функция которого состоит в наименовании. Так например высказывание

A co babička? - И как бабушка? позволяет по меньшей мере несколько интерпретации:

1. «Как бабушка поживает?» - речь идет о левой семантической валентности и о предикате состояния.
2. «Какой был ответ бабушки?» / «Какая была ее реакция?» - левая валентность, предикат отвечания, реакции.
3. «Чем бабушка занимается?» - речь идет опять о левой семантической валентности, но о предикате действия.
4. «Что будет с бабушкой, что мы с ней сделаем?» - речь идет о правой семантической валентности и о предикате мутационном («бабушка» имеет семантическую роль *patients*).

Другой пример, взятый из жанра спортивного репортажа - *Novákův rychlý únik, klička a nepodařený pokus o střelbu.* - Быстрый отрыв Новака, обвод и неудачная попытка стрелять. - В случае телевизионного репортажа можно это высказывание понимать в смысле генерализованного фрагмента семантического типа идентификационного (значит, в смысле «то, что вы как раз видите, что как раз происходит, это быстрый отрыв Новака») По сравнению с тем, в случае передачи по радио данное высказывание можно скорее считать номинализирующей конденсацией пропозиции (выражение которой в

форме предложения можно предполагать в виде: «Новак теперь быстро отрывается, проводит обвод,...»).

Матезиус характеризовал непредикативные высказывания как «случайные», которые по правилу можно заместить каким-то высказыванием предикативным (но не наоборот). Этот случайный, оппортунистический характер проявляется тем, что эти высказывания направлены к двум полюсам: или их характер “ad hoc” (часто в художественной литературе, где они обычно комбинируются с предложенческими высказываниями), или же они наоборот устойчивы, конвенционализированы и почти фразеологизированы в определенных коммуникативных кругах или в определенных видах текстов. Некоторые конвенционализированные типы иногда прямо формулы, могут ограничиваться определенным видом текста, и вне рамок этого текста их трудно интерпретировать. Речь идет о некоторых диалогических оборотах (Jak to!? - Как это!?, Так copак? - Ну и что?, To teda ne! Ну, уж нет!, и т.п.), формулах команды (Čelem vzad! - Кругом!), заголовках в газетах и других, некоторых основных, типизированных видах информации (Odpovědný redaktor Jan Nový - Ответственный редактор Ян Новы в выпускных данных книги) и других.

Проблематику непредикативных непропозиционных высказываний я мог здесь намекнуть только в общих чертах; эта проблематика заслуживает более обширного анализа и интерпретации на основе богатого и стилистически дифференцированного корпуса текстов

3 В первой части моего доклада я упомянул два возможных подхода: первый из них исходит из пропозиции или предиката и задумывается над их актуализацией в высказывании; второй подход, наоборот, исходит из конкретных высказываний в речевом акте и при помощи их дезактуализации доходит до пропозиций и предикатов.

В этом докладе я применил первый, более принятый подход. Но я полагаю, что было бы полезным стремиться применить также второй подход, и наконец сравнить результаты обоих подходов. Может быть, что при помощи дезактуализационного подхода обнаружим, что рядом с актуализаторами, с которыми работает первый метод, существуют в высказывании и другие элементы, от которых надо абстрагировать, когда хотим получить неактуализированную пропозицию. В конце концов, можно ожидать даже, что само понятие «пропозиция» будет требовать реинтерпретации.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. 1976: *Предложение и его смысл*. Наука, Москва.
- Балли, Ш. 1926: (Ch. Bally), "Langue et parole", *Journal de Psychologie* (XIII).
- Бондарко, А. В. 1979: *Грамматическое значение и смысл*, Ленинград.
- Чешская грамматика* 1987: F. Daneš (глав. ред.), *Mluvnice češtiny* (III), Academia, Praha.
- Karcevski, S. 1927, 1931: *Système du verbe russe*.

Станислав Каролак

КАТЕГОРИИ ПРЕДИКАТОВ (ПОНЯТИЙ) И ВРЕМЕННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ

Согласно грамматической традиции, грамматические времена естественных языков выражают отношение между положением вещей (состоянием, процессом или событием), являющимся предметом сообщения, и речевым актом. Г. Рейхенбах разделяет частично эту идею, считая времена особенно важной формой шифтеров (*a particularly important form of token-reflexive symbol*). Однако, по его мнению, у них более сложная структура, чем та, которую постулирует грамматическая традиция. Кроме сообщаемого события и речевого акта, она, по мнению Рейхенбаха, содержит еще одно дополнительное событие, и глагольные времена выражают реляцию между этими двумя событиями (сообщаемым и дополнительным), отнесенную к речевому акту.

Следовательно, его модель, в отличие от традиционной двухэлементной модели, предусматривает три элемента. Глагольные времена определяют момент, сообщаемого события E (*point of event*), локализуя его по отношению к другому, избранному в качестве ориентира R (*point of reference*), и относя их обоих к речевому акту S (*point of speech*).

Для того, чтобы проверить адекватность модели Рейхенбаха, и в частности, адекватность идеи о трехэлементной структуре глагольных времен, нужно уточнить, что понимается под моментом сообщаемого события E и тем самым определить понятие темпоральности.

Возьмем в качестве экспериментального объекта бинарную систему (соответствующую приблизительно описываемой Куриловичем бинарной системе, свойственной классическому арабскому языку) во французском и английском языке, состоящую из настоящего и сложного прошедшего времени, в полной абстракции от всех остальных временных форм. При этом французское сложное прошедшее берется только в одной из его актуальных значимостей, той именно, которая характерна для классического языка и которая близка к значимости сложного прошедшего в современном английском языке.

В этой бинарной системе, в настоящем времени совпадают событие-ориентир (point of reference) и речевой акт. Они совпадают не в смысле их одновременности, как это могла бы ложно подсказывать схема Рейхенбаха

а в смысле их абсолютного тождества. Это не два разных события, а одно: речевой акт и есть то событие, которое избрано в качестве ориентира R. В сущности, настоящее время предполагает только два разных события, а не три и, следовательно, два временных момента: событие, названное глагольной лексемой (точнее, основной морфемой), и факт порождения предложения, данный физически, вне сообщения. Таким образом, речь может идти только о двух событиях, которые происходят в один и тот же момент, те которые связаны отношением одновременности

Из этого следует, по крайней мере для настоящего времени, что понятие темпоральности сводится к реляции одновременности двух событий.

Цель высказывания - сообщить событие, названное глагольной лексемой (вместе с предполагаемым ею естественным окружением), и в частности, сделать возможным контроль истинности сообщения. Для этого необходимо дать сообщаемому событию точную локализацию во времени, в противном случае его истинность была бы неконтролируема. Локализовать во времени - это связать его отношением одновременности с другим каким-нибудь событием, временная локализация которого очевидна для собеседника. Такой случай представляет собой речевой акт, непосредственно наблюдаемый собеседником. Вот это другое событие и есть второй терм отношения одновременности, закрепленный терминологически как временной ориентир R.

В случае настоящего времени этот второй терм дан физически, именно поэтому в высказывании нет отдельного знака, определяемого по традиции как темпоральный распространитель, являющегося его формальным показателем.

Из сказанного следует, что форма настоящего времени сама по себе не выражает времени. Она показатель предиката - центра

пропозиции, - первого терма отношения одновременности. Показатель времени - второй терм, данный в случае настоящего времени вне языка.

Вывод: для настоящего времени невозможно говорить об отдельности временного ориентира и речевого акта. Речевой акт тождествен ориентиру, он и есть ориентир R. Следовательно, неадекватным, или по крайней мере не абсолютно адекватным, кажется утверждение Рейхенбаха о том, что "... we need three time points even for the distinction of tenses which, in a superficial consideration, seem to concern only two time points" (Reichenbach, 1966:289)

Перейдем теперь к сложному прошедшему. В отличие от настоящего времени, событие, названное этой формой, например, *J'ai déjà rempli le formulaire, I have already filled in the form; As-tu lu mon dernier roman?, Have you read my last novel?*, связано с речевым актом отношением предшествования. Однако, если верно, что темпоральность - это отношение одновременности двух событий, то отношение предшествования не темпоральность в строгом смысле, так как оно не дает возможности локализовать сообщаемое событие во времени и, вследствие этого, присвоить высказыванию истинностную значимость. Таким образом, казалось бы естественным предполагать в структуре сложного прошедшего наличие третьего события (третьего терма), отличного от акта речи, с которым сообщаемое событие связано отношением одновременности. Однако, это предположение оказывается неверным в том смысле, что всякая попытка связать форму сложного прошедшего с показателем третьего терма, т.е. гипотетического ориентира R, дает отрицательный результат: сочетание становится грамматически неправильным, как в современном английском языке, или меняет свой смысл, приобретая значение аориста, как в современном французском языке.

Таким образом, необходимым условием правильного употребления сложного прошедшего (в английском языке и в классическом французском языке) является обязательное отсутствие в высказывании показателя третьего события одновременного с сообщаемым. Могло бы показаться, что событие, сообщаемое с помощью сложного прошедшего, темпорально неопределенно вследствие его одновременности с постулируемым третьим не названным, и тем самым неопределенным, событием.

Однако, все более или менее согласны с тем, что одновременность с каким-то неопределенным событием и равнозначная ей темпоральная неопределенность не есть значение сложного прошедшего времени. Возникает вопрос о том, каково его значение.

Чтобы ответить на него, нужно найти второй терм отношения одновременности, и единственная возможность, теоретически мыслимая, это речевой акт. Из этого вытекает, что настоящее и сложное прошедшее время тождественны с точки зрения темпоральности: обе временные формы предполагают речевой акт в качестве ориентира R, т. е. локализатора сообщаемого события на оси времени, и исключают третье событие как терм темпоральной реляции. В обоих случаях отдельность речевого акта и временного ориентира кажется мнимой.

Остается все же уточнить, что является первым термом темпоральной реляции в случае сложного прошедшего, чтобы не попасть в противоречие: названное этой формой событие связано ведь с актом речи отношением предшествования, а не одновременности. Постулируемое отношение одновременности с актом речи предполагает, следовательно, что истинное содержание высказывания со сложным прошедшим вовсе не состоит в сообщении события, названного этой глагольной формой. Она используется лишь для того, чтобы навести слушателя на предмет сообщения. Она должна заставить его произвести операцию инференции вывести из сообщаемого события то положение вещей, которое совпадает по времени с речевым актом. Таким образом, сложное прошедшее денотирует ситуации, в которых отношение одновременности связывает речевой акт с положением вещей, точнее, с состоянием, выведенным из сообщаемого события, т. е. только опосредованно сообщаемым У него инференциальное значение состояния.

Как было сказано выше, оппозиция настоящего и сложного прошедшего времени в принятой нами экспериментальной двухэлементной системе не является оппозицией темпоральной. Это оппозиция положения вещей - объекта непосредственного сообщения и положения вещей - объекта опосредованного сообщения. Она построена на оппозиции несовершенного и совершенного вида, а именно, значение настоящего времени (непосредственно сообщаемое положение вещей) детерминировано несовершенным видом, в то время как значение сложного прошедшего (опосредованно сообщаемое положение вещей) обусловлено тем, что точка отправления инференции имеет закрытый характер, что она сообщается как дискрет-

ная единица. Следовательно, оно детерминировано совершенным видом.

Что же касается оппозиции настоящего времени и имперфекта во французском языке, то она имеет темпоральный характер: она тождественна оппозиции между вторыми терминами отношения одновременности, разными для настоящего времени и имперфекта: акт речи противопоставлен другому событию, которое ему предшествует. В примарной поверхностной структуре она отражается в оппозиции нуля (со значением шифтера) и явного «темпорального распространителя», сочетающегося с формой имперфекта. Это означает, что в этой же примарной структуре нет прямой оппозиции временных форм презенса и имперфекта: они лишь формы аккомодации к разным временным контекстам.

Поскольку темпоральность - время сообщаемого события - определяется через отношение одновременности с другим событием, возникает вопрос о статусе временного члена (традиционного обстоятельства времени или придаточного предложения времени) в семантико-синтактической системе языка.

Наиболее распространена трактовка, которая возводит в принцип факт относительно свободной связи обстоятельств времени с ядром предложения и исключает временной член из ядерной структуры, присваивая ему статус свободного темпорального распространителя (детерминанта предложения) или свободного темпорального актуализатора. В терминах семантической грамматики это означало бы, что ядерный предикат не предполагает конституэнт «время», который таким образом не занимает позицию аргумента, но свободно присоединяемого предиката. В этом отношении особую позицию занимает Рейхенбах, который включает его в класс аргументов.

Можно найти несколько причин традиционной трактовки. Одной из них является факт существования предикатов постоянных или относительно постоянных свойств, т. е. свойств, для которых характерна относительно большая длительность. Эти предикаты, имперфективные по своей природе, считаются независимыми от времени, временно не связанными или вневременными. К ним принадлежат, в частности, предикаты, представленные глаголами *любить, увлекаться, ненавидеть, презирать, знать, разбираться, верить, зависеть, принадлежать, обладать, быть смертным, быть умным, быть высокого роста* и др. Считается, что пропозиции,

которые они конституируют, исключают время и требуют обязательного отсутствия временного члена Речь идет как о специфических пропозициях с конкретным субъектом, представленных такими предложениями как:

Наташа не понимает шуток.
 Она ненавидит ложь.
 Вера плохо знает детей.
 Она избегает знакомых.
 Отец жестокий.
 He loves going to the theatre.
 Jane refuses what is not offered in a kindly way.

так и о пропозициях всеобщих, с обобщенным (генеричным) субъектом, например,

Родители, как правило, плохо знают своих детей.
 Глупый не понимает шуток.
 Человеку свойственно ошибаться.
 Каждый понимает справедливость по-своему.
 On ne badine pas avec l'amour.
 Nul n'ignore plus que la poésie est une solitude effrayante...(J. Cocteau)
 Skąpy więcej traci niż zyskuje na swoim skąpstwie.
 Pieniądze psują najlepsze stosunki.

Однако, свойственная названным предикатам относительно большая продолжительность может быть (по крайней мере, для некоторых из них) редуцирована по воле говорящего, и тогда временной конституэнт обязательно появляется, например,

Сейчас я тебя ненавижу.
 А вот сейчас вы жестоки.
 Vous n'aimez pas en ce moment. (Anouilh)
 ...pendant cinq minutes, je l'aimai comme jamais on n'aima une femme (A. Dumas fils)

Эффект вневременности т. наз. настоящего обобщенного, вторичный, с семантической точки зрения, вызван несомненно сильным контрастом между терминами темпоральной реляции, точнее между кратковременностью речевого акта по сравнению с большой продолжительностью свойства, названного глаголом. В сущности, в названных пропозициях акт речи является таким же ориентиром, как в случае кратковременных предикатов типа

Наташа спит, нельзя ее будить.

Мария улыбается.

или менее продолжительных, чем постоянные, типа

Он сейчас пишет очередной доклад,

так как время продолжительности свойства включает время речевого акта.

Доказательством временного, все-таки, характера «вневременных» предложений является возможность отнесения сообщаемого свойства к другому временному ориентиру, отличному от акта речи

Естественность высказывания получается тогда, когда этот ориентир не слишком расходится по длительности с конститутивным предикатом предложения. Так например, если предложения типа

Вчера / на прошлой неделе он любил ходить без цели по улицам.

мало естественны, если не асемантичны, то наоборот вполне естественно звучат предложения

Мальчиком, он любил ходить без цели по улицам.

В первые годы знакомства, Наташа не любила меня.

В детстве, я боялся призраков.

В молодости, она была жестока к родителями,

а также:

Еще вчера я верил в ведьм (ср. *Вчера я верил в ведьм).

То же самое касается всеобщих пропозиций. Ср. нижеследующие пары:

Человек прикован к земле

До недавнего времени, человек был прикован к земле.

Деньги портят самые лучшие отношения.

Когда существовали деньги, они портили самые лучшие отношения

Вывод: так называемое обобщенное настоящее в темпоральном отношении совпадает с настоящим актуальным. Различие имеет контекстный характер и проходит по типу предикатов, отличающихся друг от друга по степени продолжительности.

Очередной причиной выведения времени из ядра могла бы быть оппозиция между актуальностью и неактуальностью действия, выражаемого процессными непродолжительными и событийными предикатами. Обычно считается, что неактуальное действие противопоставляется актуальному по отсутствию/наличию компонента «время». Однако, это, кажется, не так. Различие проходит опять по типу предикатов, хотя формально они выражены одними и теми же глагольными морфемами. Процессные и событийные предикаты становятся в таких случаях основой семантической деривации, которой подчас параллельна деривация формальная. В частности, показателями формальной деривации являются в славянских языках морфемы имперфективации глаголов, обозначающих событийные (перфективные) предикаты. Ср. например:

Он украл/увел машину.

Он ворует машины.

Он нашел ценный предмет

Он находит ценные предметы.

Она потеряла зонтик.

Она (постоянно) теряет зонтики

Семантическая деривация неактуальных от актуальных процессных (имперфективных) предикатов не выражена явно в структуре глагола, но она может отразиться на структуре предложения (хотя это не обязательно). Так например, в парах

Он пишет детективный роман

Он пишет детективные романы

Elle chante une chanson de cabaret.

Elle chante des chansons de cabaret.

разница отражена в формах прямого дополнения (множественное число, неопределенное во французском языке, обязательно для неактуального значения), косвенных показателях деривации предикатов. Дело в том, что базисный и производный предикаты имеют разные импликации, а разница импликации и есть следствие разницы предикатов. Однако, формально она может быть передана только в тех случаях, когда возможна модификация окружения. Ср. с этой точки зрения:

Он курит сигару

Он курит сигары.

и Он опять курит (акт и неакт.)

В английском языке для этой цели используются разные формы времени: простое время - показатель семантически производного предиката. Ср.:

Иван знает, что он говорит слишком быстро

John knows that he is speaking too quickly.

и John knows that he speaks too quickly.

Семантически производные «неактуальные» предикаты, образованные от предикатов процессных и событийных, совпадают в отношении темпоральности с предикатами, обозначающими постоянные свойства, и все, что сказано выше, относится также и к ним. Будучи временными они могут сочетаться с темпоральными ориентирами, обозначающими относительно длительные отрезки времени. Ср.:

Она танцует в Большом театре.

До войны она танцевала в Большом театре.

и Сегодня она танцует в Большом театре.

Вчера она танцевала в Большом театре.

У него несколько увлечений: он пишет стихи, компонирует романсы, путешествует.

В студенческие годы у него было несколько увлечений: он писал стихи, компонировал романсы, путешествовал.

Вывод: настоящее обобщенное и настоящее конкретного действия (в английском языке *simple present* и *present continuous*) совпадают во временном плане, различаясь лишь по типу конститутивных предикатов. Оба они обозначают положения вещей, локализованные во времени.

Способностью к локализации во времени, т. е. темпорализации, обладают также производные неактуальные предикаты, употребленные в сочетании с обстоятельствами краткости действия и определяемые как узуальные или абитуальные (подчас как итеративные) предикаты. Следует заметить, что сложные предложения этого типа с придаточными времени, имеющими в своем составе союз *когда*, выражают время вовсе не с помощью придаточных предложении (например, настоящее время не могло бы сочетаться с союзом *когда*, который занимает позицию обстоятельства, исключенную речевым актом). В случае форм настоящего времени, время определяется речевым актом, в случае же форм прошедшего времени – другими временными ориентирами. Если их нет, локализация имеет неопределенный характер, точно так же, как в актуальном употреблении. Примеры:

Когда я открываю дверь, я замечаю странные улыбки у присутствующих.

Когда Саша издевается над ней, она его презирает.

В Москве я заходил к ней, когда только находил минуту свободного времени.

Студентами, мы летом уезжали в стройотряд.

Когда он издевался над ней, она его презирала

Когда смеркалось, мы зажигали керосиновые лампы.

Вывод: ни один из представленных до сих пор типов предложений не является «вневременным». Утверждая это, мы тем самым отказываем от той трактовки, в сущности традиционной, которую предложили в Bogacki, Karolak 1991.

Очередной тип высказываний, которым отказывают во временной локализации, считая их временными, это высказывания с глаголами несовершенного вида, употребленными в обобщенно-фактической или единично-фактической функции. Авторы Теоретического курса современного русского языка пишут «[Несовершенный вид] в абсолютном употреблении обозначает констатацию действия в прошлом безотносительно к характеру его аспектуального проявления и определенной временной локализации» (1990: 171). Дело обстоит, однако, несколько иначе: этим высказываниям не свойственна также и неопределенная локализация в прошлом. Неопределенная локализация может, как правило, чередоваться с определенной без сдвига в значении ядерной структуры, в то время как в данном случае временная конкретизация меняет смысл предложений. Интересно отметить, что для передачи этого значения болгарский язык использует абсолютный аорист, а французский (также литературный, для которого характерно наличие простого прошедшего - *passé simple*) сложное прошедшее также в абсолютном употреблении. Например (примеры приводятся за Guentcheva 1990)

Пили си кафето?

Когато започнаха да го разпитват, откъде е и какво е работил, той отговаряше - Учих в София

Обядва ли вече?

Защо не писа на родителите?

Этот тип предложений в русском языке иллюстрируют следующие примеры

а) обобщенно-фактический тип

Я ее целовал один раз в жизни
 Мне кажется, что мы с вами уже где-то встречались.
 Петр Иванович никогда не ездил к морю.
 Вы передавали тайные документы иностранной разведке.
 Это я писал эти лозунги.
 И я тоже любил.
 Женщины - это важно. Я влюблялся уже семь раз.

б) единично-фактический тип

Ты звонил врачу?
 Это вы проверяли двигатель?
 Я уже заполнял эту анкету. Зачем еще раз?
 Кто-то открывал окно.
 Сюда кто-то входил.
 Я вам звонил, даже несколько раз. Но никто не отвечал.
 Вас спрашивала какая-то студентка.
 Сегодня не топили.

Чем объяснить обязательное отсутствие в них показателя временного ориентира? Дело в том, что временным ориентиром является в данном случае речевой акт, данный вне сообщения, и форма прошедшего времени употребляется со значением обобщенного настоящего. Факт, совершившийся в прошлом, трактуется как элемент актуальной характеристики, т. е. он отнесен к настоящему, а не к прошлому. Таким образом, фактическое прошедшее время приближается семантически к настоящему, употребленному для обозначения постоянных свойств, что можно передать с помощью схемы

x таков, что он сделал p

Следовательно, это тоже инференциальное время.

Болгарский язык использует в фактической функции абсолютный аорист для того, чтобы не делать инференции другого типа: не выводить из сообщаемого события актуальное состояние, для чего служит другое инференциальное время - перфект, в котором темпоральный компонент тоже речевой акт. Следовательно, болгарский обще- и частно-фактический аорист противопоставляется перфекту по типу инференции, совпадая с ним по темпоральности, ср.

Обядва ли вече?

Обядвал ли си?

В русском же языке перфектные употребления в формальном плане мало чем отличаются от фактических, разве тем, что в них преобладают формы совершенного вида, не характерные для фактического употребления. Ср.

Детето е счупило вазата.

Ребенок разбил вазу.

...за това писмо най-много съм дошла, а щях да го забравя
(Йовков)

...я пришла больше всего из-за этого письма, и вот чуть его не
забыла.

Влакът е пристигнал на гарата на време.

Поезд пришел на вокзал во-время.

Иной тип высказываний без временных показателей, совершенно независимый от предыдущих, характерен тем, что отсутствие в них обстоятельства времени факультативно. Если оно отсутствует, значит что время действия не указано, что оно неопределенно, что говорящий либо его не знает, либо по каким-то причинам хочет скрыть его.

Обстоятельство в этих случаях сходно с выражениями в позициях нетемпоральных аргументов, которые могут опускаться, если содержание позиции неопределенно и предикатное выражение допускает пропуск.

Этот функциональный параллелизм позволяет сделать вывод, что темпоральный компонент принадлежит ядерной структуре, что позиция временного аргумента всегда открыта, и она заполняется или остается открытой в зависимости от свойств предикатных выражений, и эта альтернатива служит выражению определенности или неопределенности момента действия.

Наконец, есть высказывания, в которых отсутствие обстоятельства времени не параллельно отсутствию темпоральной детерминации. Это высказывания с асимметрией планов выражения и содержания, обусловленной правилами синтаксиса текста. Огромное количество, если не большинство, реальных высказываний представляет собой контекстно-связанные структуры, компоненты которых повторяли бы содержание, данное в другом месте текста (раньше или позже), и

они опускаются в силу общего правила неповторяемости одних и тех же форм в рамках определенного отрезка текста. Показатель времени, общий для множества высказываний, образующих связный текст, дается, как правило, в одном из них и обязательно опускается в остальных. Или же предыдущие высказывания текста образуют временной фон для последующих.

Правила взаимной аккомодации, которые управляют построением контекстно связанных высказываний, обуславливают способность финитных форм глагола употребляться без показателей времени.

Приведенные факты говорят в пользу аксиомы, релевантной в системе семантической грамматики, согласно которой семантический синтаксис или комбинаторика понятий не симметричен синтаксису форм. Эта именно аксиома позволяет нам выдвинуть гипотезу о статусе темпорального компонента, отличную от некоторых других теорий.

Согласно этой гипотезе, статус компонента время, т. е. второго термина отношения одновременности, в пропозиции тождествен статусу пропозиционального аргумента и подвергается действию импликации со стороны конститутивного предиката. На этом основании мы его включаем в ядерную пропозициональную структуру

Два замечания необходимы для полной эксплицитности: 1) время не выражается «временными» аффиксами морфемной структуры глагола, по крайней мере, в примарной функции, т. е. в предложениях с полной эксплицитностью, 2) примарная поверхностная форма выражения времени - предложение, другие же формы - имена, именные словосочетания, наречия и др. - носят неполный характер, конденсируя пропозициональное содержание

Литература

- Bogacki, K., Karolak, S. 1991: "Fondements d'une grammaire à base sémantique", *Lingua e Stile*, XXVI, 3, 309-345.
- Guentchéva, Z. 1990: *Temps et aspect: l'exemple du bulgare contemporain*, Paris : Editions du CNRS.
- Imbs, P. 1953: *L'emploi des temps verbaux en français moderne*, Paris : Librairie C. Klincksieck.

- Karolak, S. 1991: "Y a-t-il une différence de principe entre l'aspect roman et slave?", M. Grochowski (ed.), *Problemy opisu gramatycznego języków słowiańskich*, Warszawa: 85-93.
- Kuryłowicz, J. 1977: *Problèmes de linguistique indo-européenne*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk : Ossolineum.
- Reichenbach, H. 1966: "The tenses of verbs", в: *Elements of Symbolic Logic*, New York: The Free Press, London: Collier-Macmillan Limited: 287-298.
- Современный русский язык. Морфология. Теоретический курс*, 1990, Москва, Наука
- Vendler, Z. 1967: "Verbs and times", *Linguistics in Philosophy*, Ithaca-New York: Cornell University Press: 97-121.
- Vet, C. 1980: *Temps, aspects et adverbes de temps en français contemporain*, Genève . Librairie Droz.

Riassunto

Categorie di predicati (concetti) e attualizzazione temporale

L'articolo é un tentativo di provare la tesi, diversa da quella tradizionale e dalla tesi di A. Reichenbach, che la struttura di temporalità nella proposizione ha un carattere di relazione non ternaria (come in Reichenbach) bensì binaria, e che i suoi termini sono: lo stato di cose trasmesso (primo termine) e lo stato di cose scelto come punto di riferimento (secondo termine). La relazione che lega i due stati di cose é la simultaneità.

Il componente temporale o punto di riferimento dello stato di cose trasmesso é il secondo termine della relazione di simultaneità, la cui situazione nel tempo l'autore della comunicazione dà per nota al destinatario. In alcuni casi esso é l'atto di parola, e soltanto in questi casi il punto di riferimento coincide col punto di parola.

Il componente temporale ha uno status semantico di argomento proposizionale, obbligatorio per definizione al livello semantico. La sua forma di espressione primaria é la frase.

Per provare il carattere di argomento del componente temporale nella proposizione si analizzano due tipi di frasi:

1. frasi tradizionalmente considerate come prive di temporalità o frasi atemporalì,
2. frasi in cui mancano esponenti formali di temporalità, effetto dell'azione di diverse regole semantiche o combinatorie.

L'analisi mostra la presenza del tempo sul piano semantico in tutte le frasi, individuando le cause dell'assenza degli esponenti temporali in superficie. Mostra, in particolare, che le forme dei tempi grammaticali non sono esponenti del tempo, come pure che in certi casi la definizione tradizionale delle forme non coincide col tempo semantico. Per esempio, le forme di preterito slavo nelle frasi fattive non hanno un valore di passato, ma di presente.

Мария Леинonen (M. Leinonen, Tampere)

WHEN MEANING DOES NOT MAKE SENSE: THE RUSSIAN CONSTRUCTION "X ДОСТАТОЧНО Y, ЧТОБЫ Z".

In this paper, I attempt to clarify the acceptability conditions of the two interpretations of the Russian construction "достаточно + Property, чтобы + Verb-Infinitive" ("someone is Y enough in order to Z"). What is puzzling to a non-native speaker is the possibility of negative interpretation of the *чтобы*-clause, i.e. inadvisability, unlikelihood of someone doing something, of something happening, due to the "sufficient" property.

In *Русская грамматика II* (1982), §3076 (p. 601) is dedicated to the construction in question. After defining the grammatical structure, the authors exemplify the construction by sentences that correspond to the use of *достаточно* (enough, genug, nog, tarpeeksi...) in other languages; let us call this use "достаточно-A":

Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашими обычаями.

I enough long lived among you to get acquainted with your habits.

The subsequent characterization notes: "The meaning of sufficient reason is here two-fold: the degree of the property mentioned in the first part either pre-determines the reality of the consequent result, or it rules out the situation given in the second part. This depends on the context. For instance,

Он достаточно талантлив, чтобы решать такие задачи.

He (is) enough talented to solve such problems.

may mean: 1) "he is talented and therefore he will solve such problems", and 2) "he is talented, and therefore he should not (is not obliged, is not interested in) solve/solving such (simple) problems". In the differentiation of the modal property the aspectual character of the predicate verb of the second part may operate: if the consequence is excluded, the imperfective aspect is normal:

Эти факты встречаются довольно часто, чтобы обходить их молчанием.

These facts are met with rather often in order to pass them over in silence.

In §3077 the authors of the grammar note that the position of the word *достаточно* may be taken by the word *слишком*, "too". *Краткая русская*

грамматика, edited by in part the same authors as Русская грамматика, namely by Н. Ю. Швелова and В. В. Лопатин (1989:587), repeats the above information, adding that "the degree of the property mentioned in the first part usually (my underlining) excludes the situation given in the second part, or motivates its inexpediency, irrationality". Let us call this interpretation of the construction достаточно-В – with an implicit negation.

The meaning достаточно-А is clear, and we can specify it in the manner suggested by И. М. Богуславский:

У меня достаточно времени, чтобы пойти на работу пешком.
I have enough time to go to work on foot.

X has an aim Z,

- a) for achieving Z an amount of Y is necessary,
- b) X has such an amount of Y, which is not less than the necessary amount.
(Богуславский 1989:214.)

As to достаточно-В, examples are hard to come by. Those mentioned in Русская грамматика, unlike all the rest of the exemplifying material, are left without an indication of source. Apparently, the authors have used constructed examples, or, perhaps they are from actual conversations. Possible spoken language origin may also be the reason why I could not find such cases in written texts, e.g. the Uppsala University Russian Corpus, which amounts to approximately 1 million words (popular scientific texts and fiction, 5 pages of each sample, from the years 1960-87). In such an odd situation, resorting to constructed examples is the only way to proceed. The sentences discussed below were invented by 4 out of my 10 informants, all native speakers of Russian with an education in Russian philology.

Let us start with examples in which the implicit negation is most apparent:

- 1) Эти факты встречаются довольно/достаточно часто, чтобы обходить их молчанием (the Grammar example, see above)
- 2) Я достаточно натерпелась, чтобы повторить этот опыт еще раз
I enough suffered to repeat this experience once more.

1) must be from a written text, and is suggestive of officialese. Apparently, only a non-native speaker would question its meaning. To native speakers, it is clear that a great/considerable amount of cases merits mention, i.e. should not be passed over in silence. In 2), the lexical content of the situations – "enough" – "repetition" is a signal to interpret the чтобы-clause as negative – "no more". In both cases, we are dealing with positive and negative polar evaluations that are strong enough

to eliminate potential ambiguity.

The first example of the Grammar, (see above),

3) Он достаточно талантлив, чтобы решать такие простые задачи.

caused confusion, though at length, the interpretation "he is so talented that such problems would be nothing to him, therefore he would not be interested in them" won general approval. Beside this, there is another possibility, as in all cases dealing with evaluation of human properties, namely irony.

In the following example, the evaluation of real life situations and advisable courses of action is unambiguous enough to suggest the implicit negation of the *чтобы*-clause – note the ironic "strolling":

4) Она достаточно умна, чтобы расхаживать по пляжу без

She (is) enough wise to stroll on beach without

купального костюма.

swimming suit. (= she won't)

In the next group of examples, the opinions of the informants differed: some found in them only *достаточно-А* (nonsense, or irony), some interpreted them as meaning that the consequent situation will not/should not take place:

5) Сейчас уже достаточно поздно, чтобы начинать/начать

Now (is) enough late to begin (ipf./pf.)

новую дискуссию

new discussion.

For one speaker at least, the distinction between *достаточно-А* (pf.) and *достаточно-В* (ipf.) depends on the aspectual choice. For those who accept the implicit negation in this sentence, adding the explicit negative particle *не* feels superfluous.

5i) ?? Сейчас достаточно поздно, чтобы не начинать новую дискуссию.

Now is enough late to not begin new discussion.

The implicit negative is, of course, possible only in a situation where everyone is already tired and wishes to avoid further talk.

In general, acceptability of *достаточно-В* requires two situations that in real life are mutually exclusive:

6) Он достаточно ловок, чтобы попасть в сети сыщиков/женщин.

He (is) enough clever to fall into nets/wiles of detectives/women.

7) Он достаточно скуп, чтобы пускать деньги на ветер.

He (is) enough miserly to throw money to the winds.

8) Она достаточно хороша собой, чтобы выйти-выходить замуж за старика

She (is) enough beautiful to marry (pf./ipf.) old man.

9) Я достаточно занят, чтобы заниматься пустяками.

I (am) enough busy to take on trifles.

10) Мы достаточно долго обсуждали эту проблему, чтобы возвращаться к ней еще раз

We have long enough discussed this problem to return to it once more.

11) Он достаточно беден, чтобы угощать всю компанию.

He (is) enough poor to feed whole company.

One further example shows that opposing views of real life may produce two interpretations:

12) Он достаточно строг, чтобы быть хорошим отцом.

He (is) enough strict to be good father.

For a partisan of the Old Testament parental advice, the interpretation of 12) is that of достаточно-А: there is enough strictness in X to make him a good father. A speaker with more lenient views will see an excessive amount of strictness, which makes X unlikely to be a good father.

Достаточно and довольно

If we replace достаточно in the above examples by слишком ("too"), the sentences are immediately acceptable to all and receive the negative interpretation of the чтобы-clause. However, слишком cannot be synonymous with достаточно. Synonymy of the latter with довольно is, instead, a possibility. Note that the Grammar with its example (1) seems to indicate as much. However, the amount of a property expressed by довольно is less than that of достаточно. Although in example 1) both degree words produce the negative interpretation of the чтобы-clause, in other cases the words are not freely interchangeable. According to some informants, довольно with predicative adjectives is odd, according to some, it admits the negative interpretation only:

12i) Он довольно строг, чтобы быть хорошим отцом.

He (is) enough strict to be good father. (= he is not)

According to dictionaries, достаточно and довольно are largely synonymous, but with a certain difference in degree. In SSRIJa (1950), for example, we find the following glosses:

достаточно: "в достаточной степени, довольно, в нужном, необходимом количестве, объеме; в должной мере; значительно; хватит; обеспеченно; зажиточно".

достаточный: "вполне пригодный для чего-либо, удовлетворяющий, соответствующий чему-либо; довольно значительный; необходимый, довольно основательный; имеющий достаток, зажиточный, состоятельный. Ozhegov (Ожегов 1981) repeats in principle the same glosses. The SSRLJa definitions for довольно:

довольно: "достаточно, в необходимой мере или степени; хватит; порядочно, в значительной степени". Ozhegov equals довольно with достаточно, but also gives "до некоторой степени".

If we compare the glosses, we see that the lower limit of amount for довольно is до некоторой степени (*somewhat, to some extent*), and the upper limit в значительной мере (*considerably*), while for достаточно the lower limit is необходимо (*necessary*), and the upper limit значительно (*considerably*). Perhaps the difference reflects the etymologies of the words in question: достаток, достача (*plenty*) and довольный (*satisfied*). True, the latter expresses a sufficient degree, but its derivatives оставаться довольным, довольствоваться чем-либо (*to be satisfied, remain satisfied with something*), show how close is the interpretation that something remains to be hoped for.

Both довольно and достаточно when used as modifiers without чтобы-clause or other limitation are downtoners. N.D. Arutjunova in her description of degree words does not seem to differentiate between these two. She notes: "(...) the destructive effect of pragmatic factors – the arbitrariness of the point of view in the expression of the property, subordination of the utterances to politeness rules which require the speakers to avoid categoriality, the presence of emotional, expressive and evaluative connotations disturb the organization of the parametrical definitions in a unified scalar order" (Arutjunova 1988:247; translation ML). This applies to words expressing sufficient degree as well: when the entity against which something is measured is lacking, subjective points of view take over. With positive properties, the very use of such a degree word implies a non-achievement of a limit: достаточно/довольно хороший (*good enough*) is not as good as simply хороший (*good*). To characterize someone through достаток ума (*considerable amount of/sufficiency of intelligence*) often is pronounced with a concessive intonation, half-admission." (Arutjunova 1988:249; translation ML.) According to my informants, достаточно more strongly implies a yard-stick, against which a property is measured.

In our construction the limit is given by the чтобы-clause; still the difference in degree between достаточно and довольно remains: only достаточно

produces ambiguity of interpretations (12). Both may, in suitable contexts, imply a negative, with *довольно* (12i) this implication is stronger.

Inferences and hedging

To exemplify the organization of scale let us take a property that as such is neutral: old (vs. young). Old age, as measured against various activities, allows cross-linguistically similar means of expressing excessive amount:

13) Он слишком стар, чтобы бродить и путешествовать.

He (is) too old to wander and travel.

14) Он уже стар, чтобы бродить и путешествовать.

He (is) already old to wander and travel. (= he should not)

According to some informants, the adjective alone, if stressed, may mean the same as 14):

15) Он СТАР, чтобы бродить и путешествовать

He is OLD to wander and travel.

16) Он достаточно стар, чтобы бродить и путешествовать

He (is) enough old to wander and travel.

(ambiguous, depending on the view point: he will or won't)

17) Он довольно стар, чтобы бродить и путешествовать.

He (is) enough old to wander and travel.

(= he is unlikely, he won't)

18) Он немножко стар/староват, чтобы бродить и путешествовать

He (is) a bit old to wander and travel.

(= he is unlikely, he should not, he won't)

In English, Swedish, and Finnish, the rejection of the action because of excessive amount of property is possible with the equivalents of *слишком*, *уже*, *немножко*. *Уже* implies an increase of amount in time, and thus applies to some properties only. *Немножко* and its equivalents apply to neutral and negative properties. In Finnish, intonational prominence on the adjective is enough to imply an excessive amount – oddly though, only with polarities "old-young" reliably. Further possibilities in the middle of the scale can be found in Finnish and Swedish, at least. In Finnish, they apply best to negative properties and mean *considerably*, *rather*:

19) Hän on aika/melko/kovin tyhmä pelaamaan shakkia.

He is rather/considerably stupid to play chess.

In Swedish, the word *väl* can be used with the same effect, again with negative properties:

- 20) Mjölken är väl sur för att drickas.
Milk is rather sour to be drunk.

With positive and neutral properties, the adverbs in question suggest astonishment and dubiousness about the activities' successful achievement in both languages. We can arrange the above listed means of expressing excessive property into two groups: 1) *слишком* (*too*), *уже* (*already*) are literal, 2) intonational prominence is an expressive means of saying the same as *слишком* – we remember that in Russian the short adjective alone, in the right circumstances, can express an excessive amount, 3) means of hedging – *немножко* (*a bit*), *достаточно*, *довольно* (and in other languages, words indicating a fairly large amount, but not *very*). Hedging is, as in the quotation from Arutjunova above, a means of avoiding too categorical statements and is due to general rules of politeness in conversation. While *немножко* is colloquial, *достаточно/довольно* are not: according to informants, they are literate in style.

Two meanings for *достаточно* Y>чтобы Z?

There are two choices in defining the meaning of *достаточно*-B: either we can take the well-trodden path shown by Grice *et al.* and decide that *достаточно* has just one meaning, that indicated by Boguslavskij (see above), and anything else is conversational implicature and pragmatics. The second alternative is to define a separate meaning for *достаточно*-B, for instance to add "fuzziness" to Boguslavskij's definition:

- c) the amount may be larger than is necessary.

The latter decision would equal this use of *достаточно* to adverbs meaning "considerably" etc. Even in this case, we still need invited implicatures that produce the unlikely interpretation when a "considerable" amount of property is juxtaposed with a pragmatically incompatible situation. Having two meanings for *достаточно* is no more redundant than saying that Russian predicative adjectives in some circumstances mean "too much of the property". If this is included in the grammar, c) should be there as well.

Correspondingly, *довольно* in these constructions would mean *somewhat* + too much. It is well-known that degree words are fuzzy and susceptible to context. Let us note a comparable development in the English word *quite*, discussed in Brown and Levinson (1987):

'Its standard dictionary entry has the meaning "completely", "wholly", "entirely",

(---) as in "The tank is quite full, it won't hold any more". But it seems to have a sense opposite to this one, namely "somewhat", "not to the fullest degree", as in "It was quite a good meal, but not worth a pound". (...) Now, we speculate that markers of positive (or at least extreme) evaluation like *quite* can come, by association with the following disvaluations, to acquire standard implicatures that invert their original sense. Eventually these implicatures may become distinct senses of their own.' (Brown and Levinson 1987:265-266.)

Topic of conversation and inferences

Although native speaker intuitions do not agree on differences in intonation, it seems that topic of conversation differs in the constructions with *достаточно-А* and *достаточно-В*. In the first case, the conversation concerns how much of a property there is or whether there is or is not enough of a property for someone to do something: the speaker's contribution is that there is enough: *он достаточно умен, чтобы...* In the second construction, the prominent syllable of *достаточно + А* (Adj/Adv) is more difficult to determine. According to some, it may occur on either constituent without change of meaning, according to others, the Adjective/Adverb is more prominent. This would support the idea that the preceding conversation has suggested a topic that is concerned with the subject and the *чтобы*-clause solely: "What about him and his solving these problems", "What about his properties as a father", "What about our beginning a new discussion". To these topics, the speaker's contribution *достаточно талантлив, достаточно строг, достаточно поздно* are entirely new, and the last constituent of the rheme receives intonational prominence. As is pointed out by researchers on intonation, it is possible to ascribe communicative significance to the simple fact that a speaker does or does not assign a prominent syllable to a particular word; assignment of such means making a selection from a number of available candidates (Brazil 1989). In this case, these are properties that in the speaker's opinion are relevant for the topic. If *достаточно/довольно* is also stressed, it is easily explained by the cautious subjectivity of the phrase.

Now we can give an approximate paraphrase for the *достаточно-В*: 12ii) "He is rather strict, considering his being a good father". The implicit negation is in fact an inference of the unlikelihood, arising from the pragmatic incompatibility of the contents of the two clauses.

Aspect and modality

Although for some speakers the incompatibility of the juxtaposed contents is decisive, there are others who feel that the imperfective aspect helps in bringing

out the unlikelihood of the second part. This is the case in situations in which the process and the iterative meanings of the imperfective aspect cannot be relevant. Thus, in the following example the perfective aspect promises a successful result:

- 21) Она достаточно хороша собой, чтобы выйти замуж
She (is) enough beautiful to marry. (pf.)

With the imperfective aspect, the speaker infers that the subject need not get married:

- 22) Она достаточно хороша собой, чтобы выходить замуж..
She (is) enough beautiful to marry. (ipf.)

It might seem that the differentiation is due to the association of negation with the imperfective forms in general. On the other hand, the topic of conversation often concerns someone's abilities in general, and the form is as such "inherited" from the topic entertained by the speakers.

The "modal nuances" that are mentioned in the Russian Grammar and explicated for their example (3) by не следует, не должен may be seen as variants of deontic modality – which also, in Russian, is linked to the imperfective aspect (Шелякин 1990). The explication by ему неинтересно could be classed as volitive. Obviously, we should add epistemic unlikelihood as well. All these nuances are conditioned by the positive/negative evaluations of the actions concerned, the subjects's control, etc. These, in their turn, require pragmatic rules of interpretation, from which I shall here refrain.

I wish to thank my informants, especially Larisa Afonina and Olga Ovchinnikova, for their patience and inventiveness, without which this paper would not have been possible.

References

- Arutjunova 1988: А. Н. Арутюнова "Типы языковых значений. Оценка. Событие Факт." Москва
- Boguslavskij 1989: И. М. Богуславский "О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением "достаточно" и частицами". *Логический анализ языка Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*, (отв. ред Н Д Арутюнова), Москва: 197-216
- Brazil 1989: David Brazil: Intonation. = Section 4 in *Studies in Discourse Analysis* (ed. Malcolm Coulthard and Martin Montgomery), London-New York: 39-50.

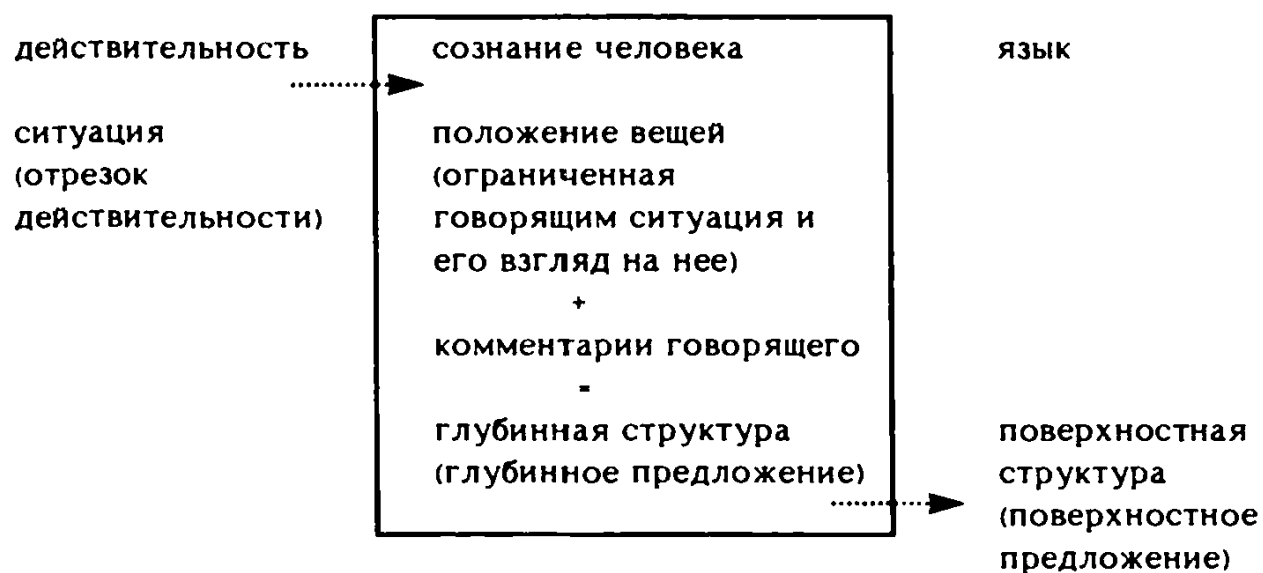
- Brown and Levinson 1987: Penelope Brown and Stephen C. Levinson: *Politeness. Some universals in language usage*. Studies in Interactional Sociolinguistics 4. Cambridge University Press, Cambridge-New York-New Rochelle-Melbourne-Sydney.
- Kratkaja russkaja grammatika* 1989: *Краткая русская грамматика* (под ред. Н. Ю. Швеловой, В. В. Лопатина), Москва
- Ozhegov 1981: С. И. Ожегов: *Словарь русского языка* (изд. 13-е, испр.) (под ред. Н. Ю. Швеловой), Москва.
- Russkaja grammatika II* 1982: *Русская грамматика, том II. Синтаксис* (главный редактор Н. Ю. Швелова), Москва.
- SSSRLJa: *Словарь современного русского литературного языка 1-17*. Москва-Ленинград 1950-65.
- Sheljakin 1990: М. А. Шелякин: "Модально-аспектуальные связи", *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность* (отв. ред. А. В. Бондарко), Ленинград.

Арто Мустайоки (Arto Mustajoki, Helsinki)

ВЫРАЖЕНИЕ МОДАЛЬНОСТИ В МОДЕЛИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СИНТАКСИСА

0. Цель статьи - показать, какую роль играет выражение модальности в "функциональном синтаксисе". Функциональный синтаксис ¹ является созданной нами моделью описания языка "от значения к форме". Как известно, идея создания такой грамматики была высказана уже давно ². Однако она до сих пор не осуществилась в таком виде, который полностью соответствовал бы указанному принципу описания. Поскольку наша модель отличается от других существующих концепций, необходимо до того, как перейти к рассмотрению конкретной темы сообщения, вкратце коснуться основных принципов модели.

Принципы создания модели функционального синтаксиса (ФС)

1. "Функциональность" означает в этом контексте то, что в описании языка выдерживается принцип "от значения к форме".

1.1. Исходным пунктом в модели служит (семантическая) глубинная структура, которая отражает то, что говорящий хочет сказать.

1.2. Глубинная структура находится в "черном ящике", в сознании человека, вне непосредственного наблюдения.

1.3. Поверхностные структуры не порождаются из глубинных

структур с помощью ряда правил или законов, а репрезентируют их.

1.4. Для способов выражения разных семантических значений никакие формальные ограничения не ставятся: они могут быть синтаксическими, словообразовательными, лексическими, интонационными, и т.е. Например, значение Я ПРОШУ: ТЫ ОТКРЫВАЕШЬ ОКНО, можно выразить следующими русскими фразами ³:

Открой окно!

Ты не можешь открыть окно?

Прошу тебя открыть окно!

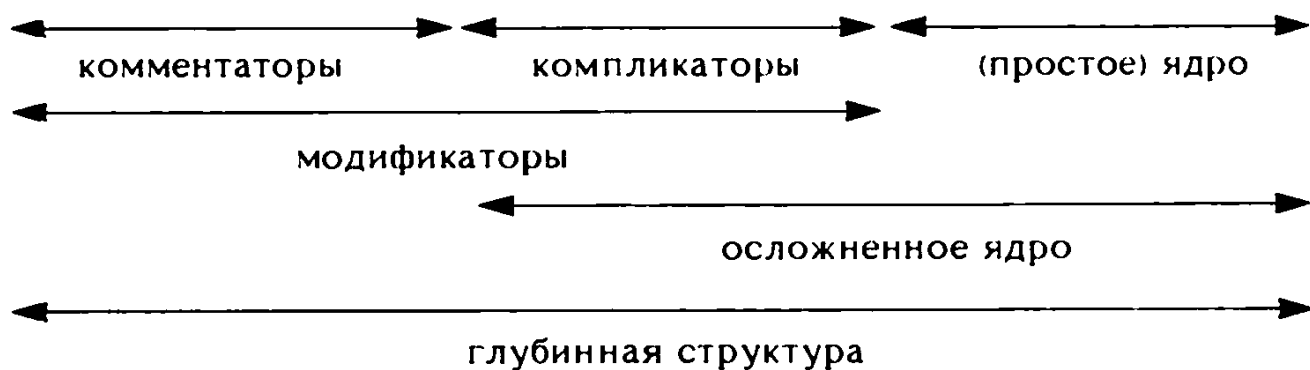
Здесь принято проветривать.

Я бы проветрил здесь, и т.е.

1.5. При определении "глубины" исходных структур в модели отыскивается найти оптимальный компромисс: если глубинная структура лежит слишком глубоко, она искусственно отличается от естественного языка; если же она только имитирует поверхностную структуру, весь функциональный подход теряет свой смысл

1.6. Глубинная структура представляет собой и подхоющую платформу (тертиум компаратионис) для контрастивного описания языков.

2 Глубинная структура состоит из ядра и разного рода модификаторов и спецификаторов.

2.1. Различие между модификаторами и спецификаторами заключается в том, что в первом случае предполагается наличие определенных глубинных (вспомогательных) глаголов, а во втором случае это не предполагается

2.2. Модификаторы разделяются на две группы компликаторы и комментаторы

2.2.1. Компликаторы выражают каузирующие (ВЫЗВАТЬ и др.), фазисные (НАЧИНАТЬ, КОНЧАТЬ и т.п.) и модально-фазисные (СТАРАТЬСЯ, РЕШАТЬ, НАДЕЯТЬСЯ и др.) значения.

2.2.2. Комментаторы выражают или цель речевого акта (ТРЕБОВАТЬ, СПРАШИВАТЬ, УДИВЛЯТЬ и др.) или авторизующий элемент (СЧИТАТЬ ВАЖНЫМ, СЧИТАТЬ ВОЗМОЖНЫМ и др.).

2.3. Спецификаторами являются, в частности, Время, Место, Аспект, Детерминированность, Отрицание.

2.4. Ядра глубинных структур состоят из глубинного предиката и одного или более актантов.

2.4.1. Ядра относятся к одному из десяти возможных разрядов: действия (акции), бытие, локализация, физическое состояние, характеристика, идентификация и т.е.

2.4.2. Актанты разделяются на разряды по двум принципам: какими ингерентными свойствами они обладают и какую роль они играют в глубинной структуре.

Существующие концепции модальности

3.1. Модальность (модус, выражение модальности) можно понимать или широко или узко. Согласно самому широкому толкованию, к сфере модальности относятся все элементы предложения, которые не входят в его ядро (пропозицию, диктум). Эта трактовка свойственна, например, многим работам, выполненным в рамках так называемой грамматики падежей; основывается она на идеях философов прошлого века (Фреге и др.), использованных в лингвистике в особенности Балли.

3.2. Т.В. Шмелева (1984), говоря об "элементах смысла предложения" выделяет в нем три обязательные части: пропозицию ("собственно содержание, некое 'положение вещей'"), модальную рамку ("выражающую отношение этого содержания к действительности в плане реальности-ирреальности и времени"), коммуникативную рамку ("выражающую целенаправленность речевого акта - утверждение, вопрос, просьбу, обещание, предположение, совет").

3.3. Из конкретных решений вопросов модальности в научных описаниях возьмем концепцию Адамца (1973, 1978). В ней модальность является одним из спецификаторов⁴. Для предложения "Иди домой!" Адамец конструирует следующую реализационную базу:

(ты/А + ид/Г + домой/Б) + побуд ⇒ ИДИ ДОМОЙ!

Адамец выделяет следующие спецификаторы модальности: обусловленность, побудительность, деизидеративность, вопросительность, негацию, степень вероятности, алетическую возможность (возможность и необходимость), допустимость. Адамец описывает весьма подробно разные конкретные значения, связанные с реализациями разных спецификаторов модальности. Например, в шкале вероятности Адамец различает четыре степени, значение которых можно иллюстрировать с помощью частиц: обязательно, наверно, возможно, вряд ли.

3 4 Возьмем второй конкретный пример. В Практической грамматике (Метс 1985) в главе "Выражение модальности" выделяются следующие значения: необходимость и долженствование (1), возможность (2), невозможность (3), разрешение (4), запрещение (5), желательность (6), нежелательность (7), побудительность - побуждение - (8), приглашение (9), совет (10), просьба (11), требование (12), предположение (13), опасение (14), предостережение (15), сожаление (16), сомнение (17).

- (1) Ему надо купить тетрадь.
- (2) Он сумел собрать радиоприемник.
Вы можете ехать летом в санаторий.
- (3) Мне не решить эту задачу
Дверь нельзя открыть
- (4) Можно посмотрю твой альбом?
Сереза уже взрослый человек, ему можно посмотреть этот фильм
- (5) Володя, тебе нельзя читать без очков!
- (6) Я хочу встретиться с вами
- (7) Мне не хочется смотреть этот фильм
- (8) Пишите!
- (9) Приезжайте к нам!
- (10) Сядьте к окну, здесь светлее!
- (11) Дайте мне, пожалуйста, книгу!
- (12) Встаньте!
- (14) Я думаю, что он придет вовремя
- (15) Не упади!

(16) Не говорить бы ему об этом!

(17) Надо ли покупать эту книгу?

Описание значений, связанных с модальностью в "функциональном синтаксисе"

4. Если взять "среднее" (не самое узкое и не самое широкое) толкование термина "модальность" (скажем, приблизительно то, что отражено в упомянутых конкретных примерах), то она распадается по некоторым разделам ФС.

4.1. Мы понимаем разные способы выражения побудительности как один вид *речевого акта* ⁵. Они могут получать осуществление только в прямом, актуальном речевом акте. Согласно нашей теории предложение (11) репрезентирует глубинную структуру (18) и глубинное предложение (19)

(18) ((Func - ПРОСИТЬ; S, R) [P]) ⁶

(19) Я ПРОШУ: ТЫ ДАЕШЬ МНЕ КНИГУ ⁷

Вопрос о том, сколько разных глубинных глаголов, обозначающих побудительность, целесообразно выделить, окончательно еще не решен. Кандидатами являются, например: ПРОСИТЬ, СОВЕТОВАТЬ, ТРЕБОВАТЬ, ПРИКАЗЫВАТЬ, ПРЕДОСТЕРЕГАТЬ.

4.2. *Авторизация* является - вместе с речевым актом - вторым видом "комментаторов", но в ней акцент ставится не на том, с какой целью говорящий высказывает определенную мысль, а на том, кто является носителем мнения и с какой степенью уверенности он его утверждает. Одна из групп значений, подпадающих под эту рубрику, покрывает так называемую эпистемическую модальность. Из примеров, выделенных выше, номер (13) явно входит в сферу авторизации. В ФС он получает следующие интерпретации:

(20) ((Aut - ДУМАТЬ; S) [P]) ⁸

(21) Я ДУМАЮ: ОН ПРИДЕТ ВОВРЕМЯ

Как видно, авторизация отличается от речевого акта тем, что в ней не указывается адресат (* Я думаю тебе, что...). В нынешней версии ФС выделяются четыре глубинных глагола, обозначающих степень уверенности в информации, а именно: СОМНЕВАТЬСЯ, ДУМАТЬ, ВЕРИТЬ, ЗНАТЬ ⁹.

4.3. В предложениях (2) и (6) выше встречаются глаголы, которые принято называть модальными: (С)УМЕТЬ, ХОТЕТЬ. Такие предло-

жения отражают в концепции ФС компликаторы, которые называются *модальными фазами*. Наряду с фазисными глаголами (НАЧИНАТЬ, КОНЧАТЬ), они показывают, на какой стадии осуществления находится положение вещей, но в отличие от них они содержат и определенный субъективный элемент. В числе глубинных глаголов, обозначающих модальную фазу, можно назвать: УМЕТЬ, СУМЕТЬ, СТАРАТЬСЯ, РЕШАТЬ, ХОТЕТЬ. Компликаторы модальной фазы (как и все компликаторы) отличаются от случаев авторизации (как и всех комментаторов) тем, что только первые входят в *положение вещей*, т.е. они имеют прямое соответствие с действительностью, в то время как последние являются комментариями говорящего.

4.4. Во всех упомянутых случаях у модальности есть "Субъект". Это сказывается и в том, что в ФС предполагается, что существует глубинный (вспомогательный) глагол, носитель определенного модального значения. Однако иногда у модальности нет явного "автора". Таким случаем является, например, предложение (1): необходимость купить тетрадь возникает по неизвестным причинам, нет конкретного каузатора этой акции ¹⁰. В связи со сказанным мы считаем некоторые значения логической модальности *спецификаторами*, которые не имеют субъекта модальности. Очевидно, здесь можно ограничиться четырьмя основными спецификаторами модальности, а именно: ВОЗМОЖНО, НЕОБХОДИМО, НАДО, РАЗРЕШЕНО

¹ Мы называем продукт модели "синтаксисом", а не "грамматикой" по двум причинам. Во первых, в наши цели не входит включение в нее таких элементов описания языка, которые обсуждаются в разделах "Морфология" и "Фонетика" традиционной грамматики. Во вторых, название "Функциональной грамматики" используется уже двумя группами исследователей (группы Дика и Бондарко). Теория функционального синтаксиса изложена нами пока только на финском языке (Mustajoki 1993). В настоящий момент производится составление ее русской версии.

² В 20-хх гг. такую идею поддерживали, в частности, Брюно, Есперсен, Матезиус и Щерба, уже до них соответствующие мысли были выражены Габеленцем.

³ Шкала возможных поверхностных структур нередко весьма широкая. Вот некоторые из тех конструкций, которые согласно мнению Всеволодовой и Шуваловой (1989), выражают мысль "Девушки на Кубе танцуют удивительно темпераментно".

Кубинские девушки увительно темпераментны в своих танцах
 Кубинские девушки - это удивительный темперамент в танцах.
 Танцы у кубинских девушек удивительно темпераментны
 Танцы кубинских девушек удивляют своей темпераментностью.
 Темпераментность танцев кубинских девушек удивительна.
 Удивительный темперамент отличает танцы кубинских девушек.
 Темперамент кубинских девушек в танцах удивителен
 Особенностью танцев кубинских девушек заключается в их удивительной
 темпераментности.
 Куба - это удивительно темпераментно танцующие девушки.

⁴ "Спецификация - это выбор и присоединение к пропозиции тех актуализационных дополнительно-семантических и коммуникативно-функциональных моментов, от которых отвлекается пропозиция, но без которых не может обойтись предложение как основная коммуникативная единица. Мы назовем эти моменты *спецификаторами*. Другими спецификаторами у Адамца являются спецификаторы вида, фазисности и времени, грамматической презентации, актуального членения

⁵ Другими видами речевого акта является, например, выражение вопроса, утверждения, восхищения и т.п.

⁶ S - субъект речевого акта, R - адресат речевого акта, P - ядро глубинной структуры

⁷ Глубинные предложения пишутся прописными буквами. В данном случае в поверхностном предложении находится и элемент вежливости, который здесь - ради простоты изложения - не учитывается на глубинном уровне

⁸ Вместо глубинного глагола ДУМАТЬ можно было бы употребить СЧИТАТЬ ОЧЕВИДНЫМ

⁹ Соответственно СЧИТАТЬ НЕВЕРОЯТНЫМ, СЧИТАТЬ ВОЗМОЖНЫМ, СЧИТАТЬ ОЧЕВИДНЫМ, СЧИТАТЬ ВЕРНЫМ

¹⁰ Следует, однако, отметить, что когда определенные положения вещей вызывают необходимость сделать что-либо, мы имеем дело уже не со спецификатором модальности, а с компликатором каузации: Сильный дождь заставил нас вернуться домой

Литература

- Адамец П. 1973: Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка I: Однобазовые предложения, "Státní pedagogické nakladatelství", Praha.
- Адамец П. 1978: Образование предложений из пропозиций (* Acta Universitatis Carolinae Philologica, Monographia 69), Praha.
- Всеволодова М.В., Шувалова С.А. 1989: Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка, под ред. Всеволодовой и С.А. Шуваловой, "Изд. Московского Университета", Москва
- Метс Н.А. 1985: Практическая грамматика русского языка (для зарубежных преподавателей-русистов) (под ред. Н.А. Метс) "Русский Язык", Москва
- Mustajoki A. 1993: Mielestä kieleen kontrastiivisen funktionaalisen lauseopin teoriaa, "Yliopistopaino", Helsinki.
- Сильницкая Г.В., Сильницкий Г.Г. 1983: Модель глагольного действия и семантическая классификация глаголов с предикатными актантами. В "Категории глагола и структура предложения (конструкции с предикативными актантами)", (отв. ред. В.С. Храковский), "Наука", Ленинград: 28-41.
- Шмелева Т.В. 1984 "Смысловая организация предложения и проблема модальности" В "Актуальные проблемы русского синтаксиса", под ред. К.В. Горшковой и Е.В. Клобукова, "Изд. Московского Университета", Москва: 78-100 "

Серафима Е. Никитина (S. E. Nikitina, Москва)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЖАНРЫ И ГЛАГОЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ

Многие фольклорные жанры, представленные текстами небольших размеров, можно рассматривать как речевые акты, различающиеся по иллокутивной силе (ср. Толстой 1988). Для некоторых славянских фольклорных жанров тип речевого акта запечатлен в их названиях: приглашение на кутю, благопожелания, заклички, заклинания и т. д. По-видимому, между общим списком всех фольклорных жанров и списком основных речевых актов можно установить соответствия. Отметим, что многослойные и многозначные фольклорные тексты часто соответствуют косвенным речевым актам; например, за приглашением может скрываться угроза.

Определенные соответствия можно установить между фольклорными жанрами и типами модальности. Для нарративных жанров характерна индикативная модальность. Таковы русские былины. Модальность этого жанра коррелирует с доминирующим количеством повествовательных предложений с глаголами изъявительного наклонения, преимущественно в настоящем и прошедшем времени, т. е. глаголами реальной модальности. При описании последовательности действий временные формы глагола свободно следуют друг за другом:

1. Светлый день идет к вечеру
2. Почесен пир идет навеселе.
3. Красно солнышко катилось к западу.
4. Все на пиру наедались.
5. Все на честном напивались
6. Все на пиру сидят—хвастают (ср. Рыбников 1991, 2: 7)

(В 1, 2, 6 фразах глаголы настоящего, в 3, 4, 5 - прошедшего времени).

Разумеется, в тексте былины могут быть представлены любые виды модальности, но преобладающей остается индикативная.

Возникает вопрос: является ли модальность жанра некоей результирующей всех модальностей в конкретных текстах или это самостоятельная величина, которая может определять модальность глагольных наклонений?

Представляется, что многие жанры имеют свои жанровые модальности, одну или более одной, и эта модальность влияет на выбор глагольных наклонений и на их семантику. Жанр былины, например, требует эпической обстоятельности описаний, реализующихся, как правило, в повествовательных предложениях, в изъявительных наклонениях глагола. В свою очередь модальность жанра определяется культурными функциями фольклорных текстов.

Обратимся к жанру заговоров. Чтобы понять природу модальности заговорного текста, необходимо рассмотреть его как компонент особого обряда, включающего в себя, кроме вербального, акциональный, предметный, пространственный и временной компоненты (ср. Толстая 1988). Названные компоненты могут сосуществовать одновременно. Например, надо произносить текст в определенном месте (на перекрестке трех дорог), в определенное время (на вечерней заре), сопровождать его произнесение определенными действиями (очертить ножом, обвязать ниткой и т. д.), использовать определенные предметы (питье, платок и т. д.).

Словесный текст может описывать производимые действия, предметы и локусы; может находиться с другими кодами в дополнительной дистрибуции, а может замещать акциональный код.

Назначение заговорного текста как компонента заклинательного акта - изменить словами положение дел в мире. Когда вербальный текст замещает акциональные элементы обряда, то он для носителей мифологического сознания становится перформативом: его произнесение равносильно действию или действиям, в тексте названным (некоторые заговоры начинаются с перформативных глаголов типа *заклинаю, заговариваю*, однако число таких текстов невелико). Заговаривающий произносит «Загрызаю грыжу», и глагол *загрызать* является перформативом, или, вернее, квазиперформативом, поскольку он, как предикат экстенциональный, не удовлетворяет признакам перформативности.

Как перформатив, заговор не должен иметь отношения к модальности. Однако он имеет ярко выраженную побудительно-желательную модальность. Заговор представляет собой коммуникативный акт, в котором заговаривающий сообщает свое волеизъявление либо предмету заговаривания - это могут быть болезнь, грыжа, бессонница, либо посреднику - это природные стихии (ветры, солнце, огонь, заря, река и т. д.) или потусторонние силы, прежде всего божественные (Святые, Богородица, Христос). Адресатами

волеизъявления обычно становятся сущности, которые в реальном мире не могут воспринять волеизъявления и не могут совершать контролируемых действий. Глаголы, их обозначающие, в текстах заговоров часто выступают в императиве.

Таким образом, семантико-прагматическое пространство модальности существенно расширяется как за счет адресатов, так и за счет императивных форм глаголов, обозначающих неконтролируемые действия, например, *Ты, кровь, стань, не теки, не кань* (т. е. не капай, С. Н.)¹

Как мы указывали, заговор представляет собой перформативный текст. Побудительно-желательную модальность глагола с расширенным кругом адресатов в текстах перформативного характера можно назвать заклинательной, или магической, модальностью. Заклинательная модальность в заговоре выражается прежде всего в императиве, например, *Уроки - призоры гоню - отгоняю: идите, бегите, где люди не ходят*.

Очень распространена оптативная конструкция *пусть X(P)* в составе заговорной формулы *Как (у) X(P), так (пусть у) Y(P): Как у мертвого тела ништо не болит, так пусть у раба божьего Николая ништо не болит*.

Заклинательная модальность может быть выражена независимым инфинитивом или безличным предложением с именным сказуемым: *Здесь тебе не быть, тут тебе не жить; чирей Василий, тут тебе не место, тут тебе не очередь*.

Но та же модальность может быть выражена индикативом: *репа медна, земля железна, родится мышиный хвостик* (заговор на то, чтобы репа не родилась).

Заклинательная модальность жанра семантически ориентирует наклонение глаголов в конкретных текстах; императив, сослагательное и изъявительное наклонения легко замещают друг друга. Например, в пастушьих северных заговорах очень часто упоминается железный тын, ограждающий стадо от диких зверей. Слово «тын» может быть адресатом императива: *Стань, железный тын, от земли и до неба*, а может быть субъектом повествовательного предложения: *Встает железный тын от земли и до неба*. В обоих случаях модальность заклинательная.

Итак, индикатив в заговоре выражает побуждение. Интересно в этом смысле сопоставление функций глагольных наклонений в заговорах и в литературных поэтических текстах. В последних повелительное

наклонение, как и в заговорах, может быть обращено к не-лицам, например, *Шуми, шуми послушное ветрило, волнуйся подо мной, угрюмый океан* (Пушкин).

Как показала И. Н. Ковтунова (1986), в поэтических текстах повелительное наклонение от глаголов несовершенного вида, а также глаголов совершенного вида с лексическим значением длительности можно назвать повелительным событийным, т. е. оно, в отличие от заговорных текстов, близко по функциям к изъявительному наклонению.

Противоположное использование глагольных наклонений связано с принципиальным различием в мировосприятии носителя фольклорной культуры с его мифологическим сознанием, включающим человека в космическое единство, бесконечную цепь отождествлений, и художником Нового времени, имитирующим заклинательные формулы, делающим их художественным приемом, пользующимся, говоря словами И. Н. Ковтуновой, «коммуникативной метафорой».

Заклинательная модальность является определяющей для некоторых других фольклорных жанров, например, весенних закличек *Жаворонки, прилетите, красно лето принесите*, или

Вот пришла весна, весна красная,
Принесла весна золоты ключи.
Ты, замкни, весна, зиму лютую,
Отомкни, весна, тепло летечко.
Зароди, весна, жито густое (Ср П к п 1970 275),

где адресатом императива *прилетите* являются жаворонки, адресатом императива *замкни, отомкни, зароди* является весна.

Для других жанров общую модальность определить труднее. Так, в причитаниях соединяются несколько «ведущих» модальностей, причем все они ирреальные. В большой степени модальная семантика создается частицами и модальными словами, такими, как *будто, видно, знать, вроде, вестимо, как, -ка, надо, мочь*. Однако здесь мы сосредоточимся на глагольных формах.

Для того, чтобы понять употребление наклонений и модальность, в них выраженную, необходимо обратиться к культурным функциям жанра причитаний.

Можно, по-видимому, считать, что похоронное причитание выполняет две главные функции - охранительную и эмотивную. Охранительная функция связана со всем погребальным обрядом, глубинная

семантика которого отражает перемену в статусе человека, превращение его из принадлежащего к своему социуму в чужого (ср. Невская 1990). Причитание способствует восстановлению порядка в универсуме, где покойники, провожаемые с почетом и приглашаемые в гости, не должны возвращаться в мир живых во внеурочное время. Одновременно с этим причитание представляет собой выработанный социумом упорядоченный способ выражения эмоций, связанных со смертью близкого человека, и оно должно артикулировать и тем самым снимать душевное напряжение.

В соответствии с этими двумя функциями выстроена семантика текста причитания, в частности, его главные модальности: модальность заклинания и модальность необходимости, включающая в себя модальность невозможности. Заклинательная модальность предиката, адресатом которого являются силы природы, обычно выражается императивом:

*Расступись, расступись, мать сыра земля,
Расколись, расколись, гробова доска*

или

*Вы подуйте, ветры буйные
Со восточной со сторонушки*

Заклинательное значение приобретает побудительно-желательная модальность предикатов, адресатом которых является покойник, приглашаемый в гости (кстати, приглашается он в тех же выражениях, в каких описывается приход в дом смерти):

*Чистым полюшком лети да черным вороном
Ко селу лети ведь ты да ясным соколом,
Ко крылечику скачи да серым заюшком,
По крылечику беги да горностаюшком. (ср. Барсов 1872: 218)*

Даже в клишированных вопросах к умершему в текстах северных причитаний:

*Да куда же ты сподобилась,
Во котору путь-дороженьку,
В каки гости незнакомые? -*

имплицитно содержится модальность заклинания и долженствования: покойник должен уйти, стать далеким и «чужим».

Модальность абсолютной невозможности или необходимости, в которой нет выбора, пронизывает все тексты причитаний, выражаясь разными способами, в том числе лексическими, но эталонным носителем ее является независимый инфинитив в настоящем или будущем времени ².

1. Мне в весенний день кручинушки *не высказать*,
 Мне в осенню ночь злодейную *не выплакать*
 (модальность невозможности)

2. И *горевать будет* победной мне головушке,
 И *сиротать будет* несчастным нашим детушкам (ср. Барсов
 1972 96)
 (модальность предопределенности)

Значение предопределенности усиливается при отрицании:

Не бывать тебе на белом свету,
Не видать тебе красна солнышка.

В последних двух примерах инфинитивное предложение может быть без изменения смысла (но с дублированием модального значения) заменено безличным предложением с модальным словом *суждено*, например, '*суждено не бывать тебе на белом свету*', '*суждено не видать тебе красна солнышка*', '*суждено горевать будет победной мне головушке*', и '*суждено сиротать будет несчастным моим детушкам*'

Доминирование этой модальности и употребление слова «суждено» в этой ситуации станут понятными, если мы вспомним, что смерть и брак в русском народном сознании осмыслялись как суд Божий отсюда суженый - жених, а о возможности смерти в былинах говорится «к суду пришло/не пришло» Идея объективной и абсолютной предопределенности Божьего суда соединяется со столь же абсолютной и вдобавок слепой предопределенностью языческой доли/недоли, щедро представленной в причитаниях в различных своих воплощениях Специфически русская модальность «сужденности» реализуется в конструкциях с дательным «дезактивирующим» (выражение Т В Булыгиной, 1982): события происходят как бы по воле «дезактивированного» субъекта *ведь доля может отшатиться, а недоля пришатиться*, и это от человека не зависит

Модальность «сужденности» отчетливо проявляется и в свадебных причитаниях (которые по функциям сходны с похоронными), когда речь идет о предсказании суда Божия - брака Сказуемым в таких

предложениях является инфинитив *быть* + причастие или именная группа:

Быть саду да полоненному,
 Всему роду покоренному
 Волюшке быть в неволюшке,
 Девушке быть в заботушке (ср. Рыбников 1991, 3: 74)

Независимые инфинитивы в фольклорном тексте составляют, как правило, параллельные конструкции. Модальности сказуемых-инфинитивов, рассматриваемые отдельно, могут быть различными; синтаксический параллелизм создает интерференцию модальных значений, распространяя идею «сужденной» невозможности на значения невозможности физической, и, наоборот, перенося значение абсолютной природной необходимости/невозможности в сферу человеческих отношений. Например:

Не бывать да ключу на воде,
 Не сплывать камню поперех воды,
 Не бывать кормильцу батюшке
 В своем доме благодатном (ср. Барсов 1872: 60)

Значение «сужденности», носителем которой является лицо (не суждено бывать кормильцу батюшке в своем доме), соединяется со значением объективной физической невозможности (невозможно всплывать камню поперех воды). То же в лирической песне:

Не светить солнцу жарче летнего,
 Не любить дружку пуше прежнего.

В результате модальное значение предопределенности внутри синтаксического блока инфинитивных конструкций становится довольно диффузным:

Мне сидеть, бедной, не высидеть,
 Со стеной думы не выдумать,
 За рукав мне слез не выкапать,
 Запотай (тайно - С. Н.) мне слов не выбаять,

где также соединяются «сужденная» и объективная физическая невозможность.

Диффузность модальных значений напоминает диффузность значения фольклорного слова; лексическая и синтаксическая семантика языка фольклора обладают, по-видимому, рядом общих признаков.

Все сказанное выше является первоначальной попыткой включить в лингвистическое описание модальности в фольклорном тексте признаки и функции соответствующих жанров. Так, инфинитивные конструкции со значением абсолютной необходимости были распространены в древнерусском языке (ср. Синьорини 1993), они остались в языке фольклора, но доминирующими (не столько по частоте, сколько по общей семантической функции) стали в жанре причитания, являясь его характерным стилистическим признаком. Выражение просьбы или пожелания в этих текстах может приобретать значение заклинания, и это тоже признак жанра причитания. Вместе с тем все это - черты русского народного языкового сознания, языковой картины мира, экспликация которой - одна из главных задач русской лингвистики.

¹ Примеры, не имеющие ссылок, являются либо общими формулами, повторяющимися во множестве текстов, либо относятся к экспедиционным записям автора статьи.

² Об использовании инфинитивных оборотов в языке русского фольклора см. Галкина-Федорук 1958: 212-219.

Литература

- Барсов, 1872. *Прочитанья Северного края*, собранные Е. В. Барсовым, Москва, ч. 1.
- Булыгина, Т. В. 1982. "К построению типологии предикатов в русском языке", *Семантические типы предикатов*, Москва, Наука.
- Галкина-Федорук, Е. М. 1958. *Безличные предложения в современном русском языке*, Москва.
- Ковтунова, И. М. 1986. *Поэтический синтаксис*, Москва.
- Невская, Л. Г. 1990. "Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры", *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*, Москва.
- П. к. п. 1970. *Поэзия крестьянских праздников*, Ленинград.
- Рыбников, 1991. *Песни*, собранные П. Н. Рыбниковым, Петрозаводск, тт. 2-3.
- Синьорини, С. 1993. "Инфинитивные предложения в русском языке XVII века", в настоящем сборнике.

Толстая, С. М. 1988: "О семантической единице обряда", *Всесоюзная научно-практическая конференция: фольклор. Проблемы сохранения, изучения, пропаганды. Тезисы в двух частях. Ч. 1, Москва.*

Толстой, С. М. 1988: "К прагматической интерпретации обрядого фольклора", *Всесоюзная научно-практическая конференция: фольклор. Проблемы сохранения, изучения, пропаганды. Тезисы в двух частях. Ч. 1, Москва.*

Summary

The folklore genres and the verbal modality

Various genres of folklore, represented by small texts, may be regarded as speech acts. Some correspondences between folk genres and types of modality might be also found. General modality of a spell is determined by cultural functions of folk texts. Thus, a spell is destined to change the state of affairs in the universe and its text is of a performative character. Imperative verbs in the texts where the addresses are natural events or living beings, are of spell modality. Verbs in other moods, indicative included, are in those texts of spell modality, too.

There exists more than one prevailing modality in some other genres. The number of modalities depends on the cultural functions of the genre. For example, funeral lamentations perform two functions: magic and emotive, and therefore, have two genre modalities, spell modality and modality of necessity. The independent infinitive phrase is the pattern of this modality. This modality can be named the modality of "suzhdennost". It is a specific Russian modality implying the idea of Doom predetermined by both matrimony and death.

Vertical text and symbols on the right side of the page, possibly bleed-through or a scanning artifact.

Ренате Ратмайр (R. Rathmayr, Wien)

ПРЕДИКАТЫ ИЗМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА В РУССКИХ ТЕКСТАХ СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ

В связи с повышением цен потребительские расходы населения увеличились за 1991 год в 1,8 раза и составили 510,2 миллиарда рублей (ЭГ 4-92Б4) ¹.

Изменение количества в направлении "большого размера, быстрее, больше" можно назвать лозунгом западных культур после второй мировой войны. В рамках идеологии постоянного роста все усилия в конечном счете направлены на одну из этих целей. Производство старается обеспечить людей все быстрее все бóльшим количеством товаров, вследствие чего оборот постоянно увеличивается. Для удовлетворения экономических, научных и частных целей техника связи была настолько усовершенствована, что достигнута всемирная одновременность информации (Nowotny 1990), то есть наивысшая степень скорости. Миф повышенной скорости и рентабельности кульминирует в измеряемом наносекундами, то есть миллиардными частями секунд рабочем времени компьютеров. В 60-ые и 70-ые годы лозунг "бóльше - это лучше" несколько дискредитировался и был подвергнут конкуренции лозунга "small is beautiful" (Rifkin 1988:11-12), и "меньше - это больше", но даже если миф повышенных размеров стал колебаться, миф повышенной скорости безупречно царствует.

Не удивительно поэтому, что в особенности экономические тексты богаты языковыми средствами, обозначающими количество вообще, и, количественные изменения в частности. Многочисленные лингвистические работы посвящены средствам выражения количества в русском языке ²; глаголы данной семантики, насколько мне известно, пока специально еще не рассматривались.

1. Введение

Глаголы, обозначающие количественные изменения можно свести воедино к перифразе 'становиться/ стать больше', то есть 'становиться/стать более каким- то' ('высоким/широким/толстым' или

'многочисленным') — или к перифразе 'становиться/стать меньше', то есть 'становиться/ стать менее каким- то' ('высоким/ широким/ толстым' или 'многочисленным'). Сама оппозиция 'больше — меньше' коренным образом отличается от оппозиций 'Р — не Р' и 'начинать — переставать' (см. Апресян 1974:288 и сл.).

В языке существует большое количество глаголов, способных обозначать данное значение (см. Rathmayr 1993a), из них здесь рассматриваются только частотные в экономических текстах. Список был установлен на базе корпуса экономических текстов, в основном из актуальных номеров экономических газет и журналов (см. сноска 1). Данные частотного словаря подтверждают большую частотность этих глаголов именно в экономических текстах. Глагол *повышаться*, например, при общей частотности 15, в публицистических и научных текстах встречается по 6 раз, а в художественной речи лишь 3 раза, *снижаться* при общей частоте 13 встречается 9 раз в публицистических и 3 раза в научных текстах, а в художественных всего 1 раз (см. Засорина 1977).

<p>'становиться больше'</p> <p>возрастать/возрасти</p> <p>вырасти</p> <p>нарастать / нарасти</p> <p>повышаться/повыситься</p> <p>подниматься/подняться</p> <p>расти</p> <p>расширяться/расшириться</p> <p>увеличиваться/увеличиться</p> <p>удваиваться/ удвоиться, утроиться</p> <p>и т д.</p> <p>умножаться/умножиться</p> <p>усиливаться/усилиться</p> <p>ускоряться/ускориться</p> <p>усугубляться/ усугубиться</p>	<p>'становиться меньше'</p> <p>замедляться/замедлиться</p> <p>падать/упасть</p> <p>понижаться/понизиться</p> <p>слабеть /ослабеть/ослабевать</p> <p>снижаться/снизиться</p> <p>сокращаться/сократиться</p> <p>уменьшаться/уменьшиться</p>
--	---

2. Морфологические и семантические признаки глаголов изменения количества

Большинство глаголов выражает значение количественного изменения в обоих видах, лишь *расти* и *вырасти* не имеют видовой пары в данном значении (вырастать — это значит 'начинать расти', то есть 'появиться') За исключением *расти* и *падать* они возвратные

Как и другие глаголы, обозначающие процессы типа *гореть, шуметь, гулять, беседовать*, глаголы данного семантического класса обладают свойством неопределенности и неинтенциональности (см. Селиверстова, Ишевская 1982:116-117).

2.1. Неопределенные процессы

Глаголы изменения количества входят в большой класс глаголов, обозначающих изменение свойства или положения в пространстве и включают в свое толкование смысл 'стать более каким-то', как например: *окрепнуть, охладить(ся), побледнеть, покраснеть, разогреть* (см. Гловинская 1982:9). При этом глагол настоящего времени несовершенного вида обозначает актуальный процесс, имплицитный результат: *цены растут* имплицитно означает, что цены выросли, *уровень жизни повышается* имплицитно означает, что он уже повысился и продолжает расти. "Имперфектные ситуации", таким образом, обозначают целый ряд "перфектных ситуаций" (см. Гловинская 1982:88). Глаголы совершенного вида, в свою очередь, обозначают не достижение какого-либо предела, а 'стать более каким-то', что имплицитно означает возможность продолжения данного процесса: *Цены уже очень повысились и продолжают повышаться* (ср. Гловинская 1982:9).

Так как процессы не содержат представления о пределе или результате инклюзивные обстоятельства *за час, за неделю и т.п.* можно добавить лишь после введения предела *снаружи*³: **За три месяца цены выросли/вырастут. *За три месяца долг уменьшился/уменьшится; но За три месяца цены выросли/вырастут на 20%. За три месяца долг уменьшился/ уменьшится на 20%*

Что касается неопределенности следует добавить, что в текстах только глаголы со значением 'становиться больше' всегда употребляются неопределенно, некоторые глаголы со значением 'становиться меньше' же могут употребляться и определенно: *упасть* (полностью упало производство), *свернуться* (полностью свернулся выпуск ценных бумаг). Это говорит о том, что предел процессов 'становиться/стать меньше' концептуализирован в форме исчезновения (см. сближение процессов количественных изменений и событий 'появиться' и 'исчезнуть' у Апресяна (1974:295): значение начала соответствует значению увеличения и присутствия, значение прекращения — значению уменьшения и отсутствия)⁴.

2.2. Ненамеренность и неконтролируемость, каузированность и некаузированность

Субъекты глаголов количественного изменения неодушевленные, поэтому для данных процессов характерна ненамеренность и неконтролируемость (к категории контролируемости ср. Булыгина 1982: 68-82). Они, однако, могут быть стихийными или каузированными. Такие высказывания как *активно развивается экспорт* указывают на то, что следует исходить из континуума каузированных и некаузированных процессов. Данный пример следует понять как *его [экспорт] активно развивают*, то есть подразумевается каузатор. Этот каузатор скорее совокупность разных факторов, чем деятель в виде конкретного лица. Это становится очевидным при попытке трансформировать предложение в каузативное: не **экономические деятели активно развивают экспорт*, а: *экспорт активно развивается благодаря разносторонней активности экономических деятелей*.⁵

Можно различать экономические процессы на такие, где нет вообще каузатора и такие, где каузатор не в фокусе. Это касается данного в начале примера с субъектными актантами *цена* и *расходы* в реальном мире нет сомнения в том, что повышение цен или расходов являются каузированными явлениями⁶. В тексте же эти процессы чаще представляются как стихийные: *цены возрастут, выросли, росли, поднимаются*. При употреблении глагола *повышаться* (цены повышаются) представление о каузаторе, однако, не исключается, и отглагольное существительное *повышение* (цен, см раздел 4) вообще воспринимается не как процесс, а как действие

Возвратные глаголы выражают ненамеренность менее однозначно чем невозвратные, так как могут быть и страдательной формой глагола, ср.: в следующем году цены повысятся в два раза — каузатив в пассивной форме в смысле 'цены повысят в два раза'. Такое функционирование характерно для форм будущего времени, в то время как для прошедшего времени характерно значение процесса, ср.: В прошлом году цены повысились в два раза

2.3. Ненаблюдаемость

Изменение количества абстрактного актанта, в отличие от конкретного (к теме наблюдаемости природных процессов данного типа см Апресян, В Ю 1991:7-8), не так на легко поддается наблюдению? *я вижу/наблюдаю, как растут цены, но я вижу/наблюдаю, как растут цветы/дети*. Тем не менее отдельные этапы позволяют

прерывистое наблюдение: Мы наблюдали, как повышались акции. Смотри, как повышаются цены. Данные высказывания адекватны, например при наблюдении смены ценников или вращения цифр на табло на бирже. При этом мы, конечно, видим не сам процесс, а только результат в разное время. На самом деле мы называем эти разные результаты процессом повышения. Наблюдаемость, таким образом, зависит не только от глагола, но и от существительного.

2.4. Мотивированность значения

Интересно, что в отличие от параметрических прилагательных типа *великий*, которые имплицитно подразумевают большую степени данного признака (*великий* — больше нормы; ср. Апресян 1974:295б) глаголы типа *увеличиваться* не характеризуются такой импликацией в обязательном порядке, а лишь факультативно. Этим признаком они также отличаются от наречий типа *мало, немного, много, немало*, оценивающих данное явление тоже по отношению к предполагаемой норме, а не по отношению к исходному множеству (ср. Булыгина, Шмелев 1988:14-15).

Большинство глаголов количественного изменения обладает сложной семантикой, которую можно толковать в форме наивной этимологии, не претендуя этим самым на реальность таких этимологических отношений: *увеличиваться/увеличиться* — 'становиться/стать великим' или 'становиться/стать более великим'; *повышаться/повыситься* — 'становиться/стать высоким' или 'становиться/стать более высоким', *замедляться/замедлиться* — 'становиться/стать медленным' или 'становиться/стать более медленным' и т.д.

Семантика близких по значению прилагательных влияет на конкретное представление о процессе количественного изменения и на сочетаемость данного глагола с субъектными актантами (см. ниже). Глаголы *расти*, префиксальные варианты глагола *расти* и *падать* мотивированы своим конкретным значением: *расти* — это в первую очередь о человеке, животных и растениях и, таким образом, связано с представлением 'вверх'. *Подниматься/подняться* также связано с представлением 'вверх', *падать* же связано с представлением 'вниз'. *Умножаться/умножиться*, в свою очередь, имплицитно подразумевает представление множества. Ниже будет показано, что эта мотивированность определяет и сочетаемость с абстрактными существительными.

Обозначаемые данными глаголами процессы количественного изме-

нения имеют четыре формы проявления (см Rathmayr 1993a): изменение площади, объема или размера (например: резко сократился объем государственных заказов — не более 20-30% объема производства...; Экиж 45/91:7), изменение количества или числа отдельных объектов, (например: Столь же быстро растут коммерческие банки, акционерные общества [значит: их становится больше]; Экиж 45/91:6; Вместе с тем бурно развивались элементы рыночных отношений в экономике [значит: их становилось больше]; Экиж 45/91:6), изменение позиции на шкале, (например: К концу этого этапа реформы... стабилизируется и начнет постепенно повышаться уровень жизни населения; Экиж 45/91:7) и изменение интенсивности градуированных референтов, (например: повышение цен усиливается; кризис ... усилился; Экиж 45/92:6). Отдельные глаголы и абстрактные существительные по разному способны выражать данные типы значения.

3. Сочетаемость глаголов количественного изменения

Семантическая мотивированность глаголов количественного изменения ярко проявляется в сочетаниях с конкретными существительными. Таким образом, *расширяться* употребляется только с имеющими измерение в ширину конкретными предметами, ср: русло реки расширилось, *замедлиться* может только определенный процесс, ср: ход поезда замедлился и т.д. Но и в высказываниях о количественном изменении абстрактных референтов сохраняется более или менее конкретное представление. С другой стороны, возможные сочетания абстрактных существительных с глаголами количественного изменения позволяют уточнить вешнюю коннотацию (ср Успенский 1979). Так, например, если говорят *цены скачут*, *цены подскочили резко*, то присутствует представление о мячике и его произвольных движениях, *цены колеблются* указывает либо на персонификацию цен, либо на представление чего-то вроде маятника

Языковое оформление количественных изменений *цен* свидетельствует о концептуализации их как самостоятельно двигающейся по шкале точки: цены повышаются, поднимаются, растут, снижаются или падают, но не *усиливаются и не *слабеют. Конверсные конструкции *цены снижают/повышают/устанавливают/назначают/изменяют/знают/угадают* и т.д. (ср. Учебный Словарь Сочетаемости 1978: 659) в какой-то мере противоречат их представлению как стихийному явлению. Такое противоречие однако характерно для экономической речи, где широко распространено представление экономических

процессов как стихийных, ср.: инфляция нарастает, безработица растет, товарооборот усиливается, экспорт растет.

Анализ показывает разную степень мотивированности и десемантизации рассматриваемых глаголов. Высказывание *Расширился круг частных предпринимателей*, например, в отличие от приведенного выше примера с этим глаголом, не понимается как распространение вширь, а как увеличение числа частных предпринимателей. Связь с предметным представлением тем не менее присутствует: если конкретно поставить этих предпринимателей в круг, то длина окружности на самом деле больше. В следующем разделе вопросы сочетаемости и спецификации значения будут рассмотрены подробнее

3.1. Субъектные актанты

В экономических текстах предикаты количественного изменения могут иметь конкретные исчисляемые субъектные актанты, но такие сочетания встречаются весьма редко. Так говорят, например: на рынках стало больше фруктов, а не *фрукты умножились. Как правило, субъектные актанты исследуемых глаголов абстрактные, причем различаются следующие типы: параметрические существительные, к которым относятся не только мезуративы ⁷ в узком смысле слова, а все слова, предикат которых может быть выражен в цифрах (ср.: цена — 20 рублей, безработица — 25%, вклад — 1 млн.), не параметрические с конвенциональным эллипсисом параметра и отглагольные существительные, образованные от глаголов изменения количества (см. раздел 4.).

Параметрические существительные характеризуются тем, что имеют эксплицитно выраженные или подразумевающие актанты, например: цена (чего, равна чему), вклад (чего, кого, куда, равен чему). Апресян (1974:203) указал на регулярную многозначность параметрических существительных типа *вес, высота, температура*. В экономических текстах эта многозначность не выражается, что весьма показательно для языка специальности, где оценка и квантификация вообще выражаются эксплицитно⁸

В соответствии с названными в конце раздела 2.4. типами количественного изменения частотные экономические параметры можно подразделить на параметры по площади, размеру или объему, параметры по количеству или числу, параметры измеряемые определенной шкалой и параметры по интенсивности. Им соответствует предметная коннотация в форме заполненной чем-то площади или

пространства, определенного числа отдельных конкретных элементов, точке на шкале или динамического процесса. Интересно, что некоторые параметры концептуализированы в разных формах. Экономическое понятие *производство*, например, — точка на шкале: Производство в Польше резко упало после реформ. (ДЛ 12/91:47) Устойчиво падает производство, но занятость пока сохраняется. (ДЛ 12/91:47) или число отдельных элементов, ср.: Производство машин расширилось/уменьшилось [стали производить больше/меньше машин]. Существительное *эмиссия* имеет три вещные коннотации: объем (денежной массы), число (купюр), ср.: Значительно возросла налично-денежная эмиссия [стало больше денежной массы и/или стало больше денежных купюр] (Экиж.45/91:6) и деятельность, ср.: эмиссия ценных бумаг замедлилась.

Ниже приведенная таблица показывает вещные коннотации (далее "в.к.") некоторых эксплицитных и имплицитных параметров в экономической речи. Данные получены путем анализа корпуса и опроса носителей языка ⁹.

параметр	примеры
объем, размер, площадь, в к площадь или пространство	(рабочая) неделя, размер (цен), объем (безработицы), производство, экспорт, импорт, спрос, предложение, работа [только ед ч], выпуск, строительство , ввод, эмиссия, рынок
количество или число, в к отдельные конкретные элементы	доля, безработица [число безработных людей], преступность [число преступлений или преступников], опасность [вероятность наступления опасного случая], шансы [вероятность наступления шанса], требования [число требований], работы [только мн ч], эмиссия, активность [количество поступков], бедность [число бедных или степень бедности], возможность [число отдельных случаев]
шкала, в к точка на шкале	цена , уровень, вклад, вложение, доход, число, долг, прибыль, задолженность , остаток (долгов) , (налоговая) ставка, зарплата, инфляция, скорость, темп, минимум (прожиточный м)
интенсивность, в к динамический процесс	кризис, инфляция, рост, падение, выпуск и др отглагольные существительные (см 4)

Некоторые глаголы выражают все включенные в таблицу типы количественного изменения: расти с префиксальными дериватами возрастать/возрасти, вырастать и нарастать/нарасти, увеличиваться/увеличиться, падать/упасть, понижаться/понизиться, снижаться/снизиться (Снижается инвестиционная активность; Екиж. 45/91:6), уменьшаться/уменьшиться. У других глаголов наблюдаются указанные в таблице в конце статьи ограничения сочетаемости.

3.2. Адвербиальные детерминанты

В соответствии с информативной задачей экономических текстов количественные изменения во многих случаях точно определяются. Можно конкретизировать исходную точку (конструкции с предлогами *с* и *от*), конечную точку (конструкции с предлогом *до*), различие между исходной и конечной точками (конструкции *на x%*, *в x раз*), сравнительную величину (по отношению к чему, пропорционально чему), средство или источник (При этом расходы сократятся за счет номинального замораживания и снижения в реальном исчислении расходов на оборону, ...; Экиж.45/91.7, В связи с ростом цен и увеличением денежных доходов резко возросла необходимость в наличной денежной массе, дефицит которой усугубился замедлением оборачиваемости денежных знаков из-за оседания значительных сумм на руках у населения; ЭГ 4/92:4), образ (как: постепенно, быстро и т.д.).

Временные ограничители как временной период, момент времени/временная точка (за какой-то срок, в какой-то момент времени) сочетаются только с совершенным видом или с историческим или профетическим презенсом рассматриваемых глаголов (ср.: 20-го апреля цены выросли с 10 р. до 20 р.). В тексте сравнительная величина, как и другие детерминанты, естественно, могут находиться и в более дистантной позиции к глаголу.

В вопроснике была выявлена сочетаемость исследуемых глаголов со следующими определениями: с — до (с 20% до 30%), на (на 50%), в x раз (в два раза), значительно, быстро, постепенно, полностью, сильно. Результаты указаны в таблице (см. раздел 6.).

Точная детерминация, естественно, возможна лишь для измеряемых параметров; такие же комплексные понятия, как *кризис* допускают только неопределенную градацию. С контрастивной точки зрения интересно, что конструкциям типа *увеличиваться/повышаться/уменьшаться* и т.д. *в x раз* в немецком языке соответствуют другие

конструкции с процентными указаниями (ср.: увеличиться в два раза — *sich verdoppeln, sich auf das Zweifache vergrößern*; уменьшаться в три раза — *sich auf ein Drittel verkleinern oder sich um zwei Drittel verkleinern*, уменьшение скорости в 1,5 раза — *Geschwindigkeitsverringerung auf 66,6%* или *um ein Drittel*, уменьшение скорости в 15 раз — *Drosselung der Geschwindigkeit auf 6,7%* или *um 93,3%*; ср. Birkenmaier, Mohl 1991:135-140).¹⁰

4. Отглагольные существительные количественного изменения

Частотное употребление отглагольных существительных характерно для деловой речи и для языка специальности вообще (ср. Логинова 1968:188). Отглагольные существительные имеют те же актанты как глаголы, ср.: увеличение чего, на сколько, по сравнению с чем и сочетаются либо с фазовым глаголом (начинаться/начаться, продолжаться; кончаться/кончиться) либо с глаголом изменения количества, а именно ускоряться/ускориться, усиливаться/усилиться, замедляться/замедлиться, слабеть/ослабеть; частично допускается и уменьшаться (рост, падение).

Спад производства охватил все отрасли экономики (Экиж 45/91.6)

Темпы прироста денежных доходов опережают темпы прироста расходов населения на покупку товаров и услуг (Экиж 45/91.6)

Ввод в действие основных фондов сократился на 25% (Экиж 45/91.6)

Частотные существительные следующие:

'становиться больше' возрастание, повышение (п. норм, п. зарплат ускоряется), прирост (прирост чаще всего обозначает не процесс а итоги; п. денежных доходов, п. электроэнергии, п. потребительских расходов, п. населения), развитие (степени р.-я, продолжение р.-я без погашения), распространение, расширение (р. объема рынка), рост (р. взяточничества, р. прибыли, р. цен)¹¹, увеличение (у производства), ускорение, усиление и некоторые другие. Следует обратить внимание на то, что некоторые существительные могут обозначать как процесс так и действие (см. выше *прирост*), существительное *завышение* вообще обозначает деятельность, а не процесс (ср. з. цен и тарифов)

'становиться меньше' ограничение, отток, падение (п. производительности ускоряется), понижение (п. цен), снижение (с. реального уровня объемов производства, с. выпуска ценных бумаг); сокращение (со поступления, с. производства), спад (нарастает спад производства).

5. Резюме: Семантические и синтаксические различия между глаголами изменения количества

В таблице собраны результаты опроса и анализа текстов. К каждому глаголу дается один — два типичных примера его употребления. В правой рубрике указывается специфика выражаемых значений количественного изменения, причем используются следующие сокращения: "о" обозначает изменение объема или размера, "ч" — изменение количества или числа отдельных объектов, "т" ("точка на шкале") — изменение позиции на шкале, и "и" — изменение интенсивности градуированных референтов. Кроме того, указываются возможные с данным глаголом адвербиальные детерминанты.

6.1. Глаголы со значением "становиться больше"

<p>возрастать/ возрасти Незавершенное строительство возросло более чем на треть (ЭГ 4/92 4,5). Преступность возросла практически повсеместно. Стоимость возросла на 2,5 млрд р Возрастает скорость поезда</p>	<p>становиться/стать больше о, ч, т (и?) с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, полностью, сильно. (с /до только сов или многокр.д.)</p>
<p>вырасти (нес вид 'вырастать' значит начинать от нуля - предельный глагол) выросло производство</p>	<p>стать больше о, ч, т с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, полностью, сильно. (с /до только сов. или многокр.д.)</p>
<p>нарастать (в данном значении только несов) нарастает безработица; нарастают требования к поступающим в ВУЗы, нарастают темпы инфляции</p>	<p>становиться больше (еще быстрее расти) о, ч, т, и (ограничения!) значительно, быстро, постепенно</p>
<p>повышаться/повыситься В 1,7 раза повысилась общая сумма средств. (ЭГ 4/92 4)</p>	<p>становиться/ стать больше ч, т с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, полностью, сильно. (с /до только сов или многокр.д.)</p>

<p>подниматься/подняться</p> <p>Тарифы на услуги связи для населения поднялись на одну треть. (ЭГ 4/92:4)</p>	<p>становиться/стать больше (только полож. или нейтр. оцениваемые явления)</p> <p>Т</p> <p>с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, полностью, сильно. (с /до только сов. или многокр. д.)</p>
<p>расти</p> <p>растут темпы инфляции; спрос растёт</p>	<p>становиться больше</p> <p>О, Ч, Т, И</p> <p>на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, сильно</p>
<p>расширяться/расшириться</p> <p>расширяются банки (капитал, число клиентов, число операций, площадь зданий)</p>	<p>становиться/ стать больше (1. знач.: стать больше по широте, только от физических объектов)</p> <p>О, Ч</p> <p>значительно, быстро, постепенно</p>
<p>увеличиваться/увеличиться</p> <p>Увеличились выплаты пенсий в 1,7 раза (ЭГ 4/92:4) За 1991 год увеличилась заболеваемость злокачественными новообразованиями (ЭГ 4/92:4)</p>	<p>становиться/ стать больше</p> <p>О, Ч, Т</p> <p>с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, полностью, сильно. (с /до только сов. или многокр. д.)</p>
<p>удваиваться/ удвоиться/ утраиваться и т.д.</p> <p>Что же будет, если такая задолженность, скажем, удвоится (ВТ 10/91:5)</p>	<p>становиться/ стать в два/ три раза больше</p> <p>О, Ч</p> <p>в х раз, быстро</p>
<p>умножаться/ умножиться</p> <p>умножилось производство машин (= умн. их число)</p>	<p>становиться/стать больше (первичное знач. матем.)</p> <p>Ч</p> <p>в х раз, значительно, быстро</p>
<p>усиливаться/ усилиться</p> <p>кипение воды усиливается</p>	<p>становиться/стать более каким-то в каком-то отношении (близко к количественно-качественному скачку)</p> <p>И</p> <p>значительно, постепенно</p>
<p>ускоряться/ ускориться</p> <p>все сильнее ускоряется рост/температура инфляции</p>	<p>становиться/стать больше по скорости</p> <p>И (процесс шпираль)</p> <p>на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, сильно</p>

усугубляться/ усугубиться кризис усугубляется, дефицит усугубляется	становиться/стать больше И (только от существительных с отрицательной оценкой) значительно, быстро, постепенно
--	---

6.2. Глаголы со значением "становиться меньше"

замедляться/ замедлиться Оборот грузового вагона замедлился на 10 из 17 железных дорог (ЭГ 4/92:5). Скорость замедлилась, выпуск ценных бумаг замедлился	становиться /стать меньше по скорости И (процесс, действие) в х раз, постепенно
падать/ упасть Устойчиво падает производство, но занятость пока сохраняется (ДЛ 12/91:52) Курс рубля падает до таких маленьких величин, ... (ВТ 10/91:2)	становиться/стать меньше О, Ч, Т с -до, на в х раз, значительно, быстро, постепенно, полностью, сильно (с/по, полностью, только сов или многокр. д.)
понижаться/понизиться В этом году понизился курс рубля	становиться /стать меньше О, Ч, Т с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, полностью, сильно (с /до только сов или многокр. д.)
слабеть / ослабеть / ослабевать Ослабевают темпы роста производства.	становиться /стать слабее/слабым (переход в качественное изменение, сов иногда предельный) И с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, полностью, сильно (с /до, полностью, только сов или многокр. д.)
сокращаться/сократиться национальный доход сократился (БИБ 47/91.1), значительно сократилось поголовье в хозяйствах (ЭГ 4/92.4)	становиться /стать меньше (необходимо пространственное представление) О, Ч с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, сильно (с /до, полностью, только сов или многокр. д.)

<p>снижаться/снизиться</p> <p>поголовье скота снизилось, снижается инвестиционная активность (Экиж45/92:6)</p>	<p>становиться /стать меньше (1-ое знач.: самолет снижается) О, Ч, Т (полож или нейтр оценка) с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, сильно. (с /до только сов. или многокр.д.)</p>
<p>уменьшаться/ уменьшиться</p> <p>Объем импорта в 1991 г... умень- шился по сравнению с 1990 годом на 46 процентов. (ЭГ 4/91:4)</p>	<p>становиться/стать меньше О, Ч, Т с — до, на, в х раз, значительно, быстро, постепенно, сильно. (с /до только сов. или многокр.д.)</p>

¹ Для цитат из газет и журналов употребляются следующие условные сокращения: Экиж (Экономика и жизнь), ЭГ (Экономическая газета), ДЛ (Деловые люди), Ог (Огонек), ЛГ (Литературная газета), МН (Московские новости), ВТ (Внешняя торговля), БИБ (Бизнес и банки), ДИК (Деньги и Кредит)

² См. например о синтаксисе числовых выражений Мельчук (1985), о квантификации на примере существительных и прилагательных в языке медицины Freidhof (1980).

³ К данному тесту см. Булыгина (1982:60)

⁴ Глаголы как и отглагольные существительные со значением возникновения и исчезновения тоже характерны для языка экономических текстов, например: *возникать/возникнуть, ликвидироваться, прекращаться/прекратиться, возникновение, устранение, ликвидация, самоликвидация, вытеснение* и др.

⁵ К транзитивным конструкциям со значением изменения количества см. Величко, Туманова, Чагина (1986). Там же (65-66) дается пример: *Применение новой техники повышает производительность труда — Производительность труда повышается благодаря применению новой техники*

⁶ Для обозначения действия 'делать цены более высокими/низкими' в языке кроме глаголов *повышать/повысить, понижать /понизить* и т.д. есть каузативные глаголы *набивать цену — каузировать становится больше* и *сбивать цену — каузировать становится меньше* (ср. Апресян 1974:295)

⁷ Акуленко (1990:20-21) употребляет еще термин "единица измерения" и указывает на то, что "системы измерителей (мезуративов) являются результатом скрещения естественных языков с метаязыками точных и естественных наук, экономики"

⁸ Марина Гловинская обратила мое внимание на то, что язык специальности вообще характеризуется отсутствием имплицитных оценок

⁹ Сердечно благодарю Е. Hoffmann за помощь при составлении вопросника и всех участников опроса, в особенности Марину Гловинскую и Риту Китайгородскую.

¹⁰ Такие, обусловленные культурой различия касаются, естественно единиц меры стоимости (австрийские шиллинги, немецкие марки, русский рубль), но и указания количества молока и молочных продуктов по весу в русском, по литрам в немецком языке, ср. 1/4 l Sauerrahm, полкило сметаны) или же указание скорости ветра в русском языке в метрах в секунду, в немецком в киломертах в час и некоторых других.

¹¹ Все приведенные в скобках примеры из двух статей: (ЭГ 4/92Б4 и сл. и ДИК 10/ 91 33-38).

Литература

- Birkenmaier, W., Mohl, I. 1991: *Russische Fachsprache*. Tübingen.
- Freidhof, G. 1980: *Quantifizierungen im medizinischen Fachwortschatz*. (=Specimina Philologiae slavicae, 28), München.
- Gerritsen, N. 1990: *Russian Reflexive Verbs. In Search of Unity in Diversity*. (= Studies in Slavic and General Linguistics, Volume 15), Amsterdam.
- Lakoff, G., Johnson, M. 1980: *Metaphors We Live By*, Chicago, London.
- Maier, I. 1991: *Verben mit der Bedeutung "benutzen" im Russischen. Untersuchungen einer lexikalisch-semantischen Gruppe*, Uppsala.
- Nowotny, H. 1990: *Eigenzeit. Entstehung und Strukturierung eines Zeitgefühls*. Frankfurt, 3.Aufl.
- Rathmayr, R. 1993a: "Das semantische Feld der Quantitätsveränderung", *Slavistische Linguistik 1992* (hgg. von S. Kempgen) Slavistische Beiträge, München (в печати).
- Rathmayr, R. 1993b: "Mündliche Rede im Fachbereich Wirtschaft: Verhandeln", *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Wien (в печати).
- Rifkin, J. 1988: *Uhrwerk Universum. Die Zeit als Grundkonflikt des Menschen*, München.
- Акуленко, В.В 1990. "О выражении количественности в семантике языка", Акуленко, В.В (отв ред) *Категория количества в современных европейских языках*. Киев, 7-40.
- Апресян, Ю.Д. 1974: *Лексическая семантика*, Москва.

- Апресян, В.Ю. 1991: "Об описании глаголов со значением действия в словаре синонимов", *Действие. Лингвистические и логические модели. Проблемная группа Логический анализ языка*. Москва, 7-8.
- Апресян, Ю.Д., Палл, Е. 1982: *Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость*. Т. 1 и 2, Будапешт.
- Булыгина Т.В. 1982: "К построению типологии предикатов в русском языке", *Семантические типы предикатов*, (отв.ред. Селиверстова, О.Н.), Москва "Наука", 7-86.
- Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. 1988: "Механизмы кватификации в русском языке и семантика количественной оценки", *Референция и проблемы текстообразования*, Москва, 5-18.
- Величко, А.В., Туманова, Ю.А., Чагина, О.В. 1986: "Выражение ситуации количественных изменений в русском языке", Величко, А.В., Туманова, Ю.А., Чагина, О.В.: *Простое предложение. Опыт семантического описания*, Москва, 44-79.
- Гловинская, М. Я. 1982: *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*, Москва.
- Засорина Л.И. 1977: *Частотный словарь русского языка*, Москва.
- Логинова, К.А., 1968: "Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху", *Развитие функциональных стилей современного русского языка*. (под ред Т.Г. Винокур и Д.Н. Шмелев), Москва, 186-229
- Матюшенко, А. *Компьютерный корпус текстов "Русские литературоведческие тексты"*, Москва, Институт Русского языка АН
- Мельчук, И.А. 1985: *Поверхностный синтаксис русских числовых выражений*. Wien, (=Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 16)
- Мельчук, И.А., Жолковский, А.К. 1984: *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка*, (=Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14), Wien
- Селиверстова, О.Н., Ишевская, Н.А. 1982: "Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка", *Семантические типы предикатов* (отв.ред Селиверстова, О.Н.), Москва "Наука", 86-157
- Цой, К.А., Муратов, Х.М. 1988: *Учебный словарь сочетаемости терминов. Финансы и экономика*, Москва

Успенский, В.А. 1979: "О вещных коннотациях абстрактных существительных", *Семиотика и информатика* XI выпуск, Москва, 142-148.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка 1978: (под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина), Москва.

23
7

72
12
12
11
11
11
11

11

11

Патрик Серьо (P. Seriot, Lausanne)

ОТ ИМЕНИ ДО ПРОПОЗИЦИИ: ПРЕРЫВНЫЙ ИЛИ НЕПРЕРЫВНЫЙ ПЕРЕХОД?

Наивные вопросы имеют то преимущество, что они помогают по-новому освещать старые проблемы. Таким вопросом является следующий: какая разница между именем и пропозицией? Слишком часто переплетаются философско-логический и лингвистический подходы к этому вопросу. Так, для Расселя и Витгенштейна (в Логико-философском трактате) роль имени, или термы, заключается в том, чтобы именовать, а роль пропозиции заключается в том, чтобы утверждать.

Иначе говоря, имена, или референтные выражения, которые реализуются под разными видами, *указывают* на объекты, а пропозиции *представляют* состояния вещей, или факты, которые, если они верны, делают предложения истинными. Это доктрина логического позитивизма.

Следовательно, имена не ложны и не истинны, они не подвергаются обсуждению, они адекватны или неадекватны тому предмету или существу, которые они представляют. Истинными или ложными могут быть только пропозиции. Как имя является заместителем вещи, так пропозиция и является заместителем состояния вещей (state of things), которое, в свою очередь, состоит из отношений между вещами.

Тогда значение не что иное, как замена представленного представляющим

Семантическая доктрина Расселя напоминает реализм в схоластическом понимании этого термина: значение мыслится как *номинация* того, что уже существует до акта говорения. Для этого и есть имена. Онтологический принцип находится внутри языка, как теоретическое основание зависимости языка от так называемой объективной действительности.

К сожалению, или к счастью, в языках существует немало таких явлений, которые не поддаются этой схеме, этому строгому разделению между именем и пропозицией. Есть такие явления,

которые выгодно распределить на непрерывной линии между именем и пропозицией. Это разные "недостающие звенья" между именем и пропозицией. Их можно найти во многих языках под видом инфинтива, герундия, масдара, и т.д. В славянских языках, в том числе и в русском языке, очень интересным таким недостающим звеном является *номинализация*. Как раз в логике ей трудно отвести место. Но в разных лингвистических теориях также нелегко найти ей подходящее место.

Одним представлением, вытекающим из большинства таких теорий, является то, что номинализация представляет собой трансформацию *чего-то другого*, обычно глагольного высказывания, который находится на другом, более глубоком, уровне. Иными словами, номинализация не представляет собой что-то исходное, оригинальное, а наоборот что-то производное, это результат каких-то операций, осуществившихся до материальной реализации данного высказывания в данном тексте.

Итак, тексты могут содержать внутри себя такие особые имена, которые отличаются от других имен тем, что они каким-то образом соотносятся с чем-то другим, а именно с глагольным высказыванием.

Однако моментально возникает вопрос: как выглядит это глагольное высказывание? И хочется задаться вопросом о том, что это значит, что текст содержит внутри себя элементы, которые пришли "извне". Где находится это "извне"? Где наружность текста? Где специфическая наружность специфического текста, его потустороннее лицо?

Но если исходить из той точки зрения, что номинализации¹ могут быть связанными с глагольным высказыванием, то еще неизвестно, как размежевать такие номинализации, которые отсылают на наружность текста от тех, которые функционируют как настоящие имена?

Вообразим себе археолога, который открывает в кажущейся сплошной каменной стене рамки замурованных окон. Почему и зачем эти окна были замурованы? На какие виды они раньше открывались? Как их снова открыть и обнаружить эту "наружность", которую они сейчас скрывают?

Таким же образом, как читать номинализации в именной синтагме? Как решать, является ли номинализация замурованным окном или простым камнем, однородным с другими? С точки зрения тени от солнца стена с замурованными окнами уподобляется стене без окон, так же как и для лингвистов-структуралистов именная синтагма

(Nmz - N₂) уподобляется именной синтагме (N₁ - N₂). Как археолог изучает историю стены, так и лингвисту приходится изучать память текста. Но для этого нужно прибавить новое измерение анализу. Это измерение того, что Бенвенист называл *énonciation*. Тут возникает интересная проблема терминологии. Во избежание возможных недоразумений я предлагаю выдумать новое русское слово, хотя оно выглядит неловко, — слово "энунциация".

Энунциация (*énonciation*) как акт, или процесс, противопоставляется высказыванию (*énoncé*) как продукту, результату. Парралельным является противопоставление говорящего и субъекта энунциации. Но подчеркнем сразу, что здесь речь идет не о психологии индивида, а о самом языке. Говорящий, это конкретный человек, который в известный момент и в данных обстоятельствах говорит. Но не нужно ему говорить, для того, чтобы существовать. Он существует прежде, чем говорить. Субъект энунциации, наоборот, не существует как таковой до акта говорения. Это точка отчета дискурса. Напомним слова Э. Бенвениста: "Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только в языке придает реальность, свою реальность, которая есть свойство *быть*, — понятию "Ego" — "мое я" (Бенвенист, 1974, стр. 293).

В том, что в одном говорящем могут сосуществовать разные субъекты энунциации, можно легко убедиться на простом примере косвенной речи ². Если сказать *Петр сказал, что Иван пришел*, то говорящий приводит слова Петра, но не является субъектом энунциации высказывания "Иван пришел". Этим субъектом является Петр.

Данный пример довольно простой. Однако проблематика косвенной речи может осложниться, если принять во внимание возможности различных прочтений одного и того же высказывания. Еще в XVII в. авторы Логике Пор-Рояля при анализе некоторых форм и конструкций языка интуитивно прибегают к понятию субъекта. Так они поступают, например, анализируя сложное предложение, включающее в себя придаточное, пытаюсь разобраться в том, где при этом главное, а где включенное предложение.

"Предложения такого рода, — рассуждают они, — иногда бывают двусмысленными и могут быть поняты по-разному в зависимости от намерения того, кто их произносит. Допустим, я говорю: *Все философы убеждают нас, что предметы, обладающие тяжестью, сами по себе падают вниз*. Если я намерен указать на то, что предметы, обладающие тяжестью, сами по себе падают вниз, первая часть этого

предложения будет всего лишь придаточной, предназначенной только для подкрепления утверждения, заключенного во второй части. Но если я, наоборот, намерен просто привести мнение философов, а сам его не разделяю, тогда первая часть будет главным предложением, а вторая — только частью атрибута. Ведь я буду утверждать не то, что предметы, обладающие тяжестью, падают сами по себе, а только то, что в этом убеждены все философы. И нетрудно увидеть, что эти два толкования данного предложения столь различны, что превращают его в два различных предложения, имеющих совершенно разный смысл" (Арно, Николь 1991:129-130).

Иными терминами можно сказать, что тут не только два прочтения одного и того же предложения, а два разных набора субъектов. В первом прочтении субъект энунциации является в то же время источником включенного предикативного отношения и опирается на суждение философов как на косвенное подтверждение своего высказывания (один субъект). Во втором же прочтении субъект энунциации приводит чужую речь а сам не принимает ответственность за включенное предикативное отношение (тут два разных субъекта)

Подобные случаи двусмысленного истолкования одного и того же высказывания чрезвычайно многочисленны в аргументативном дискурсе, в котором проблема колебания перед выбором субъекта энунциации ставится особо остро. Вот пример из русской политической речи "застойного периода" :

Народы других стран знают, что Советский Союз никогда не встанет первым на путь развязывания войны (Л И Брежнев)

Опять-таки способ истолкования зависит от того, сколько субъектов энунциации обнаруживает истолкователь в этом высказывании. В самом деле, либо говорящий только и делает, что упоминает знание других народов (два субъекта), либо то, что вставленная пропозиция после глагола пропозициональной установки ЗНАТЬ является знанием народов других стран тем самым является гарантией истинности этой пропозиции, аналогично такому выражению, как *истинно, что p*

Можно теперь вернуться к проблеме именных синтагм и предикативности. Схема С+П имеет много недостатков. Но по крайней мере она имеет то преимущество, что она указывает на разрыв между двумя несоизмеримыми категориями. По аристотелевой традиции субъект суждения — это то, о чем судят, а предикат — это то, что судят о субъекте. Однако, то что находится налево от дробы иногда

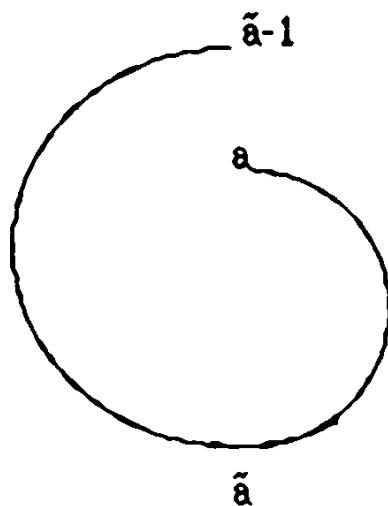
является гораздо интереснее, чем простая номинация того, что уже известно.

Нужно, во-первых, допустить, что есть что-то общее между пропозицией *производство растет* и именной синтагмой *рост производства*. Это общее является предикативным отношением (*производство*) (*расти*).

Тогда где разница? Разница проходит на уровне того, как субъект высказывания принимает на себя ответственность за предикативное отношение, иными словами, признает себя как источника, как точку отсчета этого предикативного отношения.

Вот почему я хочу подчеркнуть, что имманентное описание синтаксиса является тщетным предприятием: синтаксическое описание неотделимо от "субъективной перспективы".

Наиболее адекватным представлением амбивалентного прочтения номинализаций является, пожалуй, модель *кулачкового вала*, предложенного А. Кулиоли. Номинализация может функционировать как настоящее имя или как *память* сложного именно-глагольного выражения с более или менее десемантизированным глаголом :

Номинализацию в русском языке можно определить как потенциальный кулачковый вал . имя N_1 может вставиться в предикативную структуру. Эта предикативная структура может номинализироваться И данная номинализация может вернуться к отправному пункту (чисто именное функционирование), или же сохранить при себе что-

то добавочное, а именно предикативное функционирование (но с устраненной ассертивностью).

Можно тогда объяснить возможное двойное прочтение такой именной синтагмы, как *роль профсоюзов*, в зависимости от того, является ли данная именная синтагма

- определительным отношением :

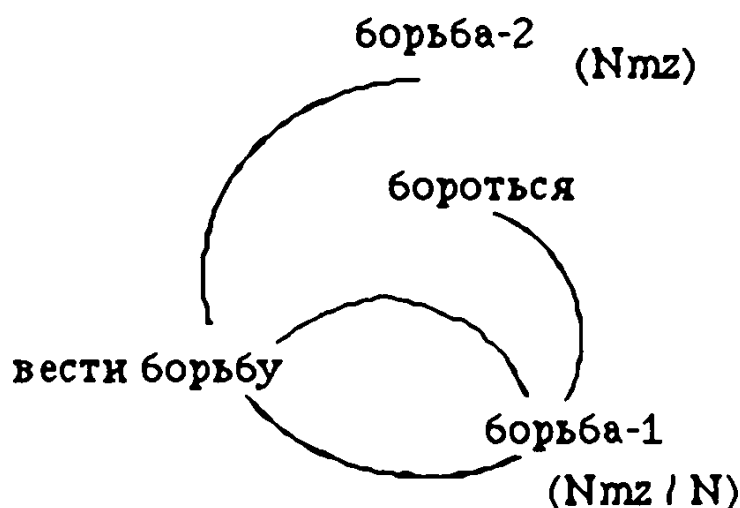
роль, которую профсоюзы играют / должны играть / играли бы...

- или предикативным (предассертивным) отношением :

профсоюзы играют, / должны играть / играли бы (некоторую) роль

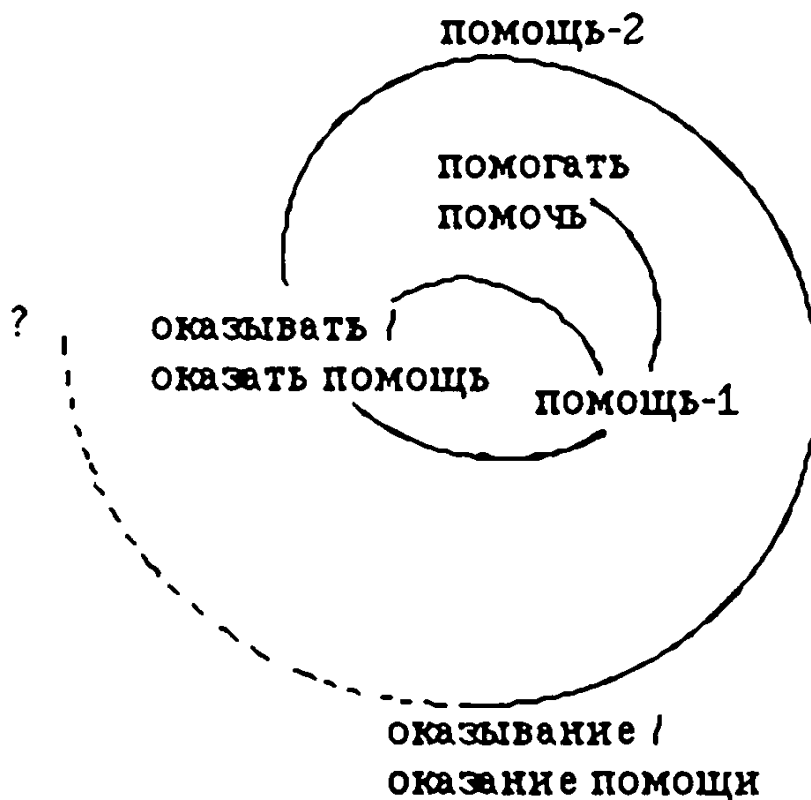
и в этом случае *роль* представляет собой именной следом предикативного отношения, в котором глагольная опора *играть* была устранена. Здесь именная синтагма *роль профсоюзов* сохраняет воспоминание высказывания, которое было сказано в другом месте и в другое время.

Можно тем же образом моделизировать амбивалентное функционирование номинализации в последовательности глагол + номинализация, то есть в аналитическом предикате в роде *вести борьбу* :

Здесь *борьба*, производное имя от *бороться*, может представлять собой либо именную часть глагольного выражения *вести борьбу*, либо след того же глагольного выражения после того, как опорный глагол *вести* был устранен - мы получаем *борьба-2*. Но на формальном уровне тут одна и та же лексема.

Наконец, еще более сложная схема нужна для описания ряда *помогать / помочь* → *помощь* → *оказывать / оказать помощь* → *оказывание / оказание помощи* :

Можно теперь вернуться к проблеме именной референции. Для таких философов языка как Фреге и Рассел проблема реальности тех вещей, которые составляют референцию дискурса (то, о чем говорится) решается путем признания того, что предикативный акт (присуждение предиката некоему субъекту) необходимо имплицитно подразумевает существование данной референции.

В этой перспективе возникает принципиальная асимметрия между двумя основными функциями высказывания:

- *идентификация (или номинация)*, осуществляющаяся посредством "собственных имен" и их субститутов: дефинитными дескрипциями (по-французски это именные синтагмы с определенным артиклем, по-русски же эту функцию выполняет именная синтагма $N_1 - N_2$, но двусмысленно, из-за отсутствия артикля);
- *предикация*, или присуждение предиката некоему субъекту, который сам уже идентифицирован.

Однако такая асимметрия возможна лишь в логицистском подходе к высказыванию. В самом деле номинализация в таких языках, как русский язык, позволяет подорвать это четкое противопоставление между именем (идентификационной функцией) и целой пропозицией (предикативной функцией): нет места для номинализации в логической системе с двумя истинностными значениями.

Можно тогда сказать, что номинализация является "недостающим звеном" между именем и пропозицией : это не только переход от одного к другой, но и не дискретный, неоднозначный переход между именем и пропозицией. К тому же номинализация в высказывании в естественном языке, в известных условиях истолкования, может представлять собой одновременно и то и другое, тем самым вызывая непредсказуемые эффекты значения.

Таким образом пресуппозиция о существовании может коснуться как таких дефинитных дескрипций, как

а) *народы Советского Союза*

так и

б) *рост производства.*

Если признать, что дефинитные дескрипции типа б) сами являются предикациями (наверное, при известном расхождении по отношению к аSSERTИРОВАННЫМ высказываниям), то можно тогда говорить не только о пресуппозиции существования вещи (область бытия), но и о пресуппозиции истинности предикативного отношения (область дискурса). Отсюда вытекает, что в некоторых синтаксических позициях именная синтагма скрывает в себе целое предикативное отношение, с устраненной аSSERTИВНОСТЬЮ

У некоторых авторов, изучающих связный, непрерывный дискурс в перспективе грамматики текста, данная пресуппозиция отсылает на анафору предыдущего высказывания, действительно существовавшего в левом контексте того же текста.

Однако то метаязыковое место, где могло бы найти источник высказывание, лежащее в основе номинализации, может находиться не только до акта производства этой номинализации, но и вне данного дискурса. Иными словами, номинализации могут отсылать на высказывания, которые *никогда* не были сказаны в ходе текста, и тогда номинализации уже нельзя считать анафорами того, что уже было сказано в левом контексте

К тому же оказывается, что номинализация представляет собой только частный случай именной синтагмы $N_1 N_2$. В этой синтагме можно обнаружить *следы* чего-то *прежнего* и *внешнего* по отношению к данной последовательности. Это объект дискурса, который субъект эНУНЦИАЦИИ присваивает себе и включает в предикативное отношение, за которое он несет ответственность. Объект дискурса не является каким-либо объектом (un "objet quelconque"), как

в грамматическом примере, он уже подвергся операциям отбора и пред-ассертивности.

Именная синтагма $N_1 N_2$ является *овеществлением* предикации. Это предикация, ставшая вещью, так как она представляется в форме имени.

Мы тем самым можем искать *слова под словами*, пропозиции под именами.

Итак, наряду с тем, что текст эксплицитно *говорит*, есть то, что текст *показывает*: включенные предикативные отношения, с расхождением в ассертивном статусе по сравнению с матричными предикатами. Можно тогда говорить о *неравной полифонии*, когда речь идет об этом переплетении разных энунциативных источников в одном и том же тексте, расположенных на разных уровнях ассертивности.

Я постарался показать, на примере номинализаций, что реальность языка сопротивляется логической формализации. Причиной этого сопротивления является то, что в языке обитают субъекты. Тем не менее присутствие субъекта в языке не является предметом психологии, так как можно обнаружить его следы в *синтаксисе* каждого естественного языка.

Исследовать связи включения с анафорой позволяет выйти за рамки лингвистики предложения и принять во внимания текстовое измерение. Однако текстовая анафора предполагает замкнутый текст, с абсолютным началом. Но анафора может отсылать на наружность текста: всегда существуют другие, чужие дискурсы *до* данного текста.

Таким образом, всякая номинация связана с предикацией. К именной синтагме следует подойти не как к имени (с его распространениями), а как к следу забытого, прежнего предикативного отношения. За каждую номинацию более или менее отсутствует субъект энунциации. Отсюда вытекает, что нет "настоящих имен", даже нет "собственных имен" (логических или нет). Ни собственное имя ни нарицательное имя не принадлежат объекту, они являются результатом операций предикации и ассертивности с расхождением по отношению к пропозиции. Язык не является "*отражением объективной действительности*", а скорее моделизирующей деятельностью субъекта энунциации, который берет уже существующий материал высказываний, чтобы его превращать в объект своего дискурса.

От имени к пропозиции переход не дискретный, непрерывный : "факты", "состояния вещей" не являются категориями действительности, а языка. Материал наших речей — это чаще (чужие или не чужие) слова, чем вещи.

Я хочу закончить эту работу маленькой проповедью

Братья и сестры лингвисты!

Не доверяйте именам!

Они больше скрывают, чем кажется.

Не принимайте именные синтагмы за распространение имен.

Они больше говорят, чем именуют.

Не путайте говорящего с субъектом энонциации

Ведь в каждом говорящем обитает несколько субъектов

Не путайте настоящие высказывания с грамматическими примерами. Ведь не все же наши слова нам принадлежат

И, наконец, не думайте, что язык только и делает, что описывает внеязыковую действительность

Как мы не живем в необитаемом мире, так и мы не говорим в не оговоренном мире

¹ Пока под номинализациями будем иметь в виду отглагольные и отадъективные имена

² Напомним, что проблема косвенной речи послужила исходным материалом для работы Бахтина / Волошинова "Марксизм и философия языка"

Литература

Арно А., Николь П 1991 *Логика, или Искусство мыслить*. Москва (первое издание Arnault A., Nicole P.: *La logique, ou l'art de penser*, 1962).

Бенвенист Э., 1977: *Общая лингвистика*, Москва (первое издание *Problèmes de linguistique générale*, Paris., Gallimard, 1966).

Волошинов В Н (Бахтин М М.), 1929 *Марксизм и философия языка*, Ленинград.

Кулиоли А 1968. Culioli A: "La formalisation en linguistique", *Cahiers pour l'analyse*, 9, 106-117.

Симонетта Синьорини (S. Signorini, Firenze)

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

Предметом данного исследования являются инфинитивные предложения, т.е. предложения с предикатом, выраженным инфинитивной формой глагола (SV inf). Они составляют, как известно, одну из характерных особенностей русского синтаксиса как на современном этапе, так и в более древний период его истории. Инфинитивные предложения обладают богатым семантическим потенциалом и отличаются большой продуктивностью и частотностью употребления в письменных текстах и в устной речи.

Инфинитив всегда был и остается предметом дискуссий среди лингвистов (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и другие), которые видят в нем преобладание то номинативных, то глагольных черт, то совмещение тех и других характеристик. В *Лингвистическом энциклопедическом словаре* инфинитив определяется как: «нефинитная форма глагола (вербоид) [...] используемая для оформления сказуемого, а также слов с предикатным значением в позициях именных членов предложения» (Ярцева 1990:198). С исторической точки зрения, инфинитив представляет собой форму имени со значением действия, а именно застывшую форму дательного падежа единственного числа отглагольного существительного с основой на *-i и суффиксом -i-, которое потеряло остальные формы парадигмы. В инфинитиве все внимание сконцентрировано на значении потенциальности действия. Его нефинитная форма отвлекает действие от деятеля (или эксперента) и «благодаря своей отвлеченности представляется [...] простым, голым выражением действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее глагольными категориями» (Пешковский 1956:131)

Анализ семантико-синтаксических и функциональных характеристик инфинитивных конструкций в русском языке XVII века дает возможность определить их роль в письменной традиции данной эпохи и проследить, как они использовались и воспринимались в той языковой ситуации. В рассмотренных текстах инфинитивные конструкции характеризуются наличием в них предиката в нефинитной форме и субъекта, выраженного именным компонентом в дательном падеже

(1, 2). В предложениях, в которых субъект формально не выражен, он всегда имплицитен и его можно определить из контекста (3). Таким образом, исходная схема инфинитивных предложений «SV(inf)» превращается в следующую: «SN (D) + SV (inf)».

- 1... тут намъ начевать (*Повесть о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем*, 74)
2. Онъ же размышляя, како ему ехать...(*Повесть о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем*, 74)
3. Какъ бы нибудь вырваться нынѣча зимою или весною, какъ бы нибудь съ Дону (*Письмо Петра Ивановича Хованского к жене*, 30)

Субъект инфинитивных предложений

Субъект инфинитивных предложений, вербализованный именем в дательном падеже, обозначает личный, одушевленный агенс или неодушевленный. Одушевленный агенс выражается в большинстве случаев личными местоимениями: Я (автор-говорящий, 4), Ты (адресат, слушатель-читатель, 5) и ОН-ОНА (третье лицо) в роли потенциального субъекта действия в диалогической речи (7) и в повествовательном тексте (2). Иногда в функции названного субъекта выступают и местоимения множественного числа: Мы (включающее и говорящего-пишущего, 1) и Вы (включающее и адресат, 6) ! При одушевленном субъекте глагольная предикативная модель инфинитива (1,2,4,5,6,7) обозначает различные модальные отношения между потенциальным субъектом и миром

4. «Ну, мамушка, уже быть такъ, того мне не возвратить» (*Повесть о Фроле Скобееве*, 57)
5. «Чесо тебѣ, душа моя, ево стыдится » (*Повесть о купце, купившем...*, 77)
6. «Коли вы, багатыри, приѣдете х Киеву, тогды не узнаете дороги, куды вам бѣжати... » (*Сказание о киевских богатырях*, 131)
- 7 Да како же ей, девичье дѣло, како ей раздетца при тѣбѣ?» (*Повесть о купце, купившем...*, 76)

Неодушевленный агенс в роли субъекта выражается собственным именем (8) или нарицательным существительным (типа «беда, церковь, венчание, брак» и другие, см примеры 9, 13, 14) В инфинитивных предложениях при неодушевленном субъекте в дательном

падеже употребляется в роли предиката глагол «быть» с именной частью (8) или со значением экзистенции

8. И почему было Москвѣ царством быть... (Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы, 123)

9. ...и назнаменова, гдѣ быти церкви во имя пресвятыя богородицы, честнаго и славнаго ея Рожества (Повесть о Тверском отроче монастыре, 117)

Место потенциального субъекта нестабильно; оно меняется в зависимости от типа предиката и от его модального значения. Субъект чаще всего препозитивен по отношению к инфинитивной форме глагола состояния, изменения или действия, обозначающей должествование или возможность (см. примеры 1,2,4,5,6,7, и 10); однако он может быть и постпозитивен (11).

10. ...но некоему насъ с тобою видети (Повесть о Карпе Сутулове, 67)

11. Поехать мнѣ х Киеву для ратнова оружия (Повесть о Сухане, 136)

В примере (11) постпозиция одушевленного субъекта объясняется значением желательности, выраженным инфинитивной конструкцией. Когда в предикативной функции встречается глагол «быть» с именной частью или с признаком экзистенции, субъект постпозитивен (см. примеры 9,12,13,14).

12. Аще сие ми сотвориши, еже быти ми в дому Викентиевѣ и видѣти жену его... (Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей, 82)

13. И та сестра ево весма о том сокрушалась, понеже что «ежели признает ево, то конечно быть великой беде брату моему... (Повесть о Фроле Скобееве, 56)

14. И тако совѣщастася во всем, и быти в томъ селѣ браку, и вѣнчатися в церкви (Повесть о Тверском отроче монастыре, 113)

Если в инфинитивных предложениях используются два именных компонента в дательном падеже, первый является субъектом, а второй имеет функцию локализатора (участника события или производителя действия). В предложении (13) огорчение сестры

объясняется уверенностью, что у ее брата непременно будет беда. «Быть великой беде брату моему» - это высказывание, раскрывающее событие в личной жизни человека.

Последовательность SV (inf быти) + SN (D) объясняется значением неизбежности, неминуемости, выраженным инфинитивной формой бытийного глагола.

В предложении

15. ... в том же и самому паки к богу быти (*Повесть о Карпе Сутулове*, 67)

препозиция именного компонента по отношению к предикату зависит от семантики глагола «быти», обозначающей движение (идти к богу), пребывание/нахождение, состояние (быти, находиться у бога), и от модальности возможности, выраженной инфинитивной конструкцией.

Предикат инфинитивных конструкций

В инфинитивных предложениях (см. примеры 1-15) глаголы, выступающие в предикативной функции, можно разделить на две группы: а) группа с глаголом «быти» (с именной частью или в значении экзистенции), и б) группа с глаголами состояния, изменения или действия. Эти две группы по-разному определяют семантику инфинитивных предложений, маркированных значением модальности. В данных предложениях модальность выражается отношением между действием и его субъектом, названным именем в дательном падеже или потенциально (Виноградов 1986: 490). Модальные отношения между субъектом и действием, т.е. «внутрисинтаксические модальные отношения» (Золотова 1973: 151), определены семантикой предикативной оси, синтаксическим строем и интонацией.

Модели инфинитивных предложений «SN(D) + SV(inf)» свойственны значению модальности долженствования (включающего и неизбежность) и значению модальности возможности = невозможности, иногда приближающейся к модальности долженствования до полной нейтрализации. Инфинитивные предложения с предикативным компонентом, выраженным глаголами состояния, изменения или действия, встречаются в текстах с самых древних времен. Они наиболее употребительны в юридических памятниках благодаря своей внутренней семантике, связанной с полем установления каких-либо норм, прескрипций общего характера, оформленных в виде приказа.

волеизъявления, которые не требуют интерференции со стороны адресата.

16. ѡже ли не боудеть кто юго мьста то положити за голову п̄
г̄рвн̄ь (*Русская Правда*)

В этом примере главная часть предложения содержит утверждение универсального характера, что объясняет отсутствие эксплицитного выражения адресата, и выражает модальность деонтического долженствования. В этом высказывании не описывается действие, но утверждается акт, обязательность которого относится к близкому будущему или даже к сегодняшнему дню, но не к ситуации, предшествующей времени кодификации данной нормы. В нормативных текстах в предложении со структурой типа «*оже ли... [пресуппозиция], то + SV(inf)*» - предполагаются адресант (отдающий распоряжения) и адресат (представитель общества того времени). Адресант изъявляет свою волю, требует выполнения действия (*SV (inf)*) и формирует его имплицитно, с нулевой морфемой связки «*быти*» (\emptyset). Прагматическая импликатура «*А приказывает/дает распоряжение В, что данное действие должно быть*» эксплицитируется в предикативную группу, которая состоит из «*связки в безличной форме (быти impers) + SV(inf)*». В высказывании, деиктическим центром которого являются адресант и момент кодификации, связка опускается: она нулевая. Таким образом, предложение прескриптивного типа с модальным значением деонтического долженствования имеет следующую структурную схему «*SN(D) + быти (impers) + SV(inf)*», в которой *SN(D)* - именной компонент формально не выражен, но семантически имплицитен, *быти(impers)* - связка с нулевой морфемой в настоящем времени, всегда пропущенная, и *SV(inf)* - глагол в инфинитиве.

В нормативных текстах древнего периода инфинитивные конструкции со значением деонтического долженствования более распространены, чем императивные. Это объясняется тем, что показатели лица в парадигме императива лимитируют поле адресата, а в таких текстах адресат не ограничен.

В других типах текстов не всегда точно определяема модальность инфинитивных конструкций. Более распространенные модальные значения долженствования и возможности/невозможности иногда пересекаются и накладываются одно над другое. В частности, модальность долженствования выделяется четко, а модальность возможности проявляется часто в одном ряду с модальностью долженствования.

В ненормативных текстах внутрисинтаксические модальные отношения в инфинитивных предложениях определяются не только семантикой глагольного компонента, но и контекстом.

В предложении (1) сообщается, что акт проведения ночи относится к субъекту и утверждается как потенциальное действие, но не говорится о том, является ли он вольным или принужденным решением говорящего. А из контекста (Слуга же отвеша: «Сей двор постоялой, туть намь начевать»), ясно, что речь идет о вольном решении провести ночь в том месте, куда пришли персонажи повести. Слова «сей двор постоялой», находящиеся в пресуппозиции, раскрывают модальное значение возможности ночевать в этом месте.

Как уже было сказано, глаголы, выступающие в роли предиката, в инфинитивных предложениях можно разделить на две группы.

а) Группа с глаголом «быти» (SV(D) + SV (inf быти))

17. И немалу же времени минувшу, абие разболѣся Савва, и бѣ болѣзнь его велми тяжка зѣло, и быти ему к смерти (*Повесть о Савве Грудцыне*, 51)

18. И тако сѣдоста вкупѣ на мѣсто свое, яко же быти вскорѣ вѣнчанию ихъ (*Повесть о Тверском отроче монастыре*, 115)

В предложениях (17-18, и 9, 13-14) инфинитивная форма глагола «быти» сопровождается субъектом в дательном падеже с признаком одушевленности (ему) и неодушевленности (великой беде, браку, вѣнчанию, церкви) Среди слов с признаком неодушевленности есть слова, обозначающие переживание (беда), события человеческой жизни (брак, вѣнчание), предметы окружающего мира (церковь). Разнообразие имен в функции субъекта в русском языке XVII века говорит о том, что категорическое утверждение бытия приложимо ко многим сферам человеческой жизни, тогда как в современном языке инфинитивные конструкции с глаголом «быти» употребляются реже - главным образом в контекстах, связанных с событиями и явлениями природы (см. «быть беде, быть грозе»)

Во всех приведенных примерах мы имеем дело с иллокутивными актами с динамической интонацией, в которых утверждается, что компонент X (субъект в дательном падеже) «есть быти» (в смысле, что он должен «быти» и это неизбежно) Внутрисинтаксическая модальность выражает деонтическое долженствование в варианте неизбежности, которая представляет следующий этап установления

нормы (Булыгина, Шмелев 1991:17). Утверждение, эксплицируемое моделью «SN(D) + SV (inf быти)», вытекает из предыдущего высказывания. Например, в предложении (13) иллокутивный акт «быть великой беде брату моему» вводится словами «то конечно».

Все предложения включают пресуппозицию, а речевой акт инфинитивных предложений является результатом действия высшей силы или волеизъявления личности, снимающего возможность выбора. В высказывании (17) говорится о том, что физические силы человека ограничены: он может терпеть болезнь до определенного предела. Когда лимит сил исчерпан, ему предстоит только смерть («быти ему к смерти»). Исследованный материал подтверждает предположение о действии высшей силы или о волеизъявлении личности в актуализации инфинитивных конструкций с глаголом «быти» (см.19-21) и предположение о том, что модель «SN(D) + SV (inf быти)» вытекает из модели, типичной для инфинитивных конструкций прескриптивного типа, «SN(D) + быти (impers) + SV (inf)» (см. пример 8, в котором употребляется связка в новом прошедшем времени: «...почему было Москвѣ царством быть»). С XIV-XV вв. распространяются конструкции с безличным глаголом «было + инфинитив», в которых было восходит к форме 3-го лица перфекта глагола быти среднего рода, т.е к было есть Тимофеев 1959).

19 Ну, мой другъ, уже быть такъ, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже такъ богъ судил (*Повесть о Фроле Скобееве*, 62)

20 Богу убо тако изволившу быть мнѣ с тобою в совокуплении (*Повесть о Тверском отроче монастыре*, 116)

21 Князь же великий Япославъ по прошению его повелѣваетъ всему быть (*Повесть о Тверском отроче монастыре*, 113)

б) Группа с глаголами состояния, изменения или действия (SN(D) + SV(inf))

22 И сестра ему ответствовала «Полно, братецъ, издиватся! Что мне делать, когда я несчастна моим прошением к тебе?» (*Повесть о Фроле Скобееве*, 59-60)

23 Побѣда [здесь - беда] моя! Где мнѣ, госпоже моя, укрытися срама ради? (*Повесть о Карпе Сутулове*, 68)

24 ...и тебѣ бы немедленно до мене ѣхати (*Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей*, 84)

25. Мнѣ убо, грешному [...] дѣлу сему прикоснуться (*Повесть о Марфе и Марии*, 106)

26 ...онъ же знаетъ, кому жити или кому умерети (*Повесть о Савве Грудцыне*, 42)

27. Пашам вашимъ от них за море итти! (*Повесть об Азовском сидении донских казаков*, 144)

Во всех предложениях (22-27) встречаются субъект - имя с признаком одушевленности и предикат - глагол действия (делать, прикоснуться, укрыться, итти, ѣхати, см. примеры 22-25, 27) или изменения состояния (умерети, см. 26), которые являются синтаксически не контролируемыми, но семантически связанными с модальностью долженствования и возможности/невозможности. Данные основные модальные значения модифицируются присутствием частицы «бы» и вопросительными местоимениями и наречиями.

Предложение (24) волюнтивного типа речи с частицей «бы» обозначает совет, рекомендацию, а предложения (22,23,26) изобразительного типа речи с вопросительными словами выражают осмысление субъектом предстоящего действия, альтернативных намерений, своих возможностей (Золотова 1990:344).

Предложения с личным местоимением «я» в функции семантического субъекта выражают сомнение (22,23,26) или декларацию (25) В примере (22) слова, произнесенные сестрой - это не вопрос, требующий ответа да - нет, а речевой дубитативный эмоционально окрашенный акт, в котором семантическое отношение между именным и глагольным компонентами носит субъективный, личный характер. Оно располагается между модальностью возможности (что же я могу сделать?) и модальностью долженствования (что же я должен делать?). Здесь наблюдается совмещение этих двух модальных значений, которые нейтрализуются

В предложении (23) сообщается о том, что говорящий (я) совершил преступление, а теперь не знает, как ему поступить После нарушения этической нормы («срама ради») он обращается к адресату, чтобы получить от него ответ - совет по поводу ситуации, касающейся своего микрокосма

В декларативном предложении (25) говорящий эксплицирует свое отношение к внешнему миру, а высказывание обладает эпистемической модальностью долженствования, связанной с его личной сферой В следующем примере

28. Поехать мнѣ х Киеву для ратнова оружия (*Повесть о Сухане*, 136)

выражается мнение говорящего о необходимости осуществления сообщаемого.

Когда в роли субъекта в форме дательного падежа выступает местоимение «мы», включающее и говорящего, модальные значения долженствования и возможности совмещаются и происходит их нейтрализация (29).

29. С чем нам ко князю Владимиру появиться (*Повесть о киевских богатырях*, 133)

Это высказывание воспроизводит размышление субъекта, как бы раскрывая его внутренний мир.

Предложение (24) с местоимением «ты» в функции субъекта выражает пожелание, побуждение. Говорящий обращается к адресату, излагая свою точку зрения в виде пожелания, рекомендации. Здесь значение деонтического долженствования смягчается частицей «бы» - носителем оттенка вежливости, желаемости.

Есть еще предложения с именным компонентом, выраженным местоимениями или именами, обозначающими третьего участника речевого акта (27). Они обладают модальностью долженствования. В них говорится о событиях, представленных как прескрипции для достижения цели.

Что касается структурной схемы инфинитивных конструкций с предикатом, выраженным глаголом состояния, изменения или действия «SV(D) + SV (inf)», то и ее можно отнести к модели со связкой «быти» в безличной форме «SV (D) + быти (impers) + SV (inf)». В реализации этой модели связка имплицитна, когда высказывание относится к настоящему времени. Когда точка отсчета - прошедшее или будущее время, связка встречается в форме старого имперфекта «бѣ» (30), нового импрефекта «было» (8) или будущего времени «будет» (31).

30. Предиреченнаго же отрока не бѣ слухом слышати на много время (*Повесть о Тверском отроче монастыре*, 117)

31. Брате Савва, доколе здѣ во единомъ граде маломъ намъ жити будетъ? (*Повесть о Савве Грудцыне*, 47)

С помощью отрицательных частиц «не, ни» или других отрицательных лексем в инфинитивных предложениях выражается модальность невозможности вместе с дополнительным оттенком субъективно-

эпистемической модальности - уверенность говорящего в неосуществимости сообщаемого (32,33, 10):

32. ...не бывать уж намъ на святой Руси! (*Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков*, 151)

33. ...чтобы им отнюдь моих грамотокъ не прочитатъ и батюшковых (*Переписка Ф.П.Морозовой с Аввакумом и его семьей*, 584)

Таким образом, анализ указанных источников позволяет утверждать, что в инфинитивных конструкциях русского языка XVII века модальность долженствования, включая вариант неизбежности, является их основным семантическим значением. Это объясняется тем, что в русском мире той эпохи, характеризовавшейся строгими правилами в религиозной и в общественной сферах, понятие долга еще весьма значимо. Достаточно вспомнить три события этого века - Реформа Никона, Раскол и составление *Уложения* Алексея Михайловича, в основе которых лежит идея долга: долг перед Богом, долг перед церковью и долг перед царем.

В русском языке этого периода внутрисинтаксическая модальность выражается не только инфинитивными конструкциями, но и эксплицитно, т.е. модальными глаголами, краткими прилагательными и предикативами как «мочь», «хотети», «должен», «надлежит» (обозначающим то, что «лежит над», в чем можно видеть образ высшей силы), «подобает»² (со значением необходимости совершения действия так, как это соответствует правилам поведения) и др. с инфинитивом (SV(inf)). Инфинитивные предложения со своей сжатостью и выразительностью более характерны для текстов нормативного, юридического характера и для текстов (повестей и писем), в которых мир не отождествляется с церковным миром с его стереотипами, метафорами и образами, но открывается новым реалиям. Это мир конкретного человека с его слабостями, страстями и добродетелями, т.е. мир индивидуума.

В инфинитивных предложениях именной компонент с признаком одушевленности в дательном падеже подчеркивает присутствие человека, а также личные отношения между субъектом и предикатом. Это подтверждается тем фактом, что инфинитивные конструкции употребляются часто в прямой речи - в монологе или в диалоге.

Рассмотренные источники позволяют сделать еще одно, последнее наблюдение: слово «долг» встречается редко и, как правило, в его первичном значении, т.е. в значении того, что было взято взаймы

(деньги или что-либо другое) и что надо отдать, а «должный, должен» обозначает «должник», хотя отмечается тенденция к его употреблению с модальностью долженствования.

В заключение можно сказать следующее:

1. модель инфинитивных предложений «SN(D) + SV (inf)» вытекает из модели со связкой быти: «SN(D) + быти (impers) + SV (inf)», что является сигналом модальности долженствования.
2. Инфинитивные предложения XVII века выражают чаще всего модальность долженствования; модальность же возможности не всегда четко выражена. Иногда эти две модальности нейтрализуются.
3. Инфинитивные предложения частотны в русском языке этой эпохи и, как правило, тяготеют к разговорности. Этим объясняются их дальнейшее развитие, расширение диапазона употребления и обогащение их семантики.

¹ Напоминаем, что в языке XVII века местоимение *ВЫ* не функционирует как форма вежливости (Benacchio 1985).

² Модальные предикативы «надлежит» и «подобает» имеют явный оттенок книжности.

Использованные источники

- Повесть о Савве Грудцыне, в Памятники Литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая, Художественная литература, Москва, 1988*
- Повесть о Фроле Скобееве, там же*
- Повесть о Карпе Сутулове, там же*
- Повесть о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем, там же*
- Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей, там же*
- Повесть о Марфе и Марии, там же*
- Повесть о Тверском отроче монастыре, там же*
- Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы, там же*
- Сказание о киевских богатырях, там же*
- Повесть о Сухане, там же*

Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков, там же
Переписка Ф.П.Морозовой с Аввакумом и его семьей, там же
Русская Правда, под ред. Е.Ф.Карского, АН СССР, Ленинград, 1930
 Хованский П.И., *Частная переписка кн П.И.Хованского, его семьи и*
родственников, Москва, 1905

Литература

- Брицын В.М. 1990: *Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке*, Наукова думка, Киев
- Булыгина Т.В, Шмелев А.Д. 1991: 'Концепт долга в поле долженствования', *Логический анализ языка. Культурные концепты*, Наука, Москва:14-21
- Виноградов В.В. 1986: *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, изд. третье, Высшая школа, Москва
- Золотова Г.А. 1973: *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, Наука, Москва
- Золотова Г.А. 1982: *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*, Наука, Москва
- Золотова Г.А. 1990: 'О русских инфинитивных предложениях', *Festkrift till Carin Davidsson, Carina Amicorum Åbo Academia*: 341-350
- Кобозева И.М., Лауфер Н.И. 1991: 'Семантика модальных предикатов долженствования', *Логический анализ языка. Культурные концепты*, Наука, Москва: 169-175
- Пешковский М.А. 1956: *Русский синтаксис в научном освещении*, Учпедгиз, Москва
- Седельников Е.А. 1968: 'Инфинитивные предложения в древнерусском языке (по памятникам XI - XIV вв.)', *Научные доклады высшей школы, Филологические науки*, 3: 66-77
- Тимофеев К.А. 1959: 'Об основных типах инфинитивных предложений в древнерусском языке' *Ученые записки ЛГУ, Серия Филологических наук*, вып. 55: 3-25
- Ярцева В.Н. (глав. ред.) 1990: *Лингвистический энциклопедический словарь*, Советская Энциклопедия, Москва

- Benacchio Berto R., 1985: 'L'allocutivo referenziale di cortesia *vy* nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico', *Atti del Colloquio Lingue slave e lingue romanze: un confronto*, Firenze 25-26 gennaio 1985; ETS editrice, Pisa.
- Veyrenc J., 1979: *Les propositions infinitives en russe*, Institut d'etudes slaves, Paris

Riassunto

Le frasi infinitive nella lingua russa del XVII secolo

Studio delle frasi infinitive nella lingua russa del Seicento dal punto di vista sintattico e semantico. Dall'analisi risulta che il loro schema "SN(D) + SV(inf)" deriva da quello "SV(D) + byti(impers) + SV(inf)", tipico delle frasi di tipo normativo, prescrittivo, già ampiamente diffuse nel russo antico. Ciò spiega il prevalere della modalità "dovere" nelle sue varie accezioni sugli altri significati modali esplicitati dalla relazione semantica fra componente verbale e componente nominale.

Алан Тимберлейк (A. Timberlake, Berkeley)

ПРЕДИКАТ КАК ТЕКСТ (МОДАЛЬНОСТЬ КАК КВАНТИФИКАЦИЯ)

Очевидно, что модальность не исчерпывается модальными категориями предиката. Если обобщить семантику этих категорий, оказывается, что модальным является любой семантический процесс, при котором сравниваются разные варианты одной действительности. Согласно этому (довольно широкому) понятию, модальность наблюдается везде, на всех уровнях семантики, с уровня внутренней семантики предиката до уровня текста, и модальность представляется скорее нормальным чем исключительным явлением. В настоящем докладе предлагаю попытку установить общие свойства модальности путем исследования двух глаголов со внутренней модальной семантикой.

Рассмотрим сначала семантику глагола *ждать*, одного из группы глаголов, факультативно управляющих родительным падежом дополнения. Можно думать, что любой предикат излагает хронику, т. е. излагает серию состояний на временной оси. Состояния могут или меняться или не меняться с течением времени, могут достичь или не достичь внутреннего предела, и так далее. В этих состояниях принимают участие разные единицы, выполняющие определенные роли. *Агентом* можно назвать ту единицу, которая ответственна за данную серию состояний. *Темой* можно назвать ту единицу, о чьих изменениях в состоянии повествует предикат. (Имеется в виду, что речь идет о внутренней теме предиката, а не о теме на уровне актуального членения предложения).

Та хроника, которую излагает предикат *ждать*, включает в себя два подмира. В одном подмире отсутствует контакт между единицами, названными актантами предиката. В примере (1),

1 Я ждала гнева Анны Андреевны, и гнев разразился.

«Настоящий мир состоит из двух подмиров, в исходном отсутствует контакт между агентом (индивидуальным) и темой (таким появлением, какое воплощает гнев) исходный (известный, индивидуальный) мир заменит гипотетический подмир, гипотетический (формулярный, квантифицированный) подмир - это такой мир, какой схожий с исходным во всех отно-

шениях, за исключением того, что в таком подмире не будет отсутствовать контакт»

контакт отсутствует между агентом - говорящим - и темой - гневом. Этот подмир, более соответствующий действительности, воспринимается как известный, как индивидуальный в том смысле, что предполагается, что разные качества этого подмира уже известны. В другом, гипотетическом, подмире между этими единицами возможен контакт, пока еще не осуществленный.

На основе этого примера можно установить некоторые общие свойства модальности. Во-первых, внутренняя модализация предиката *ждать* располагает свойством направленности. В общем можно предположить, что когда речь идет о двух мирах, они должны каким-нибудь путем связываться. В данном случае подмир, в котором отсутствует контакт между единицами, считается исходным положением. Агент хочет заменить настоящий гипотетическим или ожидает, что второй подмир заменит первый. Итак, в данном примере два подмира связаны отношением временной последовательности. Иначе говоря, два подмира аспектуально связаны, если употребить термин «аспектуальность» в широком смысле.

Миры, которые сравниваются при модализации, не всегда связаны аспектуально, а иногда каким-то иным принципом. В обыкновенной условной конструкции с частицей *бы*, отношение между двумя событиями чисто аспектуально: второе положение, последствие, вытекает из первого, предпосылки. Однако, для того, чтобы речь могла вообще зайти об этом отношении последовательности, нужно добраться от настоящего мира до этого гипотетического положения. Для этого требуется, чтобы говорящий предлагал адресату подумать о некотором гипотетическом мире. Связь в таком случае происходит не на аспектуальном уровне, а на уровне диалогических отношений между говорящим и адресатом. Связь эта является диалогической.

Итак, модализация - направленный процесс. Это процесс, который указывает путь от одного мира в другой. Путь этот может быть либо аспектуального, либо диалогического характера.

Вторым свойством модальности является ее расслоение. В данном примере разделяются два уровня - уровень настоящего мира и уровень двух подмиров, из которых общий мир состоится. Мы только что говорили о более низком уровне, об отношении между двумя подмирами такого же ранга. Эти подмиры находятся в отношении

когони́ми и находятся в отношении гипонимии к более общему положению. Иначе говоря, в данном примере мы имеем дело с двумя уровнями семантики, и с двумя случаями направленности - от общего положения (или, если хотите, настоящего мира) к его частным подмирам, и от исходного подмира к гипотетическому. Если поставить предикат *ждать* в императиве, или в условной конструкции, получится еще более высокий уровень модализации. Итак, модализация - процесс, который имеет релевантность на разных уровнях семантической структуры и который может повторяться, т. е. рекурсивно применяться.

Предикатом *ждать* можно иллюстрировать еще третье качество процесса модализации. Выше мы заметили, что исходный подмир - тот мир, в котором отсутствует контакт. Качества этого подмира - если не все, то некоторые качества - уже известны вне данного контекста. В этом смысле исходный подмир считается более известным, определенным, и, можно сказать, более индивидуальным. Гипотетический мир во всех отношениях подобен исходному, за исключением одного свойства. Например, в данном случае подразумевается, что единица агента - та же самая единица в обоих подмирах. Гипотетический подмир отличается от исходного всего полярностью одного признака - отсутствия контакта: в исходном подмире отсутствует контакт, в гипотетическом же контакт наличествует. Из этого следует, что гипотетический мир определяется формулой типа «такой мир, который тождествен с исходным во всех отношениях кроме одного». Итак, гипотетический подмир - не определенный мир, а скорее формулярный.

Согласно этому истолкованию, оказывается, что «возможные миры» обладают признаком, известным в сфере референции именных выражений. Не раз в литературе о референции выделяется две стратегии референции. По одной стратегии, референция именного выражения воспринимается как известная, как определенная. В таком случае референт является индивидуалом, который располагает разными свойствами, известными говорящему и адресату независимо от данного контекста. По другой стратегии референт именного выражения описывается формулой типа «такая единица, которая обладает качеством *x*». В таком случае, даже если формула определяет уникальную единицу, это еще не индивидуал, чьи свойства известны вне контекста. Обычно эта вторая стратегия референции сопровождается одной из двух разновидностей квантификации. Либо речь идет о существовании какой-то единицы, которая принадлежит к

общему классу единиц, описываемых данной формулой - здесь имеем дело с экзистенциальной квантификацией - либо имеется в виду множество подобных единиц, описываемых данной формулой, где не релевантно, какая из этих единиц принимает участие в данном высказывании - это дистрибутивная квантификация. Так как определение единицы путем формулы обычно, или возможно, всегда сопровождается квантификацией, оправдано назвать вторую стратегию - опять-таки при широком использовании терминологии - квантифицированной референцией.

Теперь можно заметить, что исходный мир подобен индивидуальному референту. Исходный мир считается известным, данным, так же как индивидуальный референт считается известным, данным. А процесс установления гипотетического подмира подобен второй стратегии референции, при которой референт определяется формулой. Таким образом получается параллелизм между различием миров в сфере модальности и стратегиями референции именных выражений.

Этому параллелизму, наверняка, можно приписать ответственность за то, что «нереферентные» выражения - или лучше, формулярная референция именных выражений - часто проявляются в модально окрашенных контекстах. Так например, известно, что частица - *нибудь* употребляется чаще, если даже не исключительно, в модальных контекстах.

Подобный эффект наблюдается и в выборе между родительным и винительным падежами с глаголом *ждать*. Именное выражение, обозначающее отвлечение, качество, или появление, почти исключительно появляется в родительном падеже. Так например имя существительное *гнев* наверху называет не определенный индивидуал, чьи свойства известны вне данного контекста, а воплощение какого-то общего понятия. Родительный падеж имени *гнев* в данном примере можно истолковать как «я ждала того, что воплощает понятие гневности». В противопоставлении этому, имя «сестра» в следующем примере (2) обозначает не любое воплощение идеала сестры, а определенную особу, чьи качества известны вне контекста.

2. - Он Ольгу, говорят, ни за что не хотел видеть. Очень ждал из Лондона сестру
«если x - сестра, индивидуал с известными качествами, отсутствует контакт между агентом и x -ом»

Как известно, такие имена существительные обычно употребляются в винительном падеже.

Итак, конкуренция между падежами с глаголом *ждать* в частности отражает степень квантификации референта дополнения. Выбор падежа может зависеть не только от референтности дополнения, но и от модальности предиката. Разница лучше видна при дополнении, обозначающем конкретную, неодушевленную вещь в единственном числе. С таким дополнением, употребляется родительный падеж, когда преобладает оттенок состояния и, следовательно, значимость высказывания состоит в утверждении отсутствия данного предмета. Например, в примере (3),

3. - Замечательно! - радуюсь я, ведь сколько лет ждала она этого ордена.

«сколько лет находился агент в состоянии отсутствия контакта»

высказывание описывает состояние. А если в высказывании сообщается о деятельности агента, винительный падеж более к месту.

4. Часто я слышу разговоры: как это, мол, так - подходили, спу-
скались в яму, ложились, ждали свою пулю?

В примере (4), например, глагол *ждать* описывает один тип деятельности агентов, равноценный другим действиям. С этим связано то обстоятельство, что совершенный вид таких глаголов как *ждать*, *искать* предпочитает винительный падеж, так как в совершенном виде доложено, что состояние отсутствия предмета окончательно заменено состоянием его наличия.

Итак, конкретный выбор между падежами зависит от того, насколько референция дополнения или модальность высказывания квантифицирована.

С помощью глагола *ждать* мы старались определить некоторые общие свойства процесса модализации - свойство направленности, свойство расслоения на уровнях и рекурсивности процесса, свойство связанности путем аспектуальности или диалогичности, и свойство квантификации.

Возможно, конечно, что одно или некоторые из этих качеств не свойственны модальности в общем, а мотивированы спецификой семантики глагола *ждать*.

Если рассмотрим семантику предиката типа *мочь*, то, мне кажется, обнаруживаются вариации на темах, изложенных выше. Не будем

останавливаться на известном напряжении в семантике этого глагола, который может описывать или качество действующего лица или качество мира вообще, и заметим, что предикату *мочь*, как и глаголу *ждать*, свойственны два уровня семантической структуры. На более высоком уровне предикат этот предлагает комментарий о настоящем мире, а именно, настоящий мир характеризуется тем, что состоит из множества подмиров, отличающихся друг от друга полярностью какого-нибудь качества. Например, в следующем высказывании (5),

5. Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было.

ясно противопоставляются два подмира. В одном состоит избавление, в другом же нет. Семантическая направленность между ними не совсем ясна, однако мне кажется, что исходное положение - это то положение, в котором нет избавления. От этого исходного положения указывается на существование такого возможного подмира, в каком избавление в самом деле осуществится. На эту пару разновидности действительности идет стрелка с настоящего положения, в котором не решен вопрос о спасении героя. Итак, и в данном примере имеются два случая направленности - от общего настоящего мира к множеству возможных подмиров, и от одного из подмиров в другой. Данный контекст имеет условное окрашивание - «состоялось бы избавление, если бы не Савельич». Это, мне кажется, еще третий слой модальности, на уровне отношения между отдельными событиями.

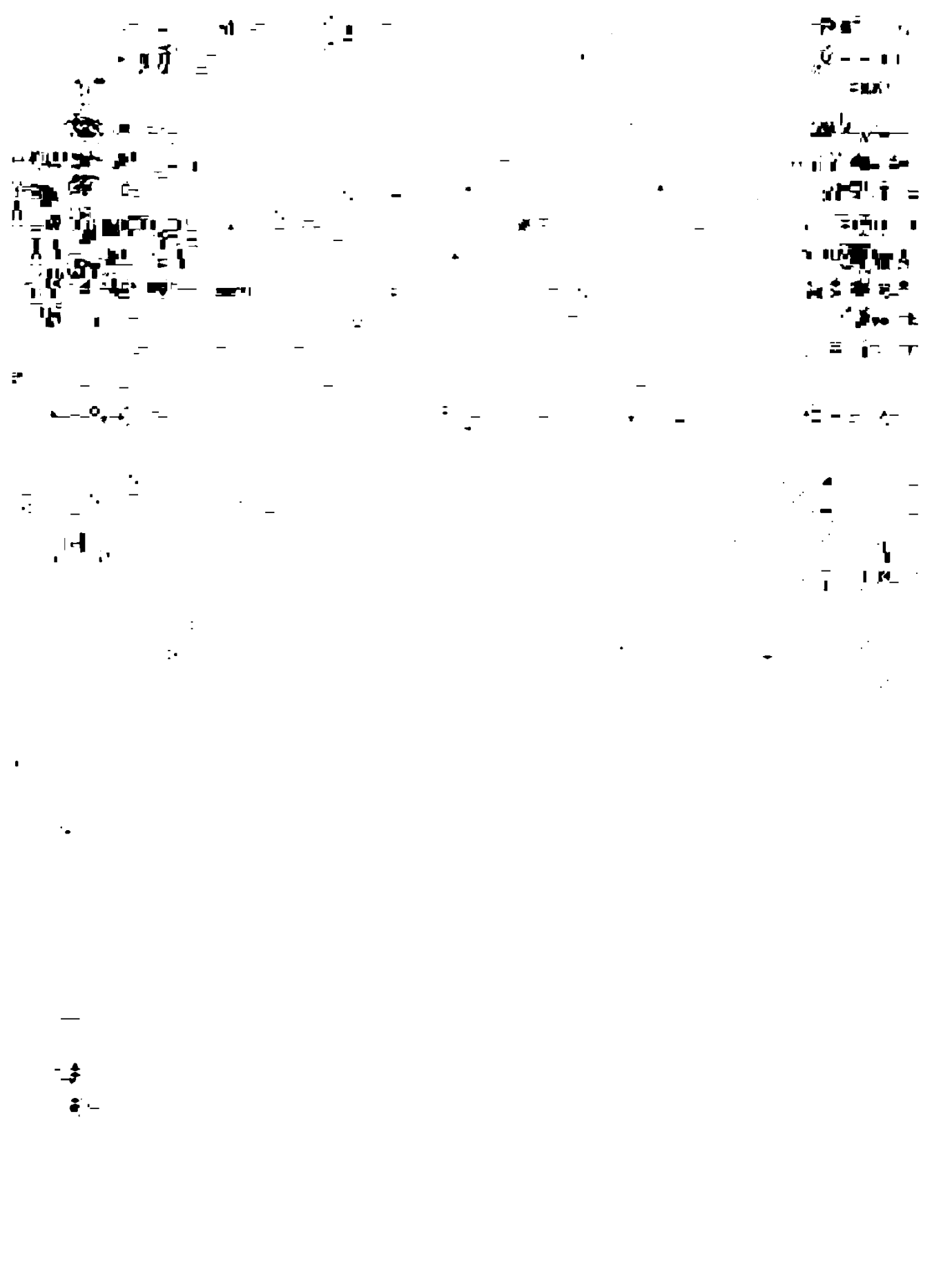
Возьмем другой пример.

6. Когда судьи спросили, чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу.

Поскольку глагол употребляется с отрицанием, в настоящем мире говорящий здесь отрицает эффективность стрелки, ведущую к двум подмирам, в одном из которых существуют основы для оправдания, в другом же нет. Кажется, что внутри этих возможностей, исходное - то положение, в котором есть основа для оправдания. Есть и здесь третий, текстуальный слой модальности и, может быть, даже четвертый слой, поскольку имеем дело здесь с диалогом внутри литературного повествования. Тот факт, что говорящий решает не оправдываться, понуждает своих слушателей его судить, что порождает в

нас, читателей, кое-какие ожидания о дальнейшей развязке рассказа. Последнее замечание лишь подтверждает общий принцип, что модальность - расслоенный, повторяющийся процесс.

В заключении хочу вернуться к общему вопросу: если модальность всегда сопровождается квантификацией, является ли модальность частным случаем квантификации, или наоборот? Мне кажется, хотя полной уверенности в этом быть не может, что квантификация и модальность - одно и то же. Вернемся еще раз к мысли о том, что самым фундаментальным в квантификации является различие между двумя подходами к семантике. При одном предоставлена единица, о которой идет речь, как известная, как исходная. При другом единица, о которой идет речь, определяется формулой. Здесь не играет роли, какие единицы имеем в виду - референты именных выражений ли, события ли, состояния ли, или даже возможные высказывания. Если мы понимаем квантификацию в таких широких рамках, то стирается различие между квантификацией и модальностью. Из этих соображений следует, что модальность - процесс квантификации, применен к событиям или к высказываниям.

Франческа Фичи Джусти (F. Fici Giusti, Firenze)

ОБ УСТРАНЕНИИ ИМЕНИ АГЕНСА ПРИ ГЛАГОЛАХ ДЕЙСТВИЯ И О СТЕПЕНИ РЕФЕРЕНТНОСТИ

Тема данной работы - анализ морфологических признаков при актантах маркированного залога ¹, который выражается в славянских языках частицей рефлексивного типа (условно назовем ее SI). В этом анализе будут освещены некоторые явления, связанные с изменением падежа, и отношения между этими изменениями, референтностью имен и актуальностью предложения.

Как не раз было отмечено Ружичкой (см., в частности, 1991), такие отношения касаются не только славянских, но и романских языков. В тех и других языках SI может выступать и вследствие подъема имени с агентивной ролью с позиции подлежащего (Чинкве 1988 называет это движение (|Arg -I), и вследствие подъема объекта с позиции прямого дополнения (|Arg +I) ². Тем не менее, как видно из следующих примеров, во всех языках отношение между маркированной формой глагола и актантами имеет свои особенности. Рассмотрим отдельно конструкции типа |Arg -I и |Arg +I

1. In questa casa si va e si viene a tutte le ore.
В этом доме постоянно SI идет и SI идет во все часы.
«В этом доме постоянно кто-то приходит или уходит».
пол. W tym domu się wchodzi i wychodzi o każdej porze.
2. Gianni e Maria li si vede spesso insieme.
Ивана и Марию их SI видит часто вместе.
Ивана и Марию видят часто вместе.
пол. Iwana i Marię widziano/ widuje się często w teatrze.
3. Si doveva andare a dormire alle 9.
SI нужно было идти спать в 9.
чеш. Muselo se chodit' v devěti spát (Паролкова 1967)
4. Si finisce di pranzare e si viene.
SI кончает обедать и SI идет.
Мы дообедаем и придем.

В. 1-3 SI «служит синтаксическим средством для прибавления к глагольным признакам третьего лица признаков, способных идентифи-

цировать содержание пустого подлежащего *pro* как неспецифицированное личное генерическое местоимение» (Ружичка 1991: 199). Такую же функцию имеет частица *się* в польском и частица *se* в чешском языке. Эта функция может сопровождаться безличной формой глагола (окончанием -о, см. 3). Кроме того, в итальянском языке *SI* употребляется и как обобщающее местоимение (см. 4). В польском и в чешском языках *SI* идентифицирует только безличное местоимение. В русском языке энклитическая частица -ся никогда не имеет функции типа *lArg -I*.

Из конструкций, где *SI* указывает на подъем объекта (*lArg +I*), рассмотрим только органиченную группу, представляющую интерес для нашего анализа. В частности, речь идет о тех предложениях, где имя с агентивной ролью выступает то в одной, то в другой форме. Ср. следующие примеры:

5. Молодая женщина пела песню.
6. Песня пелась молодой женщиной.
7. Песня поется.
8. Молодой женщине не пелось.

В польском языке такие конструкции, где имя объекта контролирует глагол, обычно не встречаются, так как имя объекта сохраняет синтаксические признаки прямого дополнения (винительный или, в случае отрицательной конструкции, родительный падеж) *Pieśń się śpiewa* (букв. Песню *SI* поет), *Książkę się czyta* (Книгу *SI* читает). Конструкция примера 7 возможна только при наречии, характеризующем ее как 'медико-пассивную' (*Książka się dobrze czyta*)³. В чешском языке встречаются предложения такого типа с пассивным и с медико-пассивным значением, но в первом случае имя агенса грамматически исключается. В сербо-хорватском языке эта конструкция имеет некоторое сходство с чешским и некоторое сходство с русским языком. Но об этом мы будем говорить во второй части этой статьи.

В предложениях 5-8 проявляются, как мы уже сказали, разные степени пассивности и референтности имени лица участвующего или потенциально участвующего в действии. В 5 имя агенса максимально референтное: глагол не маркирован, и имя объекта выступает как внутренний актанта сказуемого. Предложение 6 - неоднозначное, так как может иметь актуальное или неактуальное значение; в первом случае оно может быть дополнено то агенсом, то наречием, относящимся к агенсу (например «охотно»); во втором случае можно

предположить наречие типа «легко», характеризующее признак объекта, описанный глаголом. Это значит, что если предложение неоднозначное, решающим для определения его значения является дополнение, или, лучше сказать, семантическое отношение между глаголом и актантами. Если имя, которое в SI-маркированных предложениях выступает как подлежащее, является одушевленным, т. е. если оно проявляет признаки объекта, предложение может иметь, как мы уже сказали, два значения: актуальное (пассивное) или неактуальное (медиа-пассивное, см. 7). При неодушевленности имени объекта, неоднозначность может быть другого рода.

Храковский (1991:496) отметил, что предложения как в примере 9 могут быть активными или пассивными:

9. Преподаватель несколько раз задерживался в аудитории

В первом случае, предполагается дополнение с именем агентивного типа (например «сотрудниками милиции»); во втором - дополнения такого типа не предполагается (но возможно наречие как «охотно», характеризующее активное отношение имени в позиции подлежащего к действию). Как мы сказали, это явление касается не столько значения актантов или их семантики, сколько отношения между ними и глаголом. В самом деле, такие SI-маркированные предложения, как «Они строятся», «Он толкается», «Собака кусается» не могут иметь пассивное значение. Здесь речь идет о так называемых антипассивных конструкциях, где частица *-ся* поглощает объект, не влеча за собой подъем самого объекта ⁴. Например, объектом глагола «строить» может быть только неодушевленное имя; также в других предложениях предусматривается такое же отношение иерархического типа

Как известно, в русском языке только глагол несовершенного вида может иметь пассивное значение в SI-маркированных конструкциях. Поэтому предложение с глаголом совершенного вида:

10 Преподаватель задержался в аудитории

- однозначно; оно дополняется наречиями типа «охотно», характеризующими активное действие, а не именем в творительном падеже. В данном случае форма дополнения определяется не на семантическом, а на грамматическом уровне. С этой точки зрения, конструкции, где имя объекта, выступающее как подлежащее, - неодушевленное, не отличаются от последних. Но в этом случае могут проя-

виться ограничения другого типа, определяющие функцию и форму имени агенса или просто дополнения. Ср.

11. Дверь открылась.

12. Магнитофон сломался.

События, описанные в примерах 11 и 12, могут быть последствиями какой-нибудь причины, или могут быть рассмотрены как таковые, но ни в том ни в другом случае не предполагается выражение агенса:

11а. Дверь открылась от верта (*вертом; *мальчиком)

12а. Магнитофон сломался потому, что упал (*Леной)

Как мы видим в 11а, здесь исключается не только имя агенса, но и имя каузатора (ветер) в форме агенса: это подтверждает то, что в русском языке, каждый падеж имеет определенное значение ⁵. В предложениях 11 и 12 имя с агентивным значением может выступать в другой форме (ср. 11б, 12б)

11б. Дверь у меня открылась.

12б. Магнитофон сломался у Лены.

Значение и функция этого актанта неоднозначны. Они зависят от его позиции и от значения глагола. При антикаузативных глаголах, локативный актант имеет значение невольно участвующего в событии, т. е. указывает на то, что описанное событие произошло помимо его воли. В 12б локативный актант совпадает с Ремой: событие произошло из-за Лены, которая сломала магнитофон нечаянно, или произошло в Ленином доме.

Как мы видим, в этих конструкциях, где имя агенса в творительном падеже исключается грамматической структурой, оно выступает в другой форме, как внешний, неструктурный актант. Последний встречается и в других SI-маркированных предложениях, при наличии другого одушевленного актанта в позиции подлежащего. Ср.

13. Вы судились у судьи первого участка за кражу (Чехов)

14. Он лечился у знаменитого врача

15. Я бреюсь у парикмахера

Спрашивается, чем эти глаголы отличаются от других глаголов, вполне допускающих имя агенса в творительном падеже. Функцию этого локативного актанта определяли как «предоставительную» (Исаченко 1960), «возвратно-подчинительную» (Генюшниене 1987: 280), «автокуративную» (Генюшниене, Недялков 1991: 270) ⁶, но она зависит не только от того, что оба актанта-одушевленные, но и от

отношений между актантами и глаголом. Как в конструкциях, где имя в локативной форме выступает не так настоящий актант (мы определили его как неструктурным), здесь тоже оно является внешним актантом. В отличии от таких глаголов, как «задерживаться» (см. 9), предполагающих иерархию актантов, здесь такой иерархии не предполагается. Глаголы «лечиться», «судиться», «бриться», «учиться» выражают определенное положение вещей, с определенными отношениями между актантами, семантически эквивалентными. Как показывает сам порядок слов, здесь глаголы выступают как средние, не пассивные, и имя в локативной форме относится к тому, у кого или где произошло событие. С этой точки зрения, они имеют значение, очень близкое к так называемым глаголам деятельности (activity verbs, см. Геберт 1991), семантически близким, в свою очередь, к глаголам состояния. Ср.:

16. Она работает / лечится / учится у знаменитого специалиста.

Перейдем теперь к рассмотрению предложений, где имя актанта агентивного типа употреблено в дательном падеже:

17. Мне вспомнились его слова.

18. Эти выражения нам встретились / встречались в прозе авангардистов.

19. Все это привиделось мне во сне.

Как в других конструкциях, здесь речь идет об актанте, мало участвующем в описанном событии. Тем не менее, эти формы (локативная и дательная) не заменяемы одна другой. Это объясняется разной семантикой глаголов. В предложениях с глаголом антикаузативного типа («Дверь у меня открылась») описывается событие, которое произошло без намеренного участия в нем одушевленного актанта. В предложениях, где глагол выражает положение вещей, актант в локативной форме указывает не столько на его неактивное участие в описанном событии, сколько на то, что первый актант не является прямым агенсом (ср. «Он лечится у врача» и «Он сам лечится»; «Он бреется у парикмахера» и «Он сам бреется»). Дательный падеж имени агенса объясняется, прежде всего, значением глагола: всякий ментальный, как и всякий перцептивный акт, приписывается участвующему в нем одушевленному лицу. Если вообразить себе гипотетическую иерархию агентивных ролей в SI-маркированных конструкциях, то первое место, соответствующее самому активному актанту (т. е. при глаголах действия), будет

занимать имя в творительном падеже; на втором месте, при глаголах с ментальным или психологическим значением, будет имя в дательном падеже, т. е. имя носителя семантического признака глагола; на третьем месте будет имя в локативной форме, выступающее не как дополнение, а как внешний актант.

Рассмотрим теперь предложения медио-пассивного типа в русском и в других славянских языках:

- 20. Книга легко читается.
- 21. Добро се чита ова книјга
- 22. Książka się dobrze czyta.
- 23. Kniha se čte dobře.

В этих предложениях описывается абсолютный признак объекта в позиции подлежащего. В польском языке (22) это единственный случай, где SI сигнализирует подъем имени объекта, так как, как было уже сказано, обычно SI не маркирует глагол с пассивным значением. Тем не менее, в наличии имени одушевленного лица с агентивной ролью, эта конструкция становится неграмматичной (* Książka dobrze mi się czyta); если же предложение сохраняет активную структуру с именем объекта в винительном падеже и с частицей się, сигнализирующей подъем подлежащего, имя одушевленного лица в дательном падеже вполне допускается

- 24. Dobrze mi się czytało te książkę.

Это предложение выражает модальность (dobrze) к описанному актуальному действию (czytało książkę); последнее может осуществляться глаголом любого типа, в том числе непереходным, выражающим деятельность

- 25. Dobrze mi się pracowało.

В русском языке встречаются конструкции поверхностно сходные или близкие последнему примеру, которые выражают модальное отношение к деятельности, без отношения к ее актуальности. Примеру 25 может соответствовать 26:

- 26. Мне легко работалось

Однако, только предложение 25 может быть дополнено, с тем чтобы получилось сложноподчиненное предложение: «мне легко работалось, но я все-таки не работал».

Отношение имен агентивного типа в SI-маркированных конструкциях обсуждалось у Холвета (1991: 150-151). Он приводит следующие примеры:

27. Bielizna (им. п.) dobrze pierze się w ixi.

28. Bieliznę (вин. п.) dobrze pierze się w ixi.

В первом примере, то что объект находится в позиции подлежащего, объясняется тем, что отношение глагола (совершенного или несовершенного вида) к объекту воспринимается как целое. Второе предложение описывает действие, направленное на объект. Здесь się выступает как неопределенно-личное подлежащее и поэтому вряд ли может сочетаться с другим одушевленным актантом. Поэтому местоимение mi в 28 можно было бы понимать только как определительное к слову «белье» (ср. Холвет 1991: 151), при глаголах несовершенного вида с обобщающим значением.

В русском языке такое же предложение (27) с местоимением, указывающим на действующее лицо, будет:

29 Белье у меня хорошо стирается в «Стир».

Форма «у меня» указывает или на действующее лицо, или на обладателя предмета, описанного именем в именительном падеже; разница только в фразовом ударении. В данном случае, имея в виду актуальное (единичное или повторяющееся) действие, глагол может быть совершенного или несовершенного вида; в отличие от конструкций, имеющих медико-пассивное значение, в которых решающую роль играет именно модальное слово, здесь последнее не входит в состав предложения. Смотри также:

30 Koszuła mi się uprąa.

31. Рубашка у меня выстиралась

В русском языке локативная форма освобождает актант с агентивной ролью от грамматикализованной позиции и, следовательно, указывает на его внешнюю, не-актантную позицию; в польском языке такую же роль имеет имя в дательном падеже.

Рассмотрим формы имени с агентивной ролью в SI-маркированных конструкциях другого типа. Как мы сказали, предложения с модальным значением как «Мне не работается» - типично русские. Тем не менее, в других славянских языках дательный падеж может характеризовать другие модальные конструкции. Например, в сербо-хорватском:

32. Једе ми се сладодел.

33. Једу ми се колачи.

Эти предложения отличаются от русских наличием в них имени объекта в именительном падеже, т. е. в семантической роли подлежащего. С точки зрения структуры, эти конструкции напоминают нам русские предложения как «Нам вспомнились эти слова», которые мы определили как эргативные. С точки зрения значения, это типичные модальные конструкции, относящиеся не к актуальному событию, а к желанию его осуществления. С другой стороны, если сравнить их с предложениями без имени в дательном падеже, то становится очевидным, что последнее играет решающую роль в переходе от пассивности (где в SI-маркированных предложениях имя агенса не допускается) в эргативность

Сравним теперь следующие предложения чешского языка:

34. Polka se mi tančí dobře (Parolková 1967: 43) ⁷

34a. Polka se tančí.

35. Ztratilo mi se pero (разг. яз., там же).

Как уже было отмечено, в чешском языке пассивные конструкции на SI не сочетаются с именем агенса в творительном падеже. В данном случае тематизация объекта (или его становление подлежащим) может иметь два последствия: актуализация (35) и модализация (34, 34a). Тем не менее в обоих случаях, независимо от того, является ли предложение актуальным или неактуальным, имя в дательном падеже не относится к актуальному деятелю и выражение актанта с признаком агенса может менять функцию маркированного предложения. В 34 выражены отношения между потенциальными участниками, действием и модусом (ср. немаркированное предложение. Tančím polce dobře); в 34a речь идет или о том, что полька - это танец, или о том, что танцевать польку обычное дело. Поэтому здесь SI исполняет двойную роль, т. е. указывает на подъем подлежащего (34a) и, одновременно, объекта (34).

Иначе обстоит дело в русском языке

36. Полька легко танцуется

36a. Мне танцуется

36б *Мне (легко) танцуется полька

36в Полька у меня легко танцуется

37. Эта книга легко читается

37a. Мне читается.

37б. *Эта книга \ Эту книгу мне легко читается.

Как мы видим, имя в дательном падеже не входит в предложение среднего типа, так как эта форма в русском языке тесно связана со значением «непроизвольно участвующего в действии» или с носителем модального признака (как в 37a). Ср. также в чешском языке:

38. Petrovi se na zahradce pracovalo lehce (Млувнице 1986, 2: 176)

38a. Петру легко работалось в саду.

39. Matematika se mi uci spatne.

40. Сегодня мне почему-то не ловится.

40a. *Сегодня мне рыба почему-то не ловится.

40б. Сегодня рыба у меня не ловится.

Русские предложения 36б, 37б и 40б - неграмматичны, так как глагол, выражающий отношение действующего лица к действию - насыщенный. Модальность, имплицитруемая в предложениях типа «мне читается», касается действия в целом, а не его частичного осуществления/(т. е. отношения/ действия к объекту). предложения 38 и 38a имеют одинаковое значение: в обоих SI-маркированная форма зависит от семантики глагола, не допускающего имени объекта (т. е. нетранзитивного) Что же касается предложения 39, его значение многослойно: пассивное, с именем объекта в именительном падеже; среднее (характеризуется математика как таковая); модальное, так как описывает отношение участвующего к самой деятельности.

Не менее интересным нам кажется отношение между 40 и 40б. В первом предложении морфема SI деактуализирует глагол; отступление имени с агентивной ролью от немаркированной формы и позиции является первым последствием этого изменения. Как мы уже сказали, в этих конструкциях дательный падеж характеризует участвующего в неосуществленном действии. Предложение же 40б представляет структуру более близкую к пассиву: имя объекта в именительном падеже и глагол, маркированный морфемной частицей SI. Но и здесь модальное (т. е. не актуальное) значение исключает имя в творительном падеже. Поэтому словоформа «у меня» выступает лишь как термин отношения к описываемой ситуации. С этой точки зрения, нет различия функции этой словоформы в предложениях результативного типа («Дверь у меня закрылась»), пассивных («Он воспитывался у французских губернанток») и модальных («Эта книга у меня почему-то не читается»).

Вернемся теперь к вопросу, поставленному в начале нашей работы, об отношении между формой и семантикой предложения и об иерархии форм, относящихся к имени с агентивной ролью. Локативная форма предусматривает минимальный уровень участия; в предложениях типа «Он лечится у знаменитого врача» это зависит от того, что действующее лицо (здесь «врач») не несет полной ответственности так как она делится с другим лицом, играющим агентивную роль. Имя в творительном падеже указывает на лицо, максимально участвующее в действии; дательный падеж зависит, в первую очередь, от модальности предложения.

В других славянских языках, по крайней мере в языках, рассмотренных в настоящей работе, дело обстоит иначе, потому что функция морфемы SI совпадает с функцией русской морфемы -ся только частично. Так как имя агенса в косвенном падеже при SI-маркированных конструкциях не выражается, речь идет об отношении между локативным и дательным падежом. Дательный падеж резко преобладает над локативом, как можно видеть в следующих таблицах, резюмирующих результаты нашего анализа:

В русском языке:			
Тип предложения	лок. ф.	косв. ф. агенса	дат. п.
Пассивное	—	+	—
Пассив. с 2 одуш. лицами	+	+/-	—
Эргативное	—	—	+
Модальное	+	—	+
В чешском (и, частично, в сербо-хорватском и польском) языке:			
Тип предложения	лок. ф.	косв. ф. агенса	дат. п.
Актуальное	—	—	+
Модальное	—	—	+

лок. ф. локативная форма косв. ф. агенса косвенная форма имени агенса,
дат. п. дательный падеж.

Как мы видим, только для русского языка можно говорить об иерархии и о дистрибуции грамматических форм, проявляющихся вслед-

ствие устранения имени агенса от позиции подлежащего, так как переход от актуальности к модальности влечет за собой значительные последствия именно в грамматической структуре предложения.

¹ Имеется в виду так называемый *marked voice*. Как известно, маркированное/ немаркированное - это синтаксическое, а *basic/ non basic* - логическое понятие. Эта проблема обсуждается, в частности, у Клаиман (1991a и 1991b).

² Слово объект обозначает то, что в функциональной грамматике называется "undergoer": "expresses the participant which does not perform, initiate or control any situation, but rather is affected by it in some way", Фолей Ван Валин 1984: 29.

³ Слов «медии-пассив» предает то, что Чинкве определяет как "medio-SI constructions": это конструкции неактуального типа (*generic time reference*) где агенс предполагается, но не выражается, и описывающие типичный признак объекта в позиции подлежащего (Чинкве 1988: 559). Эти конструкции нельзя путать с тем, что обычно определяется как «средний залог», - понятие, в свою очередь, далеко не однородное. «Средний залог» обозначает, что действие или состояние, выраженное глаголом действительного залога, подверглось тому или иному изменению в отношении к субъекту» (Шахматов, цит. по Мучнику 1971: 41). По мнению других авторов, «среднее» (*medium*) состоит в редукции актанта (Генюшниене 1987: "recession"), в изменении структуры глагола, который становится непереходным. О дискуссии, см. Клаиман 1991b: 45-6.

⁴ Для определения антипассива в неэргативных конструкциях, см. Лазар 1986: 30.

⁵ Тем не менее, не всегда объект выступает как подлежащее в предложениях такого типа, т. е. при антикаузативном глаголе, так как он должен обладать по крайней мере какой-то энергией, способной произвести данное событие. По этой причине предложения типа «Магнитофон починился», «Обед приготовился» звучат грамматичными, но не логичными.

⁶ Эта конструкция распространена во многих языках, начиная с итальянского, где форма имени агенса и эта локативная форма фактически совпадают (*Io mi rado dal barbiere*); см. также в других славянских языках, как в словацком (*Holim se u holicu*), в сербо-хорватском (*Ivo se брије код барберина*), в болгарском (*Иван се леква при добър лекар*).

⁷ "Subjekt se nechápe jako činitel děje a proto může být vyádřen dativem" (Parolková 1967: 43).

Литература

- Геберт 1991: L. Gebert, "L'aspetto e il significato del verbo". F. Fici Giusti, L. Gebert, S. Signorini, *La lingua russa. Storia, struttura, tipologia*, NIS, Roma: 237-292.
- Генюшиене 1967: E. Geniušienė: *The Typology of Reflexives*, Mouton de Gruyter, Berlin.
- Генюшиене, Э. Ш., Недялков, В.П. 1991: "Типология рефлексивных конструкций". в: А. В. Бондарко (под ред.), *Теория функциональной грамматики. Персональность. Заголовость*, Санкт-Петербург, Наука: 241-276.
- Исаченко, А. В. 1960: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*, Vyd. Slovenskej Akadémie Vied, Bratislava.
- Клаиман 1991а: М. Н. Klaiman, "Control and grammar", *Linguistics* 29: 623-651.
- Клаиман 1991б: М. Н. Klaiman, *Grammatical voice*, Cambridge Studies in linguistics. 59, Cambridge, New York, Sidney.
- Лазар 1986: Lazard G. "Formes et fonctions du passif et de l'antipassif", *Actances*. 2 (RIVALC), Paris: 7-58.
- Млувнице 1986: Komárek M. и др. под ред., *Mluvnice češtiny* (2), Academia, Praha.
- Мучник, И П 1971 *Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке*, Москва, Наука
- Паролкова, О 1967: Parolková O., "K problematice zvratných sloves a tzv. zvratného pasíva v súčasnej ruštine a češtině", *Slavia* XXVI (1): 33-46.
- Ружичка, Р. 1991 "Славянская и итальянская возвратная энклитика в безличных конструкциях", *Problemi di morfosintassi delle lingue slave* (a cura di H. Pessina Longo) 3, Bologna, Pitagora: 191-206.
- Чинкве 1988: Cinque G. "On SI Constructions and the Theory of ARB", *Linguistic Inquiry* 19(4): 521-581.
- Фoley, Ван Валин 1984 Foley, W., Van Valin R. D., *Functional Grammar and Universal Linguistics*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Холвет 1991 Holvoet, A., *Transitivity and Clause Structure in Polish*, Polska Akademia Nauk, Instytut Slawianoznawstwa, Warszawa. 25.
- Храковский, В С 1991 "Формальная маркировка диатез", "Words are physicians for an ailing mind" (M. Grochowski, D. Weiss eds.), München, Verlag Otto Sagner.

Riassunto

Caso del nome d'agente e referenza

In questo articolo si prendono in esame le relazioni tra i predicati dei costrutti marcati col verbo di tipo riflessivo e l'argomento animato e si mostra come la forma dell'argomento con le caratteristiche semantiche di agente venga selezionato nelle varie lingue a seconda che nella frase prevalga un valore passivo o impersonale, attuale o modale, nonché del numero degli argomenti che satura il predicato. In particolare, il caso strumentale caratterizza l'argomento animato con il maggior grado di referenza, le forme locative del nome possono disattualizzare la frase e quelle al caso dativo sono da mettere in relazione, innanzi tutto, col suo valore modale (cioé di non-attualità).

Катерина Чвани (С. Chvany, MIT)

ПАРАДИГМА КАК РАЗБИЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПРОСТАТИВА (К ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ *БЫТЬ* И *МОЧЬ*)

1. Морфологическая парадигма как модель лексического «словохранилища».

С развитием лингвистики, начиная с конца 50-х годов, металингвистический термин *парадигма* претерпел тонкие семантические изменения, даже в своём основном отношении к МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ. Этимологическое значение термина *парадигма* — в грамматике — пример слова, такого как имя существительное, прилагательное или глагол, со всеми его флексиями, как бы предполагает, что флексия есть нечто регулярное, и что правила образования флексивных словоформ не всегда «под рукой» (“on line”), но к ним можно обращаться по мере надобности. Подобное традиционное понимание *парадигмы* и это скрывающееся за ним предположение представляются достаточно безопасными, хотя бы потому, что пока ещё никто не доказал их неправильность. Однако теперь это первое значение сосуществует с другим, связывающим парадигму с разбиением непрерывного грамматического пространства с помощью флексивных словоформ. В старом смысле термина парадигма дидактична: прототипический член класса слов даёт изучающему язык определённую «модель» для выбора флексивных форм менее знакомых слов. В своей же новой роли геометрического конструирования парадигма также представляет собой «модель», описывающую, но не предписывающую лексическую единицу словарного запаса по аналогии с геометрическим пространством. Парадигма в этом новом смысле выполняет ту же роль, что модели в естественных науках. Как видно из диаграммы (1), в такой модели несуществующим формам соответствуют пробелы в парадигме. Окончания словоформ начинаются либо с согласного (+С), либо с гласного (+V).

+ С	+V	+ С	+V	+ С	+V
гнести	гнету	победить		писать	пишу
	гнетешь	победил	победись	писал	пишешь
	гнетет	победила	победит	писала	пишет
	гнетем	победило	победим	писало	пишем
	гнетете	победили	победите	писали	пишете
	гнетут	победивший	победят	писавший	пишут
	гнетущий	победив	//////////	/ / /	пишущий
//////////	гнетя	//////////	/ / /	//////////	
//////////	гнети!	//////////	победи!	//////////	пиши!

(1) Разбиение грамматического пространства. Парадигмы с «дырами»

«Дыры» (англ. "gaps") в парадигме глагольного спряжения моделируют случайное несуществование словоформ (?гнёл и остальные формы прошедшего времени, я *победю/ *побежу/ *побежду, или *пиша), в отличие от форм, исключенных по несовместимости грамматических или семантических признаков (напр. ?победящий) клетки которых условно представлены как //, а клетки для маргинально существующих форм, как *победя* или *писав*, заполнены / / /

Понятие морфологической парадигмы в смысле разбиения грамматического пространства возродило вопрос, впервые поднятый Расмусом Раском, касающийся внутренней организации флективной парадигмы, а также принципов, лежащих в основе синкретизма (см. детальную дискуссию в Plank 1991) Якобсон (Jakobson 1958), например, предложил слитные диаграммы, демонстрирующие синкретизм смежных форм (им.-вин или вин-род), при этом рассматривая омонимичность некоторых других (дательного *снегу* и партитива *снегу*) как случайность. Более того, как это теперь хорошо известно, линейная организация шести основных русских падежей — им.-вин-род-пред-дат.-твор — группирует синкретические формы не менее удовлетворительно, чем любая другая модель с двумя или тремя измерениями (ср. диаграмму (2) с диаграммами в Jakobson 1958).

(2) Разбиение грамматического пространства. Смежность синкретических словоформ в склонении прилагательных мн. ч.

Падежи:	+О-	-О
Им.		
Вин.		-ИЕ
Род.		
Пред.		-ИХ
Дат.		-ИМ
Твор.		-ИМИ

За последние годы несколько исследователей пришло к выводу, что синкретизм смежных форм может указывать на отсутствие потенциального различия и, таким образом, разрешать синтаксические конфликты (преимущественно в парадигмах местоименных слов), в то время как случайные омонимы не имеют синтаксического значения (см. особенно работу McCreight 1992 и библиографию к ней). Если лексическое словохранилище в человеческом мозгу содержит не только основы слов и правила их склонения, но и полные парадигмы слов, тогда лингвистическая теория должна также содержать список разрешенных форм этих структур вместе с ограничительными правилами (см. McCreight and Chvany 1991). Эти работы, так же как и другие статьи в сборнике, изданном под редакцией Планка (Plank 1991), приводят данные о том, что внутренняя организация парадигм не произвольна. Эти гипотезы подтверждаются контекстами исторических изменений, давно приписанными «аналогии» или «парадигматическому давлению», а также сравнительно широким распространением морфологических исключений в «периферийных» (первой или последней) позициях своих парадигм, т.е. там, где парадигматическое давление не может быть оказано «с обеих сторон». Совокупность этих исследований показала, что морфологическая парадигма есть не только нормативная мнемоника, но и что она также может служить реалистической моделью лексического словохранилища

2 «Сложные» и «простые» синтаксической парадигмы

Параллельно с этим сравнительно упорядоченным развитием значения слова *парадигма*, в лингвистике широкое распространение

получили упоминания СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ. Одна из ранних публикаций Дина Ворты (Worth 1963) сильно помогла делу утверждения понятия синтаксической парадигмы в том смысле, в котором оно теперь употребляется в работах по генеративному синтаксису, т.е., как набор фраз, объединенных морфологическим и синтаксическим материалом, чья интуитивно очевидная связанность требует теоретического объяснения, см. (3). Если бы драматург Луиджи Пиранделло был лингвистом 1960-х годов, он мог бы назвать такого рода парадигму «Шесть предложений в поисках теории», или же, в наше время, как «*n* фраз в поисках принципа».

(3) Бытийные предложения, т. н. «Сложная синтаксическая парадигма» (по Chvany 1975)

а. Зубров в кабинете.	г. Зубров — тиран
б. Зуброва нет там
? Зубров не есть там.	д. ?Зубров(а) нет тиран(а).
Зубров не (есть) тиран
в. ?Я считаю Зуброва в кабинете.
- я считаю, что Зубров там	е. Я считаю Зуброва тираном
- я считаю, что Зубров тиран

В левом столбце таблицы (3) находятся фразы с экзистенциальным *быть*, в правом — фразы со связкой. Как видно из таблицы, предложения в этой группе комплементарны, как по отношению к выражению отрицания, так и по отношению к возможности участвовать в дополнении глаголов типа *признать*, *считать*. Но в данных примерах невозможные предложения (отмеченные звездочкой — *) представляют собой не случайную «дыру» в парадигме, а, скорее, конструкции, исключенные по грамматическим причинам (точно так же как причастие на *-щ-* исключается при наличии совершенного вида, а отнюдь не как случайное отсутствие форм **гнёл*, или **пиша*, в таблице (1)) Согласно терминологии Ворты, набор фраз—кандидатов—на—объяснение служит примером «сложной синтаксической парадигмы», в то время как «простая синтаксическая парадигма», например, *я думаю, ты думаешь, он думает, мы думаем, вы думаете, они думают*, по существу является морфологической парадигмой плюс минимальное указание на окружение, определяющее выбор флективной формы

При всей своей методологической важности в деле представления материала для синтаксического анализа, «сложная синтаксическая парадигма» никогда не претендовала на какой-либо теоретический

статус и мы её здесь касаться не будем. Однако, не менее невинная идея Ворта о существовании «простой синтаксической парадигмы» вошла в моду в мире славистики и невероятно широко, верно и неверно, использовалась более четверти века, пока сам Ворт не положил этому конец — в статье, коротко излагающей историю вопроса и заканчивающейся утверждением, что «Синтаксических парадигм не существует. Их нет». (Worth 1983, 284). Вполне понятное недовольство Ворта было вызвано тем, как русские наклонения представлены в русской академической грамматике (РГ 80, Шведова 1980, 245, параграф 2250), где частица *бы* и формы императива выражают целых пять почти омонимичных ирреальных наклонений. (Более подробно позиция Ворта изложена в работе Chvany 1993a; в настоящей статье мы на ней не останавливаемся.)

3. Парадигма несклоняемых слов, согласно *Грамматическому словарю* А. А. Зализняка.

Будет полезно рассмотреть простой пример русских несклоняемых имен существительных. Морфологически парадигма такого слова как, например, *радио*, неразделима — у него одна форма. Однако, лексические единицы большинства русских имен существительных разделяются по крайней мере по двум координатам: число и падеж. Поэтому Зализняк в своем словаре (1977/1981) рассматривает несклоняемые существительные как имеющие шесть омонимичных падежных форм единственного числа и ещё шесть множественного, а у некоторых существительных встречается и по семь или восемь форм, если считать партитив и локатив. Это на самом деле и есть их «простая синтаксическая парадигма, представленная в диаграмме (4а).

(4а) Простая синтаксическая парадигма слова *радио*:

Минимальный контекст:

(Им п.) КТО? / ЧТО?
 (Вин п.) КОГО? / ЧТО?
 (Род п.) КОГО? / ЧЕГО?
 (Пред п.) О КОМ? / О ЧЁМ?
 (Дат п.) КОМУ? / ЧЕМУ?
 (Твор п.) КЕМ? / ЧЕМ?

	Ед. ч.	Мн. ч.
(Им п.) КТО? / ЧТО?	РАДИО	РАДИО
(Вин п.) КОГО? / ЧТО?	РАДИО	РАДИО
(Род п.) КОГО? / ЧЕГО?	РАДИО	РАДИО
(Пред п.) О КОМ? / О ЧЁМ?	РАДИО	РАДИО
(Дат п.) КОМУ? / ЧЕМУ?	РАДИО	РАДИО
(Твор п.) КЕМ? / ЧЕМ?	РАДИО	РАДИО

Модель неразделимой лексической единицы слова *радио*, т.е., её морфологическая парадигма, показана в (4б)

(45). Морфологическая парадигма слова *радио*:

Минимальный контекст:

Ед. ч.

Мн. ч.

(Им. п.) КТО? / ЧТО?.....
 (Вин. п.) КОГО? / ЧТО?.....
 (Род. п.) КОГО? / ЧЕГО?.....
 (Пред. п.) О КОМ? / О ЧЁМ?.....
 (Дат. п.) КОМУ? / ЧЕМУ?.....
 (Твор. п.) КЕМ? / ЧЕМ?.....

РАДИО

Поскольку и морфологическая и «простая синтаксическая» парадигма являются альтернативными способами представления одной и той же информации, как это видно из (4аб), можно согласиться с Вортом, что «простая синтаксическая парадигма», согласно тому, как наклонение трактуется в РГ 80, не имеет самостоятельного теоретического значения.

Тем не менее, в теории, допускающей множественные излишества в лексическом словохранилище (как это предложено в Болингер 1976), матрица, подобная (4а), может хорошо представить часть лексического инвентаря, доступного говорящему на русском языке, т. е. набор инструкций как употреблять стандартно неизменяемое слово *пальто́* (а не диалектные формы мн. ч. *по́льта, польт, польтах, польтам, польтами*). То, что схвачено в (4а) и в интерпретации Зализняка, это тот факт, что синтаксис падежа точно так же релевантен для таких слов, как *радио* или *пальто*, как он релевантен для склоняемых существительных, например, для выбора формы сопровождающих их определений. Кроме того, эта матрица имеет лингвистическое употребление, так как она наглядно показывает различия между разными классами склоняемых и несклоняемых существительных, которые, тем не менее, могут контекстуально выражать одни и те же падежные отношения. Точно так же сетка, наложенная в РГ 80 на русские модальные конструкции, помогает при характеристике типологического контраста между богатой флексией древне-греческого языка и более скромными средствами выражения тех же нюансов в русском языке.

4 Глаголы *быть, мочь*, и другие

Различие между морфологической и синтаксической парадигмами в известной степени полезно и для разрешения некоторых парадоксов.

особенно тех, которые связаны с глаголами *быть* и *мочь*. Глагол *быть* морфологически представляет собой один глагол, а синтаксически два (Chvany 1975) или даже больше (согласно Апресяну — шесть, см. Апресян 1985). То же самое происходит и со многими другими глаголами. Глагол *говорить*, например, имеет одну морфологическую парадигму, но две синтаксические парадигмы (*говорить/сказать что кому vs. говорить /поговорить с кем*) — или даже больше двух, если брать в расчёт прагматический контекст, как это делает Зайцева (Zaitseva 1992). Также, словоформы глагола *писать* хранятся в виде одной морфологической парадигмы, но с точки зрения синтаксиса и словообразовательной системы, глаголов *писать* -- два: *писать что-либо*, и просто *писать* (=быть писателем); из них только последний входит в основу производного имени агенса *писатель*, а имя агенса первого — *автор*, не ?*писатель* (какого-нибудь произведения).

Интересный случай представляет «дырявая» морфологическая парадигма глагола *мочь*, в которой только отсутствие деепричастия (***могя/ ** можа*) является случайным исключением, тогда как пассив (*-*можен*) исключен грамматическим контекстом, а императив (*моги*) — малоупотребителен по семантическим причинам. Что касается инфинитивной формы *мочь*, то она встречается чаще всего в металингвистическом употреблении названия этого глагола и исключена из позиции прямого дополнения. Однако, как видно из «сложной синтаксической парадигмы» (5), форма эта довольно свободно употребляется в позиции топика или в позиции подлежащего (примеры взяты из работы Chvany 1988).

- (5) а **Анна хочет мочь прыгать.* (ср.: *Анна хочет уметь прыгать.*)
 б *Мочь-то она конечно может, а хотеть-то никак не хочет.*
 в. --*Маша хочет еще торта? -Конечно хочет, но насчет мочь...*
 г *Самое ужасное /Самым ужасным было — хотеть и не мочь.*
 д *Я считаю самым ужасным — хотеть и не мочь.*

В невозможном предложении (5а), форма *мочь* находится в позиции прямого дополнения, в правильных предложениях (5б) и (5в) она занимает позицию топика, а в правильном (5г) — позицию подлежащего. В отличие от дополнения в (5а), дополнение в (5д) возможно, ибо тут оно выводимо из глубинного подлежащего т.н. мини-предложения ("small clause") Различие между «дырявой» геометрической моделью морфологии глагола *мочь* и ее «сложной синтаксической парадигмой» в наборе (5) четко моделирует разницу между

морфологическими исключениями и синтаксическими ограничениями на употребление одной из возможных словоформ.

5. Парадигма как разбиение семантико-синтаксического поля.

Теперь нам хотелось бы реабилитировать понятие «синтаксической парадигмы», на этот раз в смысле, целиком отличном от того, которым она наделяется в РГ 80 и вообще в славистических работах, вышедших вслед за основополагающей статьей Ворта. Мы уже согласились с Вортом в том, что понятие «простой синтаксической парадигмы» не играет в лингвистической теории роли, независимой от морфологической парадигмы. Однако существуют ситуации, когда непрерывное грамматическое пространство полностью и исключительно заполнено и разбито «закрытыми множествами» (“closed sets”) лексем, обладающими одним или более синтаксическими свойствами, которые они не разделяют с другими лексемами, и по праву считающимися «синтаксическими парадигмами». Можно проиллюстрировать эту мысль явлением, которое нами было предложено называть «полу-вспомогательными формами английского свидетельского залога» (English Bystander Voice, см. Chvany 1993b); набор таких лексем с активными дополнениями показан в (6), с пассивными в (7):

(6) Mary SAW <HEARD, FELT, WATCHED, LISTENED TO, LET, HELPED, HAD, MADE> Ivan run.

[букв.: Маша видела « слышала, чувствовала, смотрела, слушала, разрешила, помогла, каузировала, заставила » Ивана / Ивану бежать]

«Маша видела как Иван бежал..... Маша заставила Ивана бежать.»

(7) Mary SAW < ..., HAD, GOT, ORDERED> Ivan shot.

[букв.: Маша видела « ..., каузировала, устроила, приказала » Ивана расстрелянного/растрелянным]

«Маша видела, как Ивана расстреляли... Маша каузировала его расстрел ... Маша приказала его расстрелять »

Эти глаголы наполняют семантический континуум, в котором участие субъекта варьируется от состояния простого очевидца (неактивного актанта-свидетеля) до прямого или косвенного виновника события, иначе говоря, от греха упущения до греха совершения. Те, что находятся в примерах (6) разделяют с английскими модальными вспомогательными глаголами способность соединяться с «голым»

инфинитивом без *to*; те же, что сгруппированы в (7) могут соединяться с голым пассивным причастием без *to* и даже без *be*. Таким образом, перечисленные глаголы образуют два закрытых синтаксических класса, каждый из которых разбивает семантическое и грамматическое поле, т. е. , метафорическое пространство. Подобные употребления *have* и *make* часто называются каузативом, в то время как пермиссив (*let*) или глаголы восприятия, синтаксис которых сходен с чистокаузативными (не только в английском, но и во французском, испанском, немецком, и др.) обычно исключаются из рассмотрения как необъяснимые маргинальные привески. Мы предпочитаем название «свидетельский залог», которое подводит под категорию канонический каузатив на одном полюсе, а в другой включает невинного наблюдателя. (Более подробно об этом, см. Chvany 1993b, вместе с теоретическими и социолингвистическими соображениями по поводу семантических ролей актантов.)

6. Бытийные глаголы в типологическом плане — разбиение семантического поля.

Глагол *make* (или вернее его глоссы в различных языках) пересекается с семантическим континуумом бытийности. Как это показано в (8), оба континуума в английском пересекаются также с *get*.

(8a) She MADE him a good husband because she MADE him a good wife.

«Она СДЕЛАЛА его хорошим мужем, так как БЫЛА/служила ему хорошей супругой.»

б. After she GOT to America, she GOT money because she GOT lucky.

«ПРИБЫВ в Америку, она ПРИОБРЕЛА деньги, потому что ей повезло (букв она СТАЛА удачливой).»

Ноэл Руде (Rude 1978) был первым, кто высказал предположение, что бытийные глаголы в разных языках выражают семантический континуум, который можно представить в виде круга, разделяющегося на семь сегментов, каждый из которых соответствует лексическому выражению в одном или более языках. В английском они приблизительно выражают: производство (*make*), приобретение (*get*), обладание (*have*), местонахождение (*be+Loc*), определение (*be+Adj*) — временное или постоянное — и тождество (*be+NP*). Руде предпочитает круговую модель линейной потому, что в некоторых языках объединяются производство и уравнение, как например, язык Тви

(Twi) африканской страны Гана (Ghana), в котором одна лексема — глагол *ye* — выражает оба значения. Приведённый выше пример (8a) иллюстрирует то же явление и в английском языке.

Синкретизм — явление широко распространённое. Установив семь различных значений, Руде не обнаружил ни одного языка, где бы поле было разделено на семь разных лексем, при этом оказалось, что синкретические формы возможны лишь для смежных сегментов семантического континуума. В диаграмме (9) показан континуум, предложенный Руде для английских лексем, а в (10), наш набросок сегментации этого континуума в русском языке.

(9) Сегментация континуума в английском - по Руде 1978.

производство	приобретение	обладание	местонахождение
<i>MAKE</i>	<i>GET</i>	<i>HAVE</i>	<i>BE + Loc</i>
1	2	3	4
7	6	5	
<i>BE + NP</i>	<i>BE + Adj</i>	<i>BE + Adj</i>	
тождество	атрибуция (ингерентная)	атрибуция (временная)	

Проверяя концепцию Руде на русском языке, можно прийти к выводу, что, в основном, его гипотеза верна. Смежные сегменты сем существования, обладания и местонахождения выражают отрицание в настоящем времени с помощью словоформы *нет* с родительным падежом и обладают другими свойствами экзистенциального *быть*. Остальные же бытийные предложения выражают смежные семы атрибутивности и тождества с помощью связочного *быть*; их настоящее время выражается нулём или факультативным *есть* (при отрицании — *не (есть)*). Постоянная vs временная атрибутивность в испанском языке выражается глаголами *ser* и *estar* — по словам Болинджера, эти единицы рассекают континуум между «сущностью и случайностью» (“essence and accident”, Bolinger 1973). Однако, это рассеечение не может быть строго определено с помощью структурных терминов Руде (*be+Adj* vs. *be+NP*). Представляется, что в русском различие между краткими предикативными прилагательными, которым соответствует вопрос *каков* (такие, как *умён*) и такими, к

которым такой вопрос обращён быть не может (например, *болен*), разрезает континуум в месте близком, но не совсем эквивалентном тому, где в испанском происходит сегментация между *сер* и *естар*. В русском языке, смежные сегменты приобретения, становления, прибытия и производства имеют только не-нулевое настоящее время и выражаются главным образом не «бытийными», а другими лексическими единицами (*получить/приобрести*, но и *добыть*; *стать/сделаться*, *прийти/приехать*, но и *прибыть*; *сделать/сотворить*, и др.). Становление и прибытие, сегменты смежные с сегментом местонахождения с одной стороны, и с сегментом тождества с другой, чаще всего выражаются глаголом *стать* или *сделаться*: эти сегменты также могут быть частью континуума глагола *быть*, особенно в некоторых случаях употребления *будет* (ср. пушкинское *Все флаги в гости будут к нам*). Производство (*сделать*), хотя и не выраженное лексическим глаголом бытийной серии, лексически родственно смежной категории становления *via* *сделаться*. Ведущееся сейчас исследование предполагает необходимость создания более тщательно разработанной модели, возможно с частичными концентрическими кругами, расположенными следующим образом: ряд переходных глаголов со значениями: производство, приобретение, обладание, с соответствующими непереходными: существование и становление, прибытие и местонахождение; временная атрибутивность, постоянная атрибутивность, и тождество.

(10) набросок сегментации континуума в русском

ПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ		
производство	приобретение	обладание
СДЕЛАТЬ 'MAKE'	ДОБЫТЬ 'GET'	БЫТЬ у кого ИМЕТЬ 'HAVE'
НЕПЕРЕХОДНЫЕ		
существование становление	прибытие	местонахождение
СДЕЛАТЬСЯ СТАТЬ, БУД кем 'BECOME, GET'	ПРИЙТИ БУД- куда) 'GET'	БЫТЬ где ИМЕТЬСЯ 'BE + Loc'
1	2	3-4

7	6	5
<i>БЫТЬ</i> (кем) каков? 'BE+NP''	<i>БЫТЬ</i> каким каков? 'BE+Adj''	<i>БЫТЬ</i> каким *каков? 'BE + Adj ''
*В каком состоянии?	*В каком состоянии?	*В каком состоянии?
тождество	аттрибуция (ингерентная)	аттрибуция (временная)
ГЛАГОЛ-СВЯЗКА		

Мы уже упоминали «сложную синтаксическую» и морфологическую парадигмы глагола *быть*. Однако континуум, предложенный Руде и адаптированный нами в (10), иллюстрирует совершенно другое явление. Здесь разделённое грамматическое пространство представляет собой семантическое поле, целиком и исключительно занятое в каждом отдельном языке рядом лексем. В английском некоторые из них выражены глаголом *be*, в русском — глаголом *быть*. Синкретизм допускается только между смежными сегментами. Это именно то явление, какое наблюдается в парадигмах склонений, но в этом случае парадигма является не флективной, и не синтаксической, а семантической; парадигма эта состоит из лексем, которые сами потенциально сохранены в словарном запасе носителя языка в виде целых морфологических парадигм, аналогичных диаграммам (1) и (2).

7. Заключение

В современной ненормативной лингвистике традиционная дидактическая функция морфологической парадигмы заменяется другим её значением, в котором парадигма выполняет ту же роль, что модели в естественных науках. Другими словами, парадигма в терминах пространства представляет или «моделирует» гипотезу о естественном явлении, в данном случае о словохранилище в мозгу носителя языка. Более того, как это было показано, геометрическое моделирование целиком занятого и разбитого грамматического пространства распространяется за пределы флективной парадигмы. В случае английского свидетельского залога (6-7), «синтаксическая парадигма» (значительно отличающаяся от той, что предполагается в РГ

80) образована закрытым лексическим классом. В случае бытийных глаголов, универсальное семантическое поле разделяется таким образом, что синкретизм возникает только между смежными сегментами. При том, что мало кто оплакивает развенчание «синтаксической парадигмы» РГ 80 произведенное Вортом (1983), надо сказать, что существуют области грамматики и семантики, в которых понятие морфологической, синтаксической и семантической парадигмы в смысле РАЗДЕЛЁННОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА можно считать плодотворным.

Литература

- Апресян, Ю. Д. 1985: 'Синтаксические признаки лексем', *Русская лингвистика* 9: 289-317.
- Зализняк, А. А. 1977/1981: *Грамматический словарь русского языка*. Москва, Русский язык.
- Шведова, Н. Ю. (ред.) 1980: *Русская грамматика* (в 2-х томах). Москва, «Наука».
- Bolinger, Dwight L. 1973: 'Essence and accident: English analogs of Hispanic SER/ESTAR,' in Braj B. Kachru, et al. (eds.), *Issues in Linguistics. Papers in honor of Henry and Renee Kahane*. Urbana: University of Illinois Press. 57-69
- Bolinger, Dwight L. 1976: 'Meaning and memory,' *Forum Linguisticum*, I/1. 1-14.
- Chvany, Catherine V. 1975: *On the syntax of BE-sentences in Russian*. Cambridge-Columbus, Slavica.
- Chvany, Catherine V. 1988: 'Syntactic accessibility and lexical storage: The distribution of the Russian infinitive form *moc'* and its theoretical implications', *Studia grammatica*, 29: 67-82.
- Chvany, Catherine V. 1993a: 'The paradigm as partitioned grammatical space', to appear in Henrik Birnbaum and Michael S. Flier (eds.), volume in honor of D. S. Worth. In press.
- Chvany, Catherine V. 1993b. 'Bystander voice in English: A generalization masked in some versions of theta theory.' In Bernard Comrie, Leonid Kulikov and Maria Polinsky (eds.), *Causatives and Transitivity*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins. In press.

- Jakobson, Roman O. 1958: 'Morfologičeskie nabljudenija nad slavjanskim sklonenijem (sostav russkix padežnyx form).' *Selected Writings II*, The Hague: Mouton, 1971, 154-83. (Reprinted from *American Contributions to the IVth International Congress of Slavists, Moscow, 1958*.)
- McCreight, Katherine L. 1992: *Multiple case assignments*. 1988 MIT Ph.D. thesis, publ. in Cambridge MA: MIT Working Papers in Linguistics.
- McCreight, Katherine L. and Chvany, Catherine V. 1991: 'Geometric modeling of paradigms in a modular theory of grammar', in Plank (ed.): 91-111.
- Plank, Frans (ed.) 1991: *Paradigms: The economy of inflection*. (Empirical approaches to language typology, 9.) Berlin: Mouton de Gruyter.
- Plank, Frans (ed.) 1991. 'Rasmus Rask's dilemma,' in Plank (ed.): 161-96.
- Rude, Rude 1978: 'A continuum of meaning in the copula,' *Proceedings of the 4th meeting, Berkeley Linguistics Society*. Berkeley CA: BLS. 202-10.
- Worth, Dean S. 1963: 'The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and other Slavic languages', *American contributions to the Fifth International Congress of Slavists*, Vol. I: 361-83.
- Worth, Dean S. 1983: 'Syntactic paradigms and mood in Russian.' In: Vladimir Markov and Dean S. Worth (eds.), *From Los Angeles to Kiev, Papers on the occasion of the IXth International Congress of Slavists, Kiev, 1983*. (UCLA Slavic Studies, 7.) Columbus: Slavica: 237-50.
- Zaitseva, Valentina 1992: *The speaker's point of view as a regular component of grammar and lexicon*. Harvard University Ph.D. thesis. To be published 1993 by Peter Lang.

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

(Gesamtverzeichnis 1990-1993)

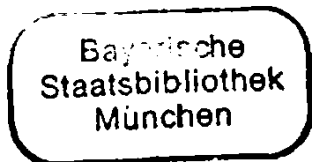
253. Ucen, Kim Karen: Die Chodentrilogie Jindřich Šimon Baars. Eine Untersuchung zur Literarisierung der Folklore am Beispiel des Chronikromans von Baar. 1990. X, 277 S., 6 Farbabbildungen.
254. Zybatow, Lew: Was die Partikeln bedeuten. Eine kontrastive Analyse Russisch-Deutsch. 1990. 192 S.
255. Mondry, Henrietta: The Evaluation of Ideological Trends in Recent Soviet Literary Scholarship. 1990. IV, 134 S.
256. Waszink, Paul M.: Life, Courage, Ice: A Semiological Essay on the Old Russian Biography of Aleksandr Nevskij. 1990. 166 S.
257. Gemba, Holger: Untersuchungen der Raumsprache im lyrischen Werk A. A. Bloks. 1990. XVI, 421 S.
258. Danilenko, Boris: Окозрительный устав в истории богослужения Русской церкви. 1990. 143 S.
259. Lehmann, Inge: Putni tovaruš. Ana Katarina Zrinska und der *Ozaljski krug*. 1990. VIII, 203 S.
260. Slavistische Linguistik 1989. Referate des XV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Bayreuth 18.-22.9.1989. Herausgegeben von Walter Brey. 1990. 313 S.
261. Woodward, James B.: Metaphysical Conflict. A Study of the Major Novels of Ivan Turgenev. 1990. VIII, 178 S.
262. Faulhaber, Dieter Roland: Christian Gottlieb Bröder in Rußland. Studien zur russischen grammatischen Terminologie in der 1. Hälfte des 19. Jahrhunderts. 1990. VIII, 233 S.
263. Loske, Annette: Individuum und Kollektiv. Zum Problem des Helden in nachrevolutionären russischen Dramen von „Mistenja-buff“ bis „Ljubov' Jarovaja“. 1990. VIII, 279 S.
264. Trunte, Hartmut: СЛОВЕНЫСКИ ЯЗЫКЪ. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie. Band I: Altkirchenslavisch. 1990. 3., verb. Aufl. 1992. XX, 228 S. (=Studienhilfen. I.)
265. Burkhardt, Doro: Modale Funktionen des Verbalaspekts im Russischen? 1990. 155 S.
266. Zaloznjak, A. A.: «Меряло Праведное» XIV века как акцентологический источник. 1990. X, 183 S.
267. Drews, Peter: Herder und die Slaven. Materialien zur Wirkungsgeschichte bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. 1990. 245 S.
268. Raxilina, Ekaterina V.: Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке.) 1990. X, 206 S.
- *
269. Golubzowa, Ludmilla: Adverb und Sprachstil. Untersuchungen zur stilistischen Differenziertheit in der russischen Literatursprache, insbesondere im lexikalischen Bereich. 1991. XVIII, 418 S.
270. Drama und Theater. Theorie – Methode – Geschichte. Herausgegeben von Herta Schmid und Hedwig Král. 1991. XIV, 651 S.
271. Dobringer, Elisabeth: Der Literaturkritiker R. V. Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Skythentums. 1991. XVIII, 254 S.
272. Neureiter, Ferdinand: Geschichte der kaschubischen Literatur. Versuch einer zusammenfassenden Darstellung. 2., verb. u. erw. Auflage. 1991. 332 S.
273. Richter, Angela: Serbische Prosa nach 1945. Entwicklungstendenzen und Romanstrukturen. 1991. 252 S.
274. Slavistische Linguistik 1990. Referate des XVI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Bochum/Lollinghausen 19.-21.9.1990. Herausgegeben von Klaus Hartenstein und Helmut Jachnow. 1991. 327 S.
275. Strachov, Aleksandr: Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования. 1991. VI, 244 S.
276. Brown, Russell E.: Myths and Relatives. Seven Essays on Bruno Schulz. 1991. IV, 144 S.
277. Kloss, Ardan: Mythologie am Werk: Kazantzakis, Andrić, Kadare. Eine vergleichende Untersuchung am besonderen Beispiel des Bauopfermotivs. 1991. 183 S.
278. Bulantin, Dmitrij M.: Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв. 1991. 465 S.
279. Voggenreiter, Gudrun: Dialogizität am Beispiel des Werkes von Bolesław Leśmian. 1991. 277 S.
280. Schwenk, Hans-Jörg: Studien zur Semantik des Verbalaspekts im Russischen. 1991. VIII, 261 S.
281. Eckert, Rainer: Studien zur historischen Phraseologie der slawischen Sprachen (unter Berücksichtigung des Baltischen). 1991. VIII, 262 S.

*

282. Hansen-Kokoruš, Renate: Die Poetik der Prosawerke Bulat Okudžavas. 1992. II, 338 S.
283. Jacobs, Silke: Zur sprachwissenschaftstheoretischen Diskussion in der Sowjetunion: Gibt es eine marxistische Sprachwissenschaft? 1992. 209 S.
284. Lampert, Martina: Die Parenthetische Konstruktion als textuelle Strategie: Zur kognitiven und kommunikativen Basis einer Grammatischen Kategorie. 1992. X, 443 S., XI Bl.
285. Indogermanisch, Slawisch und Baltisch. Materialien des vom 21.-22. September 1989 in Jena in Zusammenarbeit mit der Indogermanischen Gesellschaft durchgeführten Kolloquiums. Herausgegeben von Bernd Barschel †, Maria Kozińska, Karin Weber. 1992. 242 S.
286. Klöver, Silke: Farbe, Licht und Glanz als dichtensche Ausdrucksmittel in der Lyrik Ivan Bunins. 1992. VIII, 256 S.
287. Reck, Renate: Das Thema der bildenden Kunst als Gestaltungsprinzip: Ein Beitrag zum dichterischen Werk Andrej A. Voznesenskij's. 1992. 204 S.
288. Larsson, Andreas: Gogol' und das Problem der menschlichen Identität. Die „Petersburger Erzählungen“ und der „Revisor“ als Beispiele für ein grundlegendes Thema in den Werken von N.V. Gogol'. 1992. VIII, 222 S.
289. Göpfert, Frank: Dichterinnen und Schriftstellerinnen in Rußland von der Mitte des 18. bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Eine Problemskizze. 1992. 233 S.
290. Riedel, Sabine: Studien zur terminologischen Lexik bulgarischer Geographielehrbücher (1835-1875). 1992. 552 S.
291. Fedor Sologub: Собрание сочинений. Том первый. Рассказы (1894-1908). Сост. Ulrich Steltner. 1992. X, 426 S.
292. Slavistische Linguistik 1991. Referate des XVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Klagenfurt-St.Georg/Längsee 10.-14.9.91. Herausgegeben von Tilman Reuther. 1992. 309 S.
293. Simonek, Stefan: Osip Mandel'stam und die ukrainischen Neoklassiker. Zur Wechselbeziehung von Kunst und Zeit. 1992. VI, 169 S.
294. Schmidt, Anna: Form und Deformation. Zum kunsttheoretischen und dramatischen Werk von Stanisław Ignacy Witkiewicz. 1992. 259 S.
295. Ueda, Masako: The Interaction between Clause-level Parameters and Context in Russian Morphosyntax: Genitive of Negation and Predicate Adjectives. 1992. XII, 226 S.
296. Levin-Steinmann, Anke: Antonymische Beziehungen zwischen Phraseologismen in der russischen Gegenwartssprache. 1992. IV, 240 S.
297. Rußland aus der Feder seiner Frauen. Zum femininen Diskurs in der russischen Literatur. Materialien des am 21./22. Mai 1992 im Fachbereich Slavistik der Universität Potsdam durchgeführten Kolloquiums. Herausgegeben von Frank Göpfert. 1992. 222 S.
298. Zaliznjak, Anna A.: Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Investigations in the Semantics of Inner State Predicates. 1992. 201 S.
299. Clamor, Dagmar: „Докука и Балагурье“ von A. M. Remizov. Das Verhältnis Remizovscher Umdichtungen von Märchen zu ihren Vorlagen. Eine vergleichende Analyse. 1992. 233 S.

*

300. Kantorczyk, Ursula: Der Satztyp *В городе (есть) университет / У Игоря (есть) машина* in der russischen Sprache der Gegenwart. Eine Komplexbeschreibung unter formal-grammatischem, semantischem, kommunikativem und referentiellen Aspekt. 1993. 209 S.
301. Schellenberger, Jürgen: Die Sprache des *Artakserksovo dejstvo*. Studien zur sprachlichen Situation im Rußland des ausgehenden 17. Jahrhunderts. 1993. VIII, 183 S.
302. Добренко, Евгений: Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. 1993. XII, 405 S.
303. Pantel, Evelina: Valenz im ‚Smysl=>Tekst‘-Modell. Eine konfrontative Analyse russischer und polnischer Verben. 1993. VI, 197 S.
304. Slavistische Linguistik 1992. Referate des XVIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Bamberg 14.-18.9.1992. Herausgegeben von Sebastian Kempgen. 1993. 296 S.
305. Категория сказуемого в славянских языках: Модальность и актуализация. Акты международной конференции Certosa di Pontignano (Siena) 26.-29.3.1992. A cura di Francesca Fici Giusti e Simonetta Signorini. 1993. X, 244 S.
306. Milojević Sheppard, Milena: Morpho-Syntactic Expansions in Translation from English into Slovenian as a Prototypical Response to the Complexity of the Original. 1993. 254 S.

Verlag Otto Sagner · D-80328 München